

26.34

K

K 59

В И К Т О Р К О З Л О В

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

К Н И Г А В Т О Р А Я

ВИКТОР КОЗЛОВ

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Очерки истории разведочных работ на нефть и газ
в Нижневартовском районе в лицах

Книга вторая

- 086731-2

Екатеринбург
2005

Государственная
библиотека
Югры

03

Государственная
библиотека
Югры

КО

Козлов В.

К 59 Первопроходцы. Очерки истории разведочных работ на нефть и газ в Нижневартовском районе в лицах. Книга вторая.— Екатеринбург: Банк культурной информации, 2005 г. — 228 с.
ISBN 5-7851-0546-2

Новые художественные очерки В. Козлова, повествующие о судьбах людей и событиях, связанных с разведкой уникальных нефтяных и газовых месторождений Среднего Приобья.

Первопроходцы!...

Слово-то уж больно ассоциативное!

С этим словом у многих, со школьных времен, возникают образы Афанасия Никитина, героев Жюль Верна, Ермака и Семена Дежнева, Николая Пржевальского и Владимира Арсеньева, Обручева и Федосеева... И, конечно, Тура Хейердала, Сенкевича, Коняева... Космонавтов, безусловно: они — ближние первопроходцы, имена их — все еще на слуху. И они — восславлены! Все! Все они — в скрижалях истории.

Но ведь рядом с ними были и другие люди — те, кто сопровождал их в пути, нес необходимый груз, обеспечивал жизнедеятельность первопроходцев... Есть у это-

го слова и второе «дно»: по сути, каждый человек — ПЕРВОПРОХОДЕЦ!

В самом деле — каждому человеку дано судьбой пройти свой — только ему ведомый, а точнее — неведомый путь.

Но каков он, этот путь? Зависит он не только от судьбы, но и от самого человека: каждый человек в любых условиях имеет свободу выбора, каждый сам решает обходить гору или подниматься по ее крутояру...

В этом отношении все герои новой книги Виктора Козлова — первопроходцы!

Это и буровики, приехавшие в Мегион в 1959 году, и врачи, оказавшиеся здесь по распределению, и другие люди совсем незаметных профессий — дизелисты, слесари, «водители», плотники и т.п. работники, — все они, так или иначе, оказавшиеся, в «ситуации первопроходства», еще и ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯМИ мегионской нефти стали.

40 лет льется мегионская нефть в золотые «закрома» нашей Родины. И по прошествии этих славных лет об одном думается:

Главное — чтобы дух ПЕРВОПРОХОДСТВА не иссяк.

А поэтому всем — каждодневных открытий!

Заместитель главы муниципального образования

Л.В. Юхимович

ЗАДУМАНО НАДОЛГО И НЕ ЗРЯ

Какая духота!..
Парит — как в мезозое!..
Над мхом болотным,
словно испаренья,
мреют
толкущейся мошки прозрачные рои...
В клубок свились веселые гадюки...
Покрылись спины комариным ворсом...
Прищурилось, уставши, солнце в полночь,
не обратив внимания на пики
елей,
успевшие изранить в кровь его...
На буровой завершена работа!
Теперь под полог и на боковую —
чтоб погрузиться в долгожданный сон!
Но дернул бес: я радио послушал...
В душе зашевелились,
как эти гады,
скользкие вопросы.
И мысли затолклись,
как те же мошки...
Замреяли неясные желанья...
Но, к счастью, —
будто свет из подсознания хлынул
и — оттеснил
(как террористов — в горы)
в подобие компьютерной корзины —
все мысли мрачные и заключения;
и, оглядев с приязнью все, что было
вокруг,
включая гадов, тварей и растенья,
людей и технику, пылающее небо,
я понял — это
задумано надолго и не зря.

НАМ ЕСТЬ ЧТО ВСПОМНИТЬ

«НЕ РУССКИЙ Я, НО РОССИЯНИН»

Фаат Закиевич Хафизов родился в 1930 году в семье учителя в Башкирской АССР (ныне Башкортостан).

Род Хафизовых был зажиточен, известен в своих краях и уважаем. Отец Фаата, Хафизов Заки Хафизович, в свое время окончил медресе и долгое время работал директором поселковой школы в Старых Туймазах (недалеко от села после войны вырос город башкирских нефтяников — Октябрьский).

В 1942 году Заки Хафизович ушел на фронт и вскоре погиб, после получения похоронки следом умерла его жена. Бабушек и дедушек к тому времени тоже не было в живых, и пятеро детей — три брата и две сестры, остались круглыми сиротами... Нередки были во время войны случаи, когда осиротевшие дети терялись, разбросанные по разным детдомам, или вообще гибли от голода-холода и болезней...

Но малые Хафизовы: Марс, Мухтарма, Фаат, Разия, Фаиз, выжили всем невзгодам назло! Выжили — не только своим непосильным для детских рук трудом и душевной — не детской! — силе духа, но и благодаря помощи соседей и колхоза, прежде всего, дани уважения к их отцу — Заки Хафизовичу.

Выжить-то выжили, но на учебе старшим пришлось поставить крест: сколько классов при родителях успели окончить — все ихними и остались.

В 13 лет брат стал пасти колхозных телят...

...По себе знаю и тяготы, и радости подобного дела: ранние, ни свет, ни заря, подъемы. Сбитые, исцарапанные ноги, знойный припек, поиски блудливых животных, градобойные грозы и прочие тяготы, но и — неизбывное ощущение благодного утра, прохладной свежести росы, дурмящие запахи первой зелени, томленного в ягодниках травостоя, медовый воздух липняка и пр. и пр.

Пастух, плугарь, тракторист... Это «классы» Фаата!

— Путем-то я только пять классов кончил, в Старых Туймазах, — с грустной усмешкой говорит Фаат Закиевич. — Потом уж самообразованием да на курсах знаний набирался... А в 1948 году, когда одноклассники мои 10 классов кончали и аттестат зрелости получали, мне тоже выдали, только другой, вот он — мой аттестат зрелости! — и с горделивым волнением кладет на стол медаль «За трудовую доблесть» и удостоверение к ней.

Я осторожно беру медаль, читаю удостоверение «...награждается Хафизов. Имя. Отчество. Номер медали 726648. Дата награждения: 23 апреля 1948 г. (ого! 56 лет назад!) п/п Горкин...».

— Да, Федя! — слегка потрясенно говорю. — Впечатляющий «аттестат» зрелости! Таким можно гордиться: одни пятерки!

— Так оно, так! — Без ложной скромности соглашается он со смешком.

Жизнь колхозная и после войны слаще не стала. Положение колхозников в Башкирии в послевоенное время усугубилось двумя засушливыми годами, когда и картошка на личных огородах, за счет которой и с грехом пополам перебивались, тоже не уродилась. И правдами-неправдами потекла деревня в город, где и карточки отменили, и на жизнь можно было заработать.

В нынешнее время четырнадцатилетние подростки без проблем получают паспорта граждан России, а во времена молодости Фаата и в восемнадцать лет получить «серпастый, молоткастый» паспорт, если ты — колхозник, было ой как непросто! А чтобы получить свободу (относительную!) передвижения и проживания, паспорт нужен был обязательно.

Как бы то ни было, совершеннолетнему Фаату паспорт «сделали» и теперь ему сам черт был не брат!

Восемнадцать лет прожил Фаат Хафизов в родном Башкортостане, а затем — Средняя Азия, Кузбасс, Среднее Приобье и — почти двадцать лет — Тюмень...

Нефтеразведчиком стал он в Узбекистане, в Ферганской долине, под Кокандом. В 54-м году переехал в Кузбасс — в Абашевскую нефтеразведку, где проработал пять лет помбуром, потом бурильщиком. Профессия буровика пришлась Фаату по душе: в Среднее Приобье, в Нарым, он переезжал уже бурильщиком 8-го разряда.

Работа в Абашевской нефтеразведке, помимо всего прочего, знаменательна для Фаата Закиевича тем, что там в 54-м году он — женился! Он — бурильщик, она — кочегар котельной на буровой (дело было весной, в конце отопительного сезона).

Родители жены приехали на Алтай из Поволжья. Обустроивались в селе Ситниково с нуля: сами валили лес, рубили избы, поднимали целину, сеяли рожь, просо, ячмень, обзаводились детьми, защищали родину....

Послевоенные годы, особенно после смерти Сталина, характерны интенсивными подвижками населения, особенно сельско-

го. По городам и весям Союза сновали тогда вербовщики — представители новостроек послевоенных и разных ведомств: и в Прибалтике, и в Сибири, и на Дальнем Востоке — везде требовались молодые рабочие руки.

В 53-м году в Кузбассе, в Алыбаше, оказалась и будущая жена Фаата.

Фаат Закиевич невысок, плотен, осадист, как говорят — крепко сбит! Возраст у него сейчас аксакальский, пенсионерская жизнь относительно спокойная, но нет в нем этаким старческой рыхлости, вальяжного жирка: он по-буровицки тяжел, по крепкому рукопожатию чувствуется, что силен еще бывший нефтеразведчик. Лицо у него широкое, выразительное, улыбчивое; взгляд светлых глаз лукав, хитроват; голос с приятной хрипотцой.

— Всю жизнь, щитай, дело с железом да с цементом имел. Слабосильному — куда в бурение?... Это сейчас — мехаизация-автоматизация-компьютеризация, а в наше время: «кнопку» нажал, мешок на плечи, кувалду в руки и — айда-инды!... — Фаат Закиевич (в молодости на буровой — Федя) мелко, заливисто смеется.

Он и сейчас самоироничен, отзывчив на шутку и сам шутник, доброжелательно коммуникабелен, а уж каким был в молодые годы — можно себе представить! Не одно, чать, при желании, женское сердце мог растопить. Мог бы, а вот запала на сердце веселому бурильщику молоденькая кочегарша! «Мерзнуть» вдруг стал руководитель вахты: чуть свободная минутка — в котельную: то давление пора узнать, то просто погреться...И «разогрелись» они так, что без свадьбы обойтись было нельзя...

— Скромная свадьба была, но — веселая, дружная! — вступает в разговор бывшая кочегарша, супруга нашего героя. — После был у нас медовый месяц: на буровой вышка свалилась, вот Григорий Иваныщ, мастер буровой, Норкин, и оставил нас одних на буровой — дежурить... С тех пор и «дежури́м»: до золотой свадьбы «додежурили»! По весне справляли...

Впрочем, до золотой-то свадьбы много воды должно было утечь.

Поисковые работы на нефть и газ в Кузбассе оказались перспективными, и было принято решение о перебазировке разведок в Западную Сибирь. Поэтому через год после свадьбы, в 55-м году, молодожены оказались в Нарыме Томской области.

Однако и в Нарымской нефтеразведке не довелось чете Хафизовых увидеть настоящую нефть, хотя признаки ее дразнили

и манили, как убегающий горизонт. И через четыре года они снова — в путь... Вверх по Оби, несколькими караванами, груженными оборудованием, разбросанными домами, немудреным домашним скарбом (семейно везли с собой буренок и прочую живность) перебрались из Чистого Яра в Мегион-Баграс.

Привожу выписку из приказа по Нижневартовской нефтеразведке Новосибирского геологоуправления № 147:

«Хафизова Фаата Закиевича, прибывшего из Нарымской нефтеразведки, зачислить с 5 июля 1959 г. бурильщиком 8 разряда буровой сетки с выплатой полевого довольствия 40% на Ермаковский буровой участок. Начальник Нижневартовской разведки Подшибякин».

В Мегионе довелось, наконец-то, первопроходцам ухватить «птицу счастья» за радужный хвост: открыть настоящую — большую нефть! И они осели в Мегионе надолго. Трудностей, и производственных, и житейских, особенно первое время, было по горло, но они как-то особо и не омрачали жизнь, может быть, потому что результаты труда были налицо: первый фонтан, следующий... первая баржа с нефтью, отправленной на переработку... первый нефтепровод... растущие новые города и веси... Был виден поступательный ход жизни!

Начиная с 62-го года Фаату Закиевичу часто поручали подменять буровых мастеров, уходивших, кто в отпуск, кто на повышение, кто в загранкомандировку... Несколько лет так продолжалось. Терпелив, добродушен (ай! Где наша не пропадала!), с понятием Федя Хафизов («производственная необходимость, вырывать надо родную экспедицию!»), но и Федя Хафизов, как говорится, все жданки съел, вопрос поставил ребром: «Сколько я на чужого дядю буду работать, скажите, пожалуйста? Направляйте на курсы буровых мастеров: хочу под своей фамилией мастерить, а не на подхвате быть».

Вняло начальство, направило на курсы буровых мастеров: в 66-м году получил он «корочки», узаконившие его право ответственного руководителя за буровыми работами.

Получил он буровую бригаду и — где мытьем, где катаньем, где шуткой-прибауткой, а где и хозяйской строгостью — выпестовал дружный умелый коллектив. Многие годы занимала его буровая бригада верхние строчки в сводках Мегионской экспедиции, ПГО «Мегионнефтегазгеологии» и «Главтюменьгеологии»... Сколько всевозможных наград, грамот, вымпелов, знамен — как

победитель в соцсоревнования разного уровня: МНГРЭ, ПГО «МНГГ». Главка, Мингео РСФСР и СССР, райкомов, окружкомов, обкомов КПСС и т.п. — завоевала его бригада, трудно и сосчитать.

Как бурильщик, Хафизов является первооткрывателем Мегионского, Северо-Покурского, Самотлорского, Аганского, Нижневартовского и Варь-Еганского нефтяных месторождений, а, как буровой мастер — Урьевского и Большечерногорского месторождений нефти. Кроме этого, участвовал он в разведке еще не одного десятка нефтяных кладовых Среднего Приобья.

В подтверждение своей трудовой и гражданской «зрелости», своеобразными «аттестатами» раскинул он веером по столу удостоверения на свои награды... Среди них — ордена Ленина, Трудового Красного Знамени, Знак Почета, а эти высокие награды тридцать лет назад за здорово живешь — не давались!

На парадной фотографии на груди знатного бурового мастера целый «иконостас»!

С законной гордостью демонстрировал свои многочисленные награды Фаат Закиевич Хафизов, но с еще большей гордостью и теплом рассказывал он о своем потомстве и многочисленной родне: у него две дочери, четверо внуков (нефтяник, геолог, юрист, медик). Сестры и старший брат, Марс Закиевич, который, кстати, долгие годы работал дизелистом в нефтеразведках и экспедиции вместе со средним братом, сейчас живут на родине, в Туймазах. Младший брат, Фаиз Закиевич, доктор геолого-минералогических наук, академик... Среди многочисленных племянников также много состоявшихся людей: главный инженер моторного завода, генеральный директор у нефтяников и т.п.

Как видим, род Хафизовых, что раскидистый башкирский вяз, набирает силу — ибо корни у него крепкие, выдержавшие испытания лихими невзгодами. Пусть он и далее процветает на благо России.

ВСТРЕЧА С МОЛОДОСТЬЮ

... На доске объявлений, рядом с приказом о зачислении на первый курс Уфимского нефтяного института (УНИ), висел другой — о направлении с 20 августа 1955 года всех первокурсников на сельхозработы. Наша группа НР-55-2 (что означало: нефтеразработка образца 55-го года, вторая группа), во главе с аспирантом Ключаровым Владимиром Сергеевичем, попала в село Леуза Кигинского района на Южном Урале, где мы проработали до середины октября, спекаясь в дружный коллектив!

Зато потом началось: шесть раз в неделю по 4 — 5 пар! Добро бы одной теории! Ее, «сухую», при сдаче экзамена или зачета, имея, как мы выражались, немного «тяму», могли бы и «размочить», а тут — «практики» навалом: техническое рисование, шрифты, эскизирование, начертательная геометрия и т.п. Тем, кто в общежитии жил, еще туда-сюда, а нам, староуфимцам, на дорогу туда и обратно еще четыре часа требовалось: в чертежке ночевать приходилось не раз. Тяжело, после школы, показалось студенческое житье-бытье. Неудивительно, что первая же экзаменационная сессия ощутимо проредила наш поток: отсеялись, в основном, девушки и вчерашние школьники, легкомысленно распорядившиеся мнимой — домашних заданий, считай, нет, ежедневно не спрашивают! — свободой, которых не спасли вдохновенные предсессионные подвиги.

Не знаю, какие побудительные мотивы были у других, приведшие их в наш институт, но у моих одноклассников их было несколько.

Вскоре после выпускного вечера мы собрались у Борьки «Кирбаума» и провели разбор наших возможностей: кто и куда реально способен поступить, проанализировали перспективы тех или иных специальностей, которые нам могут предложить уфимские вузы. Я согласился с хозяином, что наиболее перспективная отрасль — нефтяная, и мы решили поступать в УНИ. Кроме того, — там самая большая стипендия. В-третьих — форма (почти флотская!). А у меня (надо же: вспомнил к месту!) было и в-четвертых...

После окончания Покровской начальной школы мы вместе с директором пошли в поход по родному краю. Паровоз... Сахарный завод... Бурящаяся скважина... Вот на этой скважине буровой мастер, после контрольного опроса, и напроорочил мне: «Буровиком будешь!»

Я хоть в детстве бывал на буровой, а многие — и на картинке не видели!

Но были среди нас, где-то — один к десяти, настоящие студенты-горняки в черной — с золотом — горняцкой форме, это — выпускники нефтяных техникумов, как правило, владельцы дипломов с отличием. Форма, к сожалению, была отменена, и они донашивали элегантные тужурки, фуражки и шинели, к вящей зависти цивильных однокашников.

В горняцкой форме ходил на занятия и недавний выпускник Октябрьского нефтяного техникума Башкирской АССР, обладатель красного диплома Николай Петрович Ананьев.

Родился Николай Ананьев в августе 1935 года в деревне Спасско-Знаменка Северного района Оренбургской области в семье хлеборобов.

В 1951-м году окончил Ново-Николаевскую семилетнюю школу с Почвальной грамотой и поступил в Октябрьский нефтяной техникум на отделение «Бурение нефтяных и газовых скважин», затем на аналогичное отделение Уфимского нефтяного института.

Учебная нагрузка в институте была тяжелая на протяжении всего срока обучения. Каникул, с учетом практик и сельхозработ, практически не получалось. Единственные каникулы, пожалуй, были только после четвертого курса. Как бы там ни было, Анатолий Ананьев в 1960-м году защитил диплом и по распределению поехал работать в Новосибирского геологическое управление.

По традиции, трудовой путь начал помощником бурильщика в июле 1960 года в Александровской нефтеразведке, располагавшейся в селе Назино Томской области, затем инженером нефтеразведки; вскоре был переведен в Новосибирскую комплексную тематическую экспедицию инженером по опробованию скважин, где проработал до июня 1962 года.

И хотя в геологии и «пусто» — результат, морального удовлетворения такой результат не приносит. В то время как у новосибирцев все «пусто» да «пусто», у соседей-тюменцев — фонтаны да промышленные притоки пошли. Захотелось и Николаю Петровичу «опробовать» настоящую нефть: через Министерство геологии РСФСР добился он перераспределения и был направлен в Тюменское геологоуправление.

В Управлении ему, как имевшему уже опыт испытания скважин предложили остаться в Тюмени, но он выпросился в «поле»

и был зачислен в Мегионскую нефтеразведочную экспедицию начальником цеха испытания.

Экспедиция только становилась на ноги, и службы испытания и опробования скважин как таковой не было: ни специалистов, ни оборудования. И пришлось молодому специалисту начинать все с «нуля». Но недаром было тяжело в ученье: на практике многое пришлось применить! В мастерских готовили всевозможные приспособления для испытания скважин, внедрили глубинные манометры и начали получать необходимые данные для подсчета предварительных запасов Мегионского месторождения нефти. Все первые скважины этого месторождения приходилось испытывать непосредственно ему — Николаю Петровичу Ананьеву.

Конечно, испытание скважины — делу венец, но хотелось заняться все же тем, чему, в основном, учили: проводкой скважин, и он стал работать сначала старшим инженером, а затем начальником ПТО Мегионской НГРЭ, а в 1967 году он уже — главный инженер экспедиции...

В 1969 году Николай Петрович Ананьев был переведен главным инженером в Уренгойскую экспедицию, поскольку там начиналось бурение глубоких скважин, и потребовались для этого опытные специалисты. Проработал он на Ямале в различных должностях еще четверть века: и начальником Тазовской экспедиции, и начальником отдела бурения ПГО «Ямалнефтегазгеологии», и главным технологом Карской НГРЭ и т.п., — до тех пор, пока не ушел на пенсию по состоянию здоровья.

И в Среднем Приобье буровикам достается хлебнуть трудностей, но на Ямале — и климат жестче, и геолого-технические условия — посложнее (одни только аномально высокие пластовые давления чего стоят!). Но успешно справлялся со всем этим мегионский посланец: хорошая и теоретическая, и практическая школа за плечами у него оказалась.

Работа в Мегионской экспедиции составляет лишь пятую часть трудовой биографии Николая Петровича Анаьева, и сколько было сделано при его непосредственном участии, сколько знаменательных событий произошло в его бытность! Отгрузка первой баржи с мегионской нефтью на Омский нефтеперерабатывающий завод, открытие Самотлора... Мегионское, Ватинское, Северо-Покурское, Аганское, Ермаковское, Нижневартовское, Варьганское, Мыхпайское, Черногорское месторождения — в открытии и разведке их есть доля его самоотверженного труда.

В июне 2004 года Николай Петрович был приглашен в Мегион на празднование 40-летия со дня отгрузки мегионской нефти на переработку.. С явным волнением всматривался этот красивый, посеребренный сединой стройный мужчина в чудесный город, пытаясь найти какие-то знакомые приметы — приметы своей молодости...

Город был отважно юн и красив, а вот спутники его молодости — Степан Каталкин, Федя Хафизов, Евстигней Липковский да и другие — конечно же постарели, но в глазах их горел молодой, нестареющий огонь.

«...лишь, как прежде, душа молода, молода!
Над душою, как видно, не властны года!»

Я ПРИШЕЛСЯ КО ДВОРУ

С Михаилом Петровичем Павлюченко я познакомился как-то незаметно в начале 80-х: сначала на буровых Восточно-Мегионской экспедиции (он работал там бурильщиком), а затем, после моего перехода в эту экспедицию главным технологом, на рации и планерках — он тогда стал комплектовщиком базы производственного обслуживания, исполняя заказы с буровых по так называемой «мелочевке», без которой другой раз ни тпру, ни ну...

Возраст у него к тому времени по северным меркам был пенсионный. Но в сутуловатой его фигуре чувствовалась буровицкая недюжинная сила; руки его, десятки лет державшие тормозной рычаг буровой лебедки («палку»), орудовавшие рычагами пультов, легко управлявшиеся при необходимости с «адмиральской» кувалдой, ломом и прочими буровицкими «причендалами», были крабисто разлаписты и жилисты. И на новой, снабженческой работе, при отправке заказов ему частенько приходилось не только воодушевлять личным примером такелажников, но и в одиночку загружать в машину или в вертолет срочные заказы. Черты лица у него были крупные, выражение — спокойное, невозмутимое; взгляд его неярких, темно-антрацитовых глаз, из под густых черных бровей, был внимателен, самоуглублен, выдавал много пережившего человека. Голос низкий, говор — с малороссийским шармом. Был он, однако, немногословен, но за него «говорила», если можно так выразиться, его аура: была она доброжелательной и притягательной.

Родился Михаил Петрович 20 июня 1930 года в селе Калачинцы Полтавской области. Родовые корни его — хлебоборбские. Но поскольку жили они недалеко от железнодорожного узла Лубны, отец его, Петро Хомич (Петр Фомич), подался на производство: устроился проводником. У Петра и Марьяны Павлюченко родилось трое сыновей: Григорий, Дмитрий и Михаил.

Село, в котором они жили, привольно раскинулось на равнине, все утопало в садах — в них цвели и плодоносили груши, яблони, сливы, вишни, черешни. Село пересекали, крест накрест, дороги на Лубны и Енковцы. При хатах были приусадебные участки площадью тридцать соток.

Хаты в селе крылись обязательно ржаной соломой: солома других культур не годилась. Под «зализом» (железом) было в селе всего два дома (один — председателя колхозу), кстати,

сохранившиеся до сих пор. Крылись хаты таким образом. Снопы ржи, обмолоченные разумеется, кровельщики макают в жидкую глину и затем «ушмякивают» друг на дружку, куда нужно. А как только снопы слипнутся и засохнут, так не страшны этой крыше ни ветер, ни дождь, ни огонь и сорок лет, и «бильш». Под такой крышей жили и Павлюченки... Держали корову, кабанчика и прочую живность. Работали, в том числе и детям доводилось, в «десятихатке» (своеобразные мини-колхозы из десяти дворов) на общественных полях, где выращивали пшеницу, ячмень, просо и ту же рожь... В селе было четыре такие бригады. Почты не существовало, зато школа была хорошая: кирпичная, действующая и поныне.

Худо-бедно, но детство мальчишеское катилось счастливо и беззаботно — пока живы были родители... Мать прихварывала-прихварывала да и умерла, а через два дня и отец скоропостижно скончался... А тут еще большее горе привалило: война началась...

Около трех лет прожили братья-сироты под гнетом фашистов...

В 42 году старшего брата, Григория, которому пошел восемнадцатый год, немцы угнали в Германию. Работал он где-то в Альпах на лесоразработках у некоего лесопромышленника, который одевал и кормил «остарбайтеров». Михаил Петрович вспоминает: «Как Гриць возвратился после войны до дому, фотку показывал: в костюме добром и на лицо справный... Такая фотка, что подумалось: кому трудней було? Ему или нам? В костюм-то могли перед съемкой нарядить, дело известное... А вот ряшку-то — не подменишь... Так оно: волов — также кормят, щоб ярмо тащили...»

А двум оставшимся на родной земле братьям-сиротам жилось в своей хате, стоявшем в самом конце «улицы» Бабакивки, ой как нелегко на полном самообеспечении: трэба було и с голоду не умереть, одеться во что-нибудь, и обогреться: русскую печку-матушку протопить, постираться-прибраться, в хате побелить, печку мелом помалювать, огород обиходить: в нем одном спасение от голода...

Оккупанты в селе действовали через полицаев и старосту; в первый же год подчистую побили весь скот и птицу. Налоги они, правда, не брали. Зато через год после войны родная власть обложила каждый двор налогом, независимо, есть живность или

нету, а — отдай: «мясо, яйцо, молоко», шкуру... Иначе за недоимки — конфискация имущества! А имущества-то — прости Господи, зад нечем прикрыть у большинства.

А жизнь брала свое, и несмотря ни на что — были все-таки, были! Они, детские радости...

Зацветает белая акация — как не полакомиться медовыми пестиками ее цветочных гроздей! Первыми попасутся пацанята-лакомки, а следом — птахи божьи... Хороша белая акация в цвету, тильки дюже вона «колючая»... Были и другие развлечения, а вот ученья — не было: при немцах школа в селе не действовала.

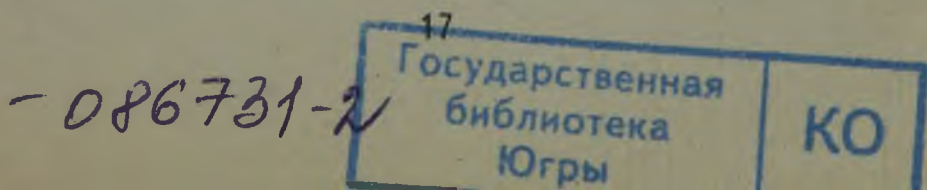
После освобождения села от оккупантов Михаил Павлюченко поступил в фабрично-заводское училище (ФЗУ), а по окончании его стал работать с семнадцати лет. Осенью 48-го года его направили служить под Кемерово (везли их в товарном вагоне).

В 53-м году стал он нефтеразведчиком в Кузбассе; в то время там интенсивно велись поиски нефти и газа. Однако они оказались бесперспективными и были свернуты, буровые партии были передислоцированы в Западную Сибирь. Павлюченко, вместе с товарищами, перевели в Среднее Приобье, в Нарымскую разведку. В Кузбассе и Нарыме довелось ему познакомиться со многими интересными людьми, ставшими впоследствии известными нефтеразведчиками: буровыми мастерами, «генералами», докторами наук, начальниками главков (Салманов Ф.К., Подшибякин В.Т. и др.). Сам же он, прежде чем встать у тормоза лебедки, поработал и буровым рабочим, и верховым, и помощником бурильщика.

В 59-м году Нарымская разведка была ликвидирована, буровое оборудование, транспортные средства, разобранные дома и персонал с домашним скарбом, несколькими караванами, были перевезены в Нижневартовскую нефтеразведку Новосибирского геологуправления.

Павлюченко оказался в Мегионе, где был участок глубокого бурения. Вот выписка из приказа по Нижневартовской разведке НГТУ №137 от 25 июля 1959 года: «§6. Павлюченко М.П. — зачислить бурильщиком 7 разряда с оплатой по буровой сетке и выплатой полевого довольствия из Нарымской разведки с 5 июля 1959г.

Начальник Нижневартовской разведки Подшибякин В.Т.» Тридцать пять лет проработал Михаил Петрович Павлюченко в Мегионской и Восточно-Мегионской НГРЭ ПГО «Мегионнефте-

газгеология» до выхода на пенсию, а всего в нефтеразведке — сорок один год! Не подсчитывал он, сколько метров и километров горных пород пробурила его вахта, в открытии скольких месторождений он участвовал, жаль! Очевидно, что это были бы впечатляющие цифры.

За эти годы поработал он в бригадах прославленных буровых мастеров (Норкина, Малыгина и др.), и во вновь сформированных бригадах, в которых его вахта становилась костяком коллектива.

Всю жизнь ко всякой работе относился Михаил Петрович с основательной добросовестностью и ответственностью. Бурение — дело серьезное, но опасное, сложное, не терпящее верхоглядства, небрежности.

— У меня натура така, — говорит он. — Друг ты мне перший, а вахту я у тебя все равно на слово не приму, пока сам все не проверю: забой пощупаю, турбобур — как заводится и нагрузку принимае, насосы послухаю, тормоз гляну, оснастку, раствор — объем, параметры, превентор — обязательно! Но и сам вахту сдаю — щоб комар носа не вчинил! Хлоптив своих приучаю — щоб робылы аккуратно и швидко. А то вот летные, хоть и земляки среди них встречаются... Покурят... Погреются... погуторят... Глянь — час-два и прошел же.. А в сводке али суточном рапорте: ремонт насосов, трансмиссии, запуск турбобура чи шо... Не люблю такого!

— А то вот уто... — продолжает Михаил Петрович. — насчет заказов. Это уж когда у БПО комплектовщиком работал. На каждом Дне мастера просил всех: бережливее хозяйствуйте, хлопци! Правильно, «мелочевка» копейки стоит, да где ее взять другой раз? А у нас иншим нагнуться, подобрать шпильку, ключ, сальник, плашку чи шо, лень — заказать легче: Петрович пришлет! З переводками, кувалдами, ломami — тож... Спирт опять же а ГИВы: когда шланги перестанут лопаться?.. долотья... Не такая уж и «мелочевка», а третья часть, не меньше, отрабатываются на половину — хоть обратно посылай!

Болез за производство Михаил Петрович, старался выполнить все заказы буровых мастеров, ибо как никто знал, что при полном обеспечении буровой трубами, дизтопливом, маслами и прочими «тоннажными» материалами и узлами, простои могут случаться из-за малюсенького сальника, фланца или преводника, так как на бурущейся скважине — нет мелочей! Все важно.

Первое время Павлюченко жил на Баграске, а в 62-м году получил квартиру в первом брусчатом двухэтажном доме, что на углу улиц Ленина и Заречной. Сейчас он на пенсии и живет в одной из геологических пятиэтажек, наискосок от своего прежнего жилья.

За свой труд награжден Павлюченко медалями и орденом Трудовой Славы II степени.

Пятьдесят один год живет Михаил Петрович в Сибири. И хотя в его «мове» нет-нет да и дает себя знать полтавский «парубок», по образу жизни и характеру он — истинный сибиряк!

«По-за речкою смородина
да брусника во бору...
Ой! Сибирь, вторая родина,
я пришелся ко двору!

На твоих ли, на просторах-то
уработаюсь я всласть.
У меня довольно пороха:
и запалке — не пропасть».

МЛАДШИЙ ИЗ СЕМЬИ ГОРДЕЕВЫХ

Гордеевы...

Сразу в памяти горьковское: «Фома Гордеев»!..

— Ни-и! — мы им — не родственники! — смеется мой сосед по столу у праздноименинницы, Надежды Геннадьевны, соседки его по площадке. — Никоим образом! — категорически говорит он.

Мы заселились в этот дом в начале года. В шесть вставал, возвращался иногда через несколько суток, — так уж получалось, несмотря на мое стремление к семье. Естественно, соседей я не знал. Иногда, впрочем, замечал полную женщину с коляской возле подъезда, и — с ней здоровался любезно: было ощущение, что будто где-то я ее видел.

Я почти по месяцам не бывал дома и, естественно, соседей знал лишь по служебным характеристикам.

А жизнь-то шла...

С женой не поспоришь! Знакомиться надо! И — слово скажи! Стихи напиши! Тем более, что она — оооо!

Вынудился, пошел — и вот: сосед — истинный новгородец!

Не то чтобы — рыжий, нет, а вот есть такая рыжинка, понимаешь, которая, понимаешь, и рыжинка вроде, а — скорее золотинка!

Ну, это, и не в волосах даже, а вот уж подбритье — аж всеми рыжинками его щетинки проклюнувшиеся говорят про себя: золотой я, не рыжий!.. Рыжих-то, слышь, по сию, не любят, вот что неискоренимо!

У нас в то время жил кот Семка; был он из самых не прирученных кошек, что мне пришлось по разным причинам держать: когти и клыки он пускал и против кормящих его; но зато он оказался секс-громиллой, производителем; после шептанья соседок с женой, он исчезал на некоторое время, потом дикий появлялся, а после — опять: мур-мур... и куснет руку до крови или царапнет, а сам на штору или под диван... Дикий!

Вот такое у меня про соседа сложилось «рыжее» мнение...

— Ну и скажешь же, Николаич! — смеется Семен! — «Семка — кот»... А че? Я рыбу люблю! И ловлю. Ну и че? Это у меня — с детства! Я ж северянин! Вартовчанин коренной! Это вам, приезжим, надо привыкать к северу, ахоть и удивляться, а я — с

детства к этому привыкши: к морозу, пурге, жаре, гнусу и сибирской красоте! Так-то вот, соседushка!

Редко-редко я дома ужинал, но ведь — бывало же!

Знатными карасями иной раз жена угощает: откуда бы? В УРСе добыла?

«Сема угостил, — смеется жена, — соседushко...»

Увидимся: привет-привет!

Жена его, дети: «Здравствуйте-здрасти!» Тихо, приветливо.

Я — на третьем, они — выше...

А время-то идет: я уж и на пенсии, книги стал писать, в том числе — о них, своих соседях, под рубрикой «Здравствуй, сосед!» Почти про всех написал, а Семен, как льнь, увиливает... Он да еще Галя-повариха остались...

«На рыбалку, — говорю как-то, — возьми; больше — ничего не надо, никакого интервью!»

«Лады, говорит Семен Прокопьевич. — Пойду, постучу.»

«Что ж ты!» — корю его.

«Рано ж было: как шуметь?» — белобрысые брови его домиком, продолговатое новгородского типа лицо в утренней свежести особенно розовато и блондинисто.

Я понял: надо было к условленному часу уже собраться и ждать...

Справедливо!

Истинно сибирский характер!

Родился Семен в Нижневартовске. В поселке, конечно, не в городе. Детство — как у всех северян: в посильном, созидательном труде, для себя.

В самом конце шестидесятых Прокопий Гордеев подался в Мегион... А в семье, кроме Семена, были уже и братья, и сестра: Николай, Петр, Иван, Галина...

Вот тут уж поистине судьба: хотели-не-хотели, а многие стали нефтяниками! Деревня — «враздрай», куда податься-то?!

Братья Гордеевы — в НГДУ «Нижневартовскнефть имени В.И.Ленина»! Название-то какое? А они-то: «Гордеевы!» Трудились братья так, как их предки — «сибиряки» воевывали!, — наотмаш! Родители от детей — не отставали! Сестру выдали замуж!

А как же: род должен продолжаться.

Насчет работы ясно: братья Гордеевы — это целая бригада!

Вечного ничего нет: сестра Галина, выучившись, уехала на Кавказ; остальные братья остались работать операторами по добыче нефти и газа...

«Миллионы тонн нефти и миллиарды кубометров газа...»

«Сотни миллионов тонн нефти и миллиарды кубов газа...»

Откуда они берутся и как попадают в стратегические ветви нефти — и газопроводов?

А вот так: у их истоков стоят тысячи Семенов Прокопьевичей Гордеевых...

Как это?

А вот так.

Приняв от буровиков скважину, словно сосуд с драгоценной жидкостью, операторы ее и несут.

Лелеют ее, обихаживают.

(Скважина — это тебе не корова: кормить нечем, если, тем более, газовую шапку «скосили»).

Поэтому — каждую скважину, как коровку доярка, операторы именными зовут: ту — Машкой, ту — Дашкой, другую, ненадежную, — Планеркой...

Друг к другу с Семеном — мы не хаживали, но по-соседски, на разных этажах, встречались достаточно часто, чтобы потом, на выходе из подъезда, окликнуть друг друга без экивоков: «Привет! — Привет!»

Отслужил в свое время Семен Гордеев в армии. Вернулся домой. Вернулся домой... А домой ли?..

Ни Вартовск, ни Мегион, — не те уж... не те!

Братья Семена уже работали у нефтяников, в нефтедобыче.

«Самотлор! Самотлор!» — и перед глазами по дороге, и по радио, по телеку: Самотлор! — это — не для приезжих, а кто «тутошние» — им то что?

А «тутошние» в Монголии служили... Семен Гордеев был старшиною роты связи. Забот — полон рот! Интересно, но...

Решил — к братьям...

В 77-м году начал работать оператором по добыче нефти на Ватинском нефтяном месторождении.

(В феврале 62-го года мне в этих местах приходилось бывать; правда, тогда это не было не только месторождением, но даже — площадью, более того, структурой: ее тогда ему предстояло выявить...).

Так или иначе, стал Семен Гордеев работать оператором на Ватинском нефтяном месторождении.

Зная его, надо ли удивляться, что он уже через пару лет стал «первопроходцем»: в своей профессии; первое место в конкурсе «Лучший по профессии», естественно, его.

Сибиряки — молчуны и...

Да такие же люди: славу любят, деньги — тоже... и т.д., и т.п...

Но ведь как «вкалывают»! Другой раз — не надо бы, а — куда денешься: долг требует общий...

Скважины — это своего рода «иглоукалывание» в живой организм Земли. И те, кто следит за своеобразными «иголками» — это своего рода сиделки: Семен этой сиделкой и является! Вот так!

Вышла у меня одна книжка, вторая, в каждой — раздел «Здравствуй, сосед.» Про тех, про этих, а про Семена — нету!

«Встретимся — поговорим и...!»

Поэтому: «И-и-и...» — больше по наблюдениям.

Практически всю жизнь активную отдал Семен Прокопьевич Гордеев предприятию, которое ныне называется ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз».

Здесь же трудились и его старшие братья.

Школьники раньше писали сочинения про Фому Гордеева, нынешним надо — про Семена Гордеева — сейчас он характерен для России.

ОН БЫЛ — «ВЕРХОВЫМ»

Несколько лет назад, работая в архиве ПГО «Мегионнефтегазгеология», я, на всякий случай, сделал выписку из книги приказов Нижневартовскрй партии глубокого бурения о выплате северных надбавок не только знакомым мне буровикам, но и другим — ушедших из геологии к нефтяникам.

Так, согласно приказу от 22 августа 1961 г. № 90, бухгалтерии партии предписывалось:

«Шерер А.А. (опечатка, нужно: А.Ф.) — помощнику бурильщика выплачивать первую 10% северную надбавку за работу в районах Крайнего Севера с 5 июля 1959 г. по 5 июля 1961 г. с 1 августа 1961 г.

Основание: трудовой договор».

Недавно, беседуя с ним «за жизнь», я вспомнил об этой выписке.

Посмеялись: вот если бы не было у «северных потолка, это сколько бы набежало, пусть даже и начислялись бы они, как тогда, через два года? Ничего себе: 220%! А если через год?...- Тогда бы — совсем по-божески!

Родился Александр Филиппович Шерер 10 февраля 1936 года в совхозе 102 Маркштадского района Саратовской области. Отец его 1901 года рождения, участник гражданской войны — воевал за власть Советов в конармии Буденного, в годы НЭПа был директором ресторана в Саратове, заведовал пекарней. Затем переехал в село: стал заниматься столярными работами. Столярничанье, работа с деревом — это было семейное: дед был и столяром мастеровитым, и резчиком по дереву искусным. Инструмент у них был соответствующий — штучный! Передавался по наследству (детям и другим — даже тронуть: ни-ни!).

Вскоре после начала войны семью Шереров вместе с другими поволжскими немцами выселили. Поезд, на котором они ехали, попал под бомбежку. Их вернули и — Волгой — отправили под Астрахань. Разместили репрессированных в бывшей армейской конюшне: на каждую семью — лошадиное стойло! Мужчин — кто что заслужил: одних — на фронт, других — в трудовую армию... Женщин и детей — тоже потом кого куда: на Алтай, в Казахстан, в Томскую область или Красноярский край... Шереры попали в район Александрово Томской облас-

ти (к этому времени у нашего героя появилась в 42-м году вторая сестренка — в Астрахани, на пересыльном пункте). И стали жить они — или выживать? — под привольным сибирским небом и под недреманным оком комендатуры...

Филипп Филиппович Шерер, отвоевав, еще год проработовал на Урале: под его началом пленные немцы на строительстве работали. В 46-м году он попытался «воссоединиться» с семьей. С этой целью он устроился в некую артель, связанную с обороной, в селе Лапин Бор Томской области, получил там квартиру и начал хлопотать. На уровне областной комендатуры вопрос был решен положительно, но категорически уперлась Каргасокская комендатура! Им было выгодно заполучить специалиста его уровня, поэтому они предлагали, чтобы он «воссоединился» с семьей, а не она с ним.

На месте поселения семьи не было даже начальной школы, а сыну исполнилось уже десять лет, и Шерер отец, на свой страх и риск, забрал Сашу в Лапин Бор с собой, где была приличная школа. А через год, когда сын окончил первый класс, Филипп Филиппович сделал еще одну попытку привезти семью к себе, но районная комендатура оказалась всесильной. И он, снова рискуя, забрал оставшихся детей. Жена осталась «на хозяйстве», рассчитывая выкопать картошку, собрать огородные овощи (время-то было голодное!).

За «утерю» детей мать была наказана полутора годами заключения и отправлена по этапу...

По иронии судьбы этап проходил через Лапин Бор: заключенные останавливались на ночевку в сельском клубе. Утром, когда дети шли в школу, они с любопытством наблюдали построение и перекличку зеков. Сердобольные жители, по старинному обычаю, старались что-то передать несчастным... Этап, с которым шла мать Саши, также делал остановку в селе, но встретиться им не довелось. Через полгода по кассационной жалобе ее освободили, но уже в городе Колпашево. В Лапин Бор к семье добиралась она «по веревочке» другого транспорта не было.

После «воссоединения» Шереры построили новый дом, в котором семья прожила много лет. В нем родился еще две дочери (ныне брат в Витебской области, четыре сестры — на исторической родине, в Германии, и только один Александр остался в Сибири).

Привыкнуть можно к любым трудностям: климатическим, житейским — и научиться их спокойно преодолевать (трудиться зимой и летом, ходить в школу за 3-15 километров, работать на валке и лесосплаве и т.п.), а вот сносить моральный гнет терпеливо — этак и рабом легко стать!

В детстве нанесенные обиды легко тушуются временем, но у Александра Филипповича до сих пор жар приливает к щекам, когда он вспоминает эту отвратительную сцену: его приняли в пионеры, и он с гордостью носит красный галстук, а директор школы, встретив его, с ругательствами срывает... Подростком потянуло его море: мечтал поступить в мореходку. Понимал, что эта мечта неосуществима. Тогда — в речное училище, что в Парабеле... Но — паспорт надо! С помощью одноклассника устроил, кому надо взятку «на лапу» в виде 25-килограммового осетра и — поступил в училище! (было это в 54-м году). Проучился четыре месяца, комендатура нашла и скомандовала: цурюк!

Что делать: из училища отчислили, надо возвращаться...

На пристани в Парабеле встретился знакомый парень, демобилизованный пограничник. «Давай, — говорит — завербуемся в лесную промышленность, и пусть ищут ветра в поле!». Нашли кого нужно, медкомиссию за полчаса, не снимая рубах, прошли: врач постукал — послушал и написал: здоров. Заключили договора: товарищ — на два года, Шерер — на год, и к вечеру получили уже подъемные и назначение в Колпашевский район в село Усть-Чек.

Через год Александр Филиппович Шерер в поселке Нарым был с заявлением о приеме на работу в Нарымскую нефтеразведку у ее начальника Леонида Ивановича Кузютина. С 1955 года он стал нефтеразведчиком. Приняли его помощником бурильщика, работать довелось у разных мастеров, в т.ч. у Григория Норкина, приехавшего с бригадой в Среднее Приобье из Кузбасса.

В 1959 году Нарымская нефтеразведка начала передислокацию в Нижневартовск: уходили несколько караванов барж, груженных буровым оборудованием, разобранными домами, техникой, домашним скарбом нефтеразведчиков... В Нижневартовске долго стояли, потом приплыли на Ореховскую площадь, разгрузились в леспромхозе и стали обстраиваться, а в августе новая команда — в Мегион. И снова строиться: холода не за горами!

Успели. Жилые дома собрали и даже клуб, баню, пилораму, склад... Начали строительство фундаментов под буровую, а как пришло буровое оборудование — смонтировали станок и начали бурение 1-й Ермаковской...

Бурение шло тяжело, с авариями и осложнениями...

— Работали по неделе, — вспоминает Шерер, — в поселок на отгулы ходили обычно пешком, километров пятнадцать. На пути — пара речек, «форсировали» их обычно на плотках подручных — охотники, рыбаки их вязали. А с заморозками — по льду... С вахтой обычно мастер или начальник участка ходил... В холодное время года у него в рюкзаке пара бутылок спирта позвякивают провокационно. На всякий «пожарный»: для растира в случае переохлаждения. По льду бегаем, катаемся — молодые же! Кто-нибудь в рыбацкую лунку ногу сунет — переохладился! Перейдем реку, в кружок сядем и — коллективно этим спиртом «разотремся»... Это уж — традиция!

Рыбалка тогда и охота — удачливыми были... Редкий лентяй в то время не рыбачил и не охотился! Не поверите: орлы здесь ведь обитали! Сейчас про них и не слышать, а в те годы гнездились. Случалось, птенцов на буровой выкармливали! У нас на буровой жил такой выкормыш. Повзрослел уже. Сидит на ближнем дереве и с утра клокочет: есть просит. Кто зайдет, он на плечо ему садится, спецодежда тогда была из брезента, так ничего: когти не чувствуются. А вот случай был... Работали у нас геологами муж и жена Романенко. Обычно-то они поодиночке, а тут вместе оказались... Вот геологиня и выскочи раненько по своим делам, то ли что... Орел-то ей на плечо и спланируй... А была она в одном платице: то-то крику было, можете представить! Муж схватил тозовку и застрелил орла... Шуму тоже много было!

Жаль, сейчас не то, что орла, белую куропатку увидишь когда, обрадуешься ей — словно телеграмме-молнии из своей молодости... Зато дороги! На Самотлоре — я в бригаде Норкина работал верховым — на зилках по зимнику другой раз многими часами продирались. И ознобит тебя, и протрясет... А сейчас по бетонке-то летишь — кум королю, сват министру! Хорошо! Но и те времена жаль — что-то ушло с ними... Хотя бы вот это. Деньги и в те времена были всегда не лишни: их тоже хотелось иметь побольше. Но многое делалось не ради них, а

— ради уважения товарищей, коллектива, что ли... И хватало вроде бы... Проблем с ними не было. Вот с отпусками — да, чаще, чем года в два-три вырываться не удавалось. Но и особо не замечалось...

Интересная — орлиная! — работа верхового: кругозор — все, как на ладони! Сноровки и ловкости акробатической требует в то же время. Да и сифонит, все же на высоте... Хорошо слать привет с высоты, но бурильщиком все же интереснее: тот и сквозь землю должен видеть внутренним глазом!

Сначала между спуско-подъемами стал подменять бурильщика, затем и сам научился гонять вира-майна и наконец, стал полноправным бурильщиком — сначала «де-факто», а в 70-м году, после курсов при ГПТУ № 7, и «де-юре»...

У многих прославленных буровых мастеров Мегионской НГРЭ работал Александр Филиппович помбуром, верховым, бурильщиком. Норкин, Малыгин, Шидловский, Макар... Было у кого перенимать опыт работы с людьми.

В 1978 году Александр Филиппович перешел к нефтяникам мастером КРС (капитального ремонта скважин). Начальник УКРС, просмотрев трудовую книжку Шерера, высказал пожелание: «Было бы хорошо, если бы вы и у нас, как в МНРЭ, тоже поработали лет двадцать! Как? Пороху хватит?».

У Шерера хватило «пороху» на двадцать пять лет работы! Хотя трудностей на новом поприще было предостаточно: служба капитального ремонта скважин в то время еще только становилась на ноги, а фронт простаивающих скважин стремительно наступал. Новому мастеру приходилось использовать свой геологический опыт по выходу, казалось бы, из безвыходных ситуаций. Но вскоре ситуация стабилизировалась, и пошла планомерная напряженная работа. А работа и кэрээсников напоминает чем-то работу врачей кардиологических клиник, только «пациенты» у них — неработающие скважины, которые они должны поставить «на ноги»...

Бурильщик МНГРЭ А.Ф.Шерер был награжден Орденом Трудовой Славы III степени, мастер КРС А.Ф.Шерер стал «Почетным нефтяником» и «Ветераном труда открытого акционерного общества «Славнефть-Мегионнефтегаз».

Сейчас Александр Филиппович на пенсии. Привыкший трудиться с детства он сейчас с удовольствием трудится на даче и вообще по хозяйству.

Оглядываясь с высоты своих лет на прожитую жизнь, он с удовольствием отмечает, что она — кругозорна и небесплодна: дочери и сыновья у него есть, внуки и внучки, и все они достойны отца и деда.

ПРОРАБ АНИСИМОВ

«Вот говорят, геолог, геолог! Геолог, мол, открыватель...Открыватель, ладно! А вот уж на счет «первопроходца», как говоритца, извините, подвиньтесь! Да!...»

«Буровики — то ж! «Лучший геолог — долото!» — это уж от них не отымешь: шутка-то шуткой вроде бы, а на деле факт! Или, как некоторые любят подчеркнуть участие второго Баку, — факыт!»

«Факт» или «Факыт», но и для геолога, и для буровика! — впереди идут «вышкар», они-то вот — есть, по-моему, Первопроходцы...»

«Тут уж, как ни финти, истинный факт. Без «факытов»!

Мы сидим с прорабом вышкостроения бывшей Мегионской вышкомонтажной конторы нашего объединения, утром, после встречи Дня геолога в мегионском Дворце культуры «Прометей» Петром Анисимовым.

Вчера он в фойе, звеня медалями и поблескивая орденами, являл истинного собой первопроходца — НЕЗАБЫТОГО, ОТМЕЧЕННОГО наградами Родины. В официальном докладе упомянут был он. Куда уж больше-то? Пой, танцуй и веселись! Тем более что нынешнее руководство твоей «социалистической» шараги для твоего увеселения и из «центра» увеселителей пригласило...

Во время этих увеселений я и встретился невзначай с Петром Анисимовым, да и «задрал» его на утренний разговор...

Впервые я с ним встретился аж в 1983 году жарким июлем. С мая по октябрь того года мне пришлось исполнять обязанности главного инженера геологического объединения «Мегионнефтегазгеология» и конечно свои — главного технолога... Наконец-то, как буровик-технолог, я еще раз понял, что все в бурении начинается с монтажа оборудования, т.е. с вышкостроения...Опытные буровые мастера шутили: пробурить скважину с нормально построенного бурстанка, это — как два пальца обо...обмочить! Если еще и долота с соляркой будут завезены до того...

А ведь построить буровую установку — очень не простое дело! Ведь буровая — это целый комплекс, настоящий завод, не просто станок, где — долото вроде сверла на токарном или сверлильном агрегате, как непосвященным людям может показаться.

Выдается «точка» заложения скважины в натуре обычно топографом при участии главного геолога экспедиции и прораба вышкостроения — своего или ВМК (вышкомонтажной конторы)... Петру Анисимову, кстати, довелось бригадирствовать и прорабствовать и в составе экспедиций, и специализированного Мегионского ВМК.

Кто как, а прораб уже прикидывает, как ориентировать «мостики»: от них потом все будет и «плясать».

Есть выражение в народе: плясать от печки.

Так и в бурении: «плясать от мостков» и от «ротора» (об этом еще речь впереди).

Вот и прораб...

Глянув на «точку», прикидывает: как «мостики»...куда «мостики»...Ведь у него, прораба, свои — «соседские»! — отношения с буровым мастером, который делать будет так ожидаемые «верху» «метры»! И «шабер» ты тут, «але дружу», баш на баш не идет: «...да тыжна ридну...а яж! Ни! Да я же ж...!»

Пока они выясняют отношения, глянем на строящуюся буровую, где производителем работ является Петр Анисимов.

Прилетели мы, повторяюсь, жарким июлем...

Я с начальником ВМК Егором Горбатовым.

Вертолет разгружают пока — через пару часов за нами, — разговаривать невозможно: идем в ту сторону, куда показывает Анисимов...в домашних тапочках!

— Все приехали! — я стопую вертолет и потом объясняю Хохрякову «генералу» уже в полете, — если люди в тапочках ходят, значит, техника не ходит! Хочешь верь, хочешь не верь: я на первом номере у себя в экспедиции три АТСа сжег! Это — ПЛАСТЕ-ЛИН! Борис Сергеевич! На этом номере ставим крест до морозов. Тогда тут — как по асфальту! Анисимова надо на другой номер! На другую «точку»!

Об этом я сказал на собрании.

Меня поддержали:

— Истинно пластелин! Гусянки — не отмажешь! АК-8 и то: пока дым от резины не пойдет, джий... Но все надо выставить: чтоб не примерзло...

...Чем мне мой «дженерал» и нравился, так это тем, что — «решение надо готовить, но — не навязывать!» Поэтому только и спросил:

—Тяжелой авиации сколько рейсов?

Я ответил:

—Разберусь! (авиацией занимался главный инженер объединения или его исполнявшее обязанности лицо: таковым был я в то время).

Поза!... Осанка...

Да!...Поза...Осанка — так или иначе в этом и сказывается человек: подчинится ли он тебе или наоборот? Откуда ты? Какое твое происхождение? Образование?...

Причем все это?!

Это — я сейчас. Вглядываясь.

Голос сиповат, даже баритонист более, чем басовит. Апрель. Пенсионер... А голос-то прорабский!

«Бу-бу-бу!»

Рыкнет — не то что бригадир или звеньевой, последний монтажник на кронблоке услышит!...

— Голосом-то уж бог не обидел, точно! — Как-то скучновато смеется прораб вышкостроения Петр Анисимов, — ино супруге шепнуть хочешь чего-ни-то, на весь дом получается, глядишь...

— Вот ищ-оо...Николаич, верь-не верь!... Похмелья нет у меня!

И в лоб:

— Николаич! Толку-то с нашего разговора — ежели кроме тебя похмелить — будет какой аль нет?

И в сторону кухни:

— Закуска-то где? Че, два раза спрашивать?...(надо заметить, что «дом» готовился к Дню геолога: по запахам, по наряду домашних хозяина...женщины были «намарафечены»!)

И тут только до меня дошла бестактность моего «интервью»!

Хозяин это сразу и почувствовал — а как и не почувствовать? Ведь прорабу приходится часто иметь и не с такими «артистами»! И не будь он психологом и таким «хиромантом», где б ему и с бригадами-звеньевыми, бульдозеристами-геркулесами, крановщиками-архимедами, сварщиками-прометеями, да с обыкновенными монтажниками-дедалами, а и с деректорами-зевсами, где б ему со всем этим всесвятским воинством справиться, ежели б не вот это — умение работать с людьми!

Ой, Петр Анисимов, Петр Анисимов! Нет у меня этой твоей способности — работать с людьми, иначе бы я не принял из твоих рук той опохмельной рюмки, и, соответственно не услышал

вместо рассказа о трудовых подвигах (за которые у тебя медали и ордена), нечто мне кровно знакомое и близкое...

И голос твой — в бочку будто: «бу-бу-бу!», — сказочным мне показался, вроде: «Терентий-Терентий, я в городе была!». Ну и: «Бу-бу-бу!...». (А ведь вчера ты был тоже хорош: позвякивая медалями и блестя орденами, ты обходил своих «гвардейцев» и — прикладывался! Но ты ведь знал, что ты — не опохмеляешься! Они, говоришь, знали, а я-то — нет! Ну-у, ладно! Коли так...)

Петр Анисимов родился 12 июля 1930 года в деревне Анисимовка на речке Кеть, это Александровский район Томской области. Когда ему исполнилось тринадцать лет, отец погиб на Волховском фронте. Погибший отец был почти в два раза моложе нынешнего его сына... Но, чтобы это случилось, надо было во время войны выжить...

— Ох, житзнь-жизнь!

Анисимовы, бабки говорят, с Ермаком пришли.

Ефтифий Семеныч...

Ефтифий Мироныч...

Фамилия-то — Анисимов, да... А, говорят, была — Анисименко! Я, думаю: переделали? Бабку-т, спрашиваю, а она: все мы тут испокон родились! Наша она — Анисимовка родная деревня.

Тетя Нюра, тетя Пелагея... Упомни-ка всех: у матери было девять человек в семье! Баушка — Татьяна Семеновна... Что характерно (на таких низких, ковыристых, басах): отец был — темный, а мать — русая... Дед тоже был темный. Ни дед, ни отец усов не носили. Да. Учили чему? Да-к, всему: жить! Хлеб ведь сеяли, скот держали, рыбалили...Тому и учили: коней стреножить, косу отбить и наточить... Сетку «посадить» и где поставить. Рыбу принять и обработать...Пашня... Вот, говорят, прерии! Мустанги!... А у нас — сора! Кони паслись на полуденной стороне Оби — на этих самых заливных сорах. Обь-то ведь тут — по широте плывет-разливается... А берега — под этой самой Кариолисуевой силой — то ж и об этом слыхали — Обь-матушка и подмывает... Крутояры-Яры обнажает... Вот на этих Ярах — северных, как правило, и селились люди. Корчевали, селяничали, а потом — и колхозничали...Не знаю как, а помню: тут и эстонцы вдруг, и немцы с Поволжья вдруг, потом — «западэнцы»...

Как пришел в силу, стал работать: к артели эстонцев пристал... Порядок, самодисциплина... орднунг! Может оттуда? Кто

знат...А ведь еще... Что уж тут? В Назино... не пленных ведь, своих: из Ленинграда, из Москвы на острову держали...Контакт с имя — не моги!... А ведь они с фашистами на фронте воевали! Чем же сейчас-то провинились, что опять врагами народа сидят? Лодки вот, челноки разные у крутояра вроде бы и зря болтаются... Ну, как озорные слова возле языка родного, так-то вот — зачем бы они? Да?... И уж совсем не причем? Ан, нет, они — что те лодки-обичайки Яр от размывания предохраняют, так и слова-шелуха — родной язык от изымания...Не-е!... Другой раз ведь эту шелуху чуть сдунь — такое там золото высветится, е-мое, диву даешься!...

Школа...

В деревне — все и все учителя! Отец, мать...Дед, бабка... соседи...животные... растения... все: природа! Начальная школа: четыре экзамена... Выпускные экзамены... Семилетка — в Новоникольске... Зимой — на лыжах, летом — на оласе... Протока Кулыш... Поршовская протока... Кулымка...Кулымск — остяцкий поселок... Пасол да пасол... Екан да Екан... Ты говоришь — твои угожья? А чего ж мы и хлеб сдаем, и мясо и молоко? Так оно, так оно... Так оно! Я —то тут причем? В 1956 году в июле... к дню рождения из армии... в родные места... Год отпахал. И — вербовщики!... Обещают — златые горы! Квартиру там... и — прочее...

Уехал! Четыре года в горной Шории, в высокогорье! И — головные боли начались!...Туда-сюда... Сам начальник стройки: «ты, мол...». И я вот сюда — в алесандрово... А тут — Назино и ...вы, это самое, уже все и знаете... коли уж...»

... «Генералу» прораб, видимо, не впервые ответственвал (басовито): постараемся.

В вертолете меня «генерал» спросил-утвердил: «Я его знаю: кровь из носа, сдадут номер вовремя!».

ДОКТОРСКАЯ СЕМЬЯ

В городской поликлинике я дожидался приема у задерживающейся любезной женщины — невропатолога. Чтобы убить время и отвлечься от чугунной тяжести в затылке, я «медитировал»: сочинял стихи. И вдруг, преодолев защитный барьер, в мое сознание проник очень знакомый, напряженно-звонкий Васи Сабанова голос... Звуковая галлюцинация, что ли? Подумалось. Но характерный, с невнятинкой весеннего куропача, голос продолжал звучать. Я вышел из «отключки» и поискал источник звука. Никакой галлюцинации: у выхода из конференцзала, рядом с главврачом поликлиники стоял и разговаривал Вася... Василий Михайлович Сабанов, мой давний знакомый, врач-хирург, заведующий отделением онкологического диспансера в областном центре...

Мы не виделись порядочно лет, но он совсем не изменился: светлый мягковолосый чубчик, требовательно-пристальный взгляд больших темно-синих глаз из-под светлых жестких бровей, правильный нос с трепетными аккуратными крыльями (на Шолохова похож! — впервые сравнилось мне) и крепкое — железное пожатие миниатюрной руки (хирург). Одет, как всегда, модно: на этот раз в коже (значит, сестра все еще снабжает из Самары).

— Василий Михалыч, Какими ветрами?

— Плановая командировка. По линии облздравотдела, — ответил сухо и серьезно. И, глядя в упор, требовательно, скрипуче спросил, — А ты, че? Захворал? Это ты зря, трудиться надо!

— Да после аварии... Сотрясение было, а я — на ногах перенес...

— Тоже зря! Отлежаться надо было, — осудил он меня, и без перехода, — книжки пишешь? Или лентяйничаешь? Зря. Пиши! Ну, ладно, у меня дела. Вечером в гости жди.

Родился Василий Михайлович Сабанов в октябре 1936 года в селе Зубовка Кутузовского района Самарской области. Отец его Михаил Тимофеевич погиб на фронте в декабре 42-го под Сталинградом. Типичная жизнь в послевоенной деревне. Семья при первой возможности в 49-м году переехала в Куйбышев.

В Куйбышеве определили Васю Сабанова в 12-ю мужскую среднюю школу (годом позже, я приехал из деревни Малышовка в Уфу и попал тоже в мужскую школу: раздельное

обучение наложило на нас все-таки отпечаток, я думаю). Школу он окончил в 54-м году. В аттестате зрелости были одни пятерки и четверки. Решили они своей «кодлой» — шестеро одноклассников — поступать в Куйбышевский авиационный институт (годом позже наша «кодла» точно так же — в Уфимский нефтяной), но Васе не повезло: набрал он из тридцати двадцать семь баллов, а проходной был — двадцать восемь... Детям погибших на фронте один балл набрасывали, а ему почему-то эту льготу не предоставили. Ректор сочувственно посоветовал: «Иди в медицинский, год проучишься, приходи к нам! Примем!»

Василий послушался ректора. Отнес документы в мединститут — приняли без разговоров, дали общежитие, стипендию. Поучился он в Куйбышевском мединституте год и не захотел уходить: затянула медицина Василия Сабанова! И в 1960 году получил он диплом и, дав клятву Гиппократу, взял направление в Тюменскую область. Заведующий облздравотделом Самовских Юрий Николаевич направил молодого хирурга в Ханты-Мансийский округ. Пока добрался до места работы — хирургом в Нижневартовск, намааялся: книг вез фанерный ящик из-под папирос, груз неподъемный! В то время Ларьяк был районным центром. В больнице районной хирурга не было, и Василия Михайловича временно перевели туда. Вскоре главврач Каранчеев ушел в отпуск, и пришлось молодому хирургу впрягаться в двойные гужи: разрываться между Ларьяком и Вартовском (подумаешь — полтора часа лету на АН-21).

После возвращения Каранчеева из отпуска председатель райисполкома Николай Иванович сказал, чтоб Василий Михайлович дела не передавал, т.е. остался главным хирургом Ларьякского района (главврачом).

В 1962 году район переименовали в Нижневартовский, а райцентром стал Нижневартовск. Вместе с райисполкомом и райкомпартом (первым секретарем был Аксарин Леонид Васильевич) переехал Сабанов в новый райцентр.

— Приехали мы на теплоходе, — вспоминает Василий Михайлович, — высадились десантом. И я сразу — в контору бывшей участковой больницы. Я там ведь работал, из Ларьяка часто приезжал, а распутицу — всегда там проводил, как в наиболее крупном населенном пункте. В конторе попросил «гроссбух» по солиднее и написал приказ № 1 по Нижневартовской районной

больнице: «Согласно решению райисполкома, в связи с переводом райцентра из Ларьяка в Нижневартовск, Нижневартовскую участковую больницу с сего дня считать районной больницей, руководство которой беру на себя...».

С этого дня стал главным врачом и хирургом райбольницы Нижневартовского района. Райбольница была маленькая, на двадцать пять коек. И — всего четверо — чет-ве-ро! — врачей. А вокруг старого Вартовска было болото — бо-ло-то! — и не все успешно преодолевали его: были и травмы! В районе тогда начали разворачиваться разведочные работы. Мне повезло? Со многими известными людьми познакомился и подружился: с Леонидом Кабаевым, Владимиром Абазаровым, например. Интересное время было!

К слову сказать, в это же время познакомился он и с будущей женой — Ниной Павловной Кибальниковой, технологом Нижневартовского рыбозавода. Родилась она восьмого марта в Джамбульской области Казахстана. После школы в Гурьеве поступала в пединститут, но по конкурсу не прошла. С этими же оценками была принята в рыбный техникум, окончила его в 1961 году. По комсомольской путевке распределилась в Тюменскую область. В совнархозе направили ее технологом на плавучий рыбозавод.

Когда Василий Михайлович решил лично проверить санитарно-гигиеническое состояние рыбозавода, коллеги его шутливо предупреждали, чтоб не делал этого, женят!

Нина Павловна, черноглазая, веселая, с обворожительной улыбкой и певучим голосом, делающая любую работу, как бы шутя, игриво, с женственным кокетством, так рассказывала о визите грозного главврача к ним на завод:

— Приглашает меня с девчонками директор к себе и говорит: надо, мол, девчата главного врача так угостить, чтоб не очень ругал нас. Пожарьте там чего ни то. Постарайтесь! — Постарались. Максу пожарили, другой вкуснятины... И девчонки мне: неси, Павловна! Да букой не гляди, улыбайся ласково. Не на жареху, так на улыбку, глядишь, клюнет! Принесла. Директор знакомит: Василий Михайлович — главный врач. Нина Павловна — наш технолог... Так вот и познакомились: официально...

Шутки шутками, а правы оказались коллеги: женился Василий Михайлович Сабанов на Нине Павловне! «Клюнул» так, что

называется, за самое нутро зацепило. И дочь в свое время появилась: черноглазая, в мать, Оксана.

Познакомился я с семьей Сабановых в Тюмени во второй половине 60-х годов, когда меня перевели из Сургута в геолого-управление. Получил я квартиру в одном из первых домов микрорайона геологов. Над нами практически пустовала квартира начальника сейсмопартии, Лауреата Ленинской премии Леонида Кабаева. Вот в ней-то и появилась в одно прекрасное время молодая семья Сабановых. Подружились мы с ними моментально: вместе встречали праздники, дни рождения, да и в будни постоянно общались. Сближению способствовало и то, что Оксана и наша Лена были почти ровесницы, играли вместе. У нас, по сути, была одна квартира как бы, но на двух уровнях. Рядом с нашим домом был заброшенный большой сад, дети звали его «яблочный». Он был побит морозами, неухожен, но весной был весь в цвету и благоухал. Едва там подсыхала земля, пробивалась зеленая щетинка и зацветали одуванчики, все свободное время при хорошей погоде мы с детьми проводили в «яблочном» саду, перекусывали там. Дети бегали голышками, резвились, и я иногда фотографировал их. Василий Михайлович против этого категорически возражал: «Зачем это? Вырастут девчонки — неудобно будет! Зачем смущать?». Он вполне серьезно хмурил ершистые светлые брови, сердился: крылышки носа аж начинали возбужденно трепетать. Нина и Галя моя хохотали. «Какой пуританин он у тебя! Как ты это терпишь? А еще врач!...» — задирала соседа моя супруга. Василий Михайлович давал повод к ее подначкам на счет его «домостроевских» взглядов: строг он был к своим женщинам, строг... Но они терпели его диктат с безропотным лукавством.

А вообще удивительные они были трудяги!

Василий Михайлович, заведующий отделом в онкологическом диспансере, учился, оказывается, в аспирантуре и писал кандидатскую диссертацию. К тому же, очень часто ему приходилось сутками дежурить. Да еще преподавание на курсах повышения квалификации среднего медперсонала. Консультации в облбольнице. Как человек успевал все делать? Да еще жена Нина Павловна решила стать медиком, поступила в институт...

Кандидатская диссертация его касалась рака печени. Обычно, при подозрении на это заболевание, для исследования ткани под

микроскопом приходится добывать пробу печени хирургическим путем. Василий Михайлович решил делать пункцию своеобразным пробоотборником... «керна»! И попросил меня, технаря-буровика, сделать чертеж устройства. А изготовят, сказал, его за денежки, конечно, умельцы с завода медоборудования. Главное, все необходимые материалы для этого у них есть, он уже зондировал. Применение предложенного им устройства ускоряло и облегчало диагностирование опасного заболевания. Для написания текстовой части диссертации, помнится, он недели на две уезжал в какую-то глухомань, чтоб ничто не мешало сосредоточиться...Защитился он успешно.

Вскоре у них родился сын, назвали его в честь деда — Михаилом. Он светлоголовый — в сабановскую породу. Нина Павловна выдала его, не прерывая учебу. Они получили квартиру, потом другую, более просторную. Видеться мы стали после этого, в основном, по праздникам, да дням рождения. А когда я вернулся на север — мы не виделись годами и годами...

И вот неожиданная встреча в Мегионе...

Вечером посидели, поговорили...

Наутро он решительно предложил мне: «Собирайся, прогуляемся! Что-то покажу!».

Погода мерзковатая: метет. Удивленный и заинтригованный, я пошел. Что, думаю, может он показать мне в Мегионе, который исхожен мной вдоль и поперек и не раз...

Василий Михайлович между тем уверенно шел в сторону «колхоза», бросая реплики: «Этого не было...Здесь тайга была...».

За обнесенным изгородью военкоматом свернул в проулок и остановился перед почти разобранным деревянным строением, крашеном голубой краской...

— Остатки моего детища...Мегионская амбулатория. Строилась по моему проекту. И под моим прорабством: дневал и ночевал. Представляешь? В 60-м году, когда я приехал, в Нижневартовске больница была на десять коек, в том числе акушерских. И один — о-дин! — врач. Что уж про Мегион говорить!... Так что я, дорогой, в Мегионе-то пораньше тебя бывал и к его развитию руку приложил! — Сказал не без задора.

Недавно довелось мне побывать в Тюмени. Не преминул я навестить своих бывших соседей. Трудится по-прежнему разросшаяся докторская семья. Нина Павловна в свое время заведова-

ла терапевтическим отделением в спецполиклинике: было дело, лечились у нее первые лица области, даже Виктор Степанович Черномырдин. Дочь Оксана уже опытный врач-инфекционист, живет своей семьей... Михаил тоже устроен хорошо. Василий Михайлович на старом месте. Он бодр, рукопожатие — железное, взгляд — прямой, требовательный, бескомпромиссный: «Трудишься? Надо трудиться, надо! Все болезни — от лени, от безделья».

И возразить нельзя.

НАМ ЕСТЬ ЧТО ВСПОМНИТЬ

1.

В Среднем Приобье бывают времена, когда душа восклицает: ну, чего тебя уносит от меня! Это и март с его густым, пломбирного вкуса воздухом, и май — с его разливами, с зеленоватостью льдин, переходящей в зеленый туман на берегах, лето красное — нигде так ярко солнце не следит за нами, как здесь, чуть око прикроет и — взглядывает: тут вы еще? вы еще тут? А осень? Слов нету... А зима — не успеешь и заметить: кончилась!.. А мы, нефтеразведчики, только зимой-то и оживаем: перетаскиваем буровые, завозим материалы на «точки»... В апреле — соцсоревнование позволяет: двойные тарифы! Для экспедиции — это дешевле, если потом возить авиацией... Но зимой тоже все ясно: как подготовились, так и провели. Весна — покажет: все вытает наружу...

Провели субботники. Да и штатные работники потрудились: нормально летом поселок выглядит. В поселке — одни нефтеразведчики: около четырехсот штатных единиц замещают. Школа там, связь, лесники... библиотекари, но это так — мелочь. Кадровые-то рабочие — с семьями! Династии уже у некоторых! Жилья не хватает уже. А где его взять? «Стройтесь хозспособом!»

Легко сказать!

Связь с буровыми провел, дал ЦУ: пока все — «как учили».

Вдруг звонят с пирса: «Вас сюда требуют!»

Ну как в степи: небо — куполом! Будто на доньшке голубого шарика и сказочная принцесса сейчас сложит прозрачные крылышки...

Позавтракать надо бы, помстилось мне.

Я собирался прислушаться к своему внутреннему голосу, но заскочивший в кабинет друг, по прозвищу «Затычка», известил меня свистяще-угрожающим шепотом: «Николаич! Секретарь горкома... Ой! И — окружкома... Как его?... Да ладно. Идут: икру мечут! Что их — никто не встретил!»

— Да ладно, говорю ему. — С планом у нас пока, тьфу-тьфу! — все окей! Третий квартал — точно за нами. А уж там — надо «поглядеть». Но по году, если нам, как передовикам, не накинут, все равно доданы глядеться... Готовь дырку на своем блестящем «спинжаке»!

А тут и гости...

Поздоровались, представились.

Один — высокий, второй — пониже... Так и должно: округ и район представляют! Говорит высокий: «выборы — это!»... и т.д.

Объясняю: я — технарь, но в экспедиции, где почти всё население держится на зарплате ее работников, моральное состояние поселка, активность участия всех членов их семей и их самих — на буровые к монтажникам, испытателям, буровикам и даже к геодезистам, будут посланы вертолеты; проголосуют, естественно и сами вертолетчики. Мы с авиаотрядом согласовали, какие звенья у нас будут на день выборов.

Около тысячи избирателей. Агитпункт — в библиотеке. Избирательный участок — в клубе. Сходили. Проверили. Наглядная агитация — есть. Списки избирателей — тоже. И т.п. Несколько напутственных слов и — в сторону пирса, где пришвартовался окружной разъездной катер.

Долг вежливости — проводить...

Впереди, с «затычкой», идет окружное начальство идеологическое: они ранее встречались. Следом по узкому ваховскому тротуару (в ленинский субботник отремонтированному по всему поселку!) мы с его спутником...

Идем, молчим. Вдруг он мне локтем — в бок и, смехотливо-щипяще: «Витька!..»

Ошарашенный, отшатнулся, глянул из-под низа: «Эдька!»

Ну, ты знаешь, говорю ему, это не поселок, а Бог его знает что. Недавно вертолетчик, однофамилец мой, привет мне от школьного друга Юрки Морякова передал. А какой адрес? «Да где-то в Сибири!» Вот и попробуй, спрячься от вас, одноклассников да однокашников...

Представитель советской власти не соизволил, предвосхищая в будущем Бориса Ельцина, у нас не соизволил сойти на берег с борта и не удивительно: Впереди было гостеприимное Охтеурье, оплот советской власти в нашем крае...

II.

В 1955 году конкурс в Уфимский нефтяной институт был, как ныне говорят, крутой: с золотыми медалями не все проходили. Сразу же нас, еще до занятий, направили на сельхозработы — в колхоз. А потом!.. Потом по принципу отбора: выдер-

живали те, кто должен был в жизни вынести еще большие нагрузки.

Среди них был и Эдуард Дмитриевич Бушмакин.

На горно-нефтяном факультете у нас было два отделения: бурения и эксплуатации. Я учился на первом, Эдик — на втором. Но вплоть до четвертого курса у нас все было практически идентичным: лекции, курсовые, практики. Неудивительно, что многие из нас работали и в бурении, и в эксплуатации одинаково успешно: физику пласта и подземную гидродинамику нам читали одни и те же преподаватели, и лабораторные работы по физколлоидной химии мы делали в одном и том же 3-м корпусе. А вот познания по топографии и геодезии, палеонтологии, минералогии и петрографии, уверен, пригодились не всем. Точно так же как и высшей математики, сопромата... Впрочем, высшая математика и сопромат мне как-то пригодились. Лет через пятнадцать после института. А дело было так.

Поселок наш освещался от своей электростанции. Но однажды чешский дизель «сдох». Вместо него я снял с новых буровых установок несколько «полячек»: 200-киловаттных электростанций. Ни знаний нашего главного энергетика, ни моих, ни прилетавших «сверху» не хватило, чтобы их «согласовать» — работать с одним «косинусом фи».

В семи километрах от нас, на Вахском месторождении, работали томичи; у них свет был — от Томскэнерго.

Я начал «трепыхаться» на всех уровнях: как бы к ним подсоединиться? Разные генерал-губернаторства, оказывается! От Сургутской ГРЭС и — тчк;

Многое стало позже понятным: у наших соседей был «генерал-губернатором Егор Лигачев! «Спаситель» русского народа, а фактически — разрушитель финансовой стабильности великой страны. Они решили, опираясь на опыт Лигачева, искоренить вековой недостаток россиянского народа и привести их к КОМУНИЗМУ!

Мне доводилось проезжать в те времена по «городу Кампанеллы» — Стрежевому.

Витрины — как в 50-х годах (я — сейчас из Ваховска, тогда из Малышовки, но впечатление — один к одному!)

Удивляемся... Выбираем: сомнения берут! Слышь, говорю водителю, я вот так в Москве, в первый раз, в «Березке» погорел... Может, говорю, это — тоже «Березка»?

Продавец, с приказчицей улыбочкой: Выбрали?... (Только «с» не прибавляет!)

Называем... Он — считает. «Солидный покупатель! Видно у вас... Так-с: талончики, пожалуйста...»

???

Это было в «городе солнца» — Стрежевом!

Памятуя об этом, я решил сыграть на «джарджавелых» чувствах российского народа: выпить и закусить, а потом уж — поговорить...

В те времена правительство А.Н. Косыгина смогло через партийные препоны пробить тезис: каждое предприятие, если оно не оборонное, становится самостоятельным, имеет свои счета и пр. То есть, доход, после всех выплат государству, оно может иметь и, частью, само распоряжаться.

То, что в нашем ОРСе я брал, под запись, с меня автоматом высчитывали. Случались месяцы, когда я получал меньше жены, хотя оклад мой был в два раза выше, чем у нее. В тот год ей еще не раз приходилось принимать моих стржевских «браток» (не путать с братками!)

Главная тяжесть была — опоры! Делов-то — 10-15 километров, а где их взять? По тем временам в бурении шли еще бурильные трубы с так называемыми «навернутыми» замками: источники аварий! И когда появились трубы с приварными замками и, особенно, трубы легкосплавные — ЛБТ, буровики от «ранешних» труб чурались как черт от ладана. Посему у меня скопилось «списанных» труб как раз на всю трасу ЛЭП: надо было лишь превратить их в опоры, приварив к ним оснастку...

Дело было к зиме. Решив завалить план первого квартала следующего года, я снял с монтажа одно звено, с других — сварщиков, озадачил «зама» — достать электроды и — сварочный цех соорудить.

На глаз было видно, что фермы, сваренные под руководством главмеха, выдержат штормовой ураган. Вентиляция — другое дело: вот тут надо было подумать... Вентиляция нужна была: куда уж! Нюхнешь — как под выхлопом... Сделали вытяжные... Вентиляторы и пр. Довольны. А тут — комплексная проверка техники безопасности, охраны труда и санитарии...

О, Господи, эти проверки! У меня на менее чем пятьсот штатных работников, на сорок инженеров и техников 35 проверяющих с высшим образованием!

Да ведь полгода тому назад проверяли, говорю. Я РГТИ пообещал через прокуратуру привлечь к ответственности за нанесенный ущерб... Иск, говорю, я еще не отозвал...

У РГТИ нет вопросов, зато есть у инспекции профсоюза...

Проект на сварочный цех — где?

Объясняю.

Главный технический инспектор профсоюза, давнишний знакомый, после выпивки, говорит: «Опоры... ветровая нагрузка... и т.п. пусть главмех рассчитает... согласишься с профкомом, т.е., разведкомом, потом — утвердишь. И — мне информация...»

Иван Иванович, говорю, понял: только дай время...

Среди прочих — дал поручения, контрольный срок — не исполнено.

Главмеха понимаю: Полтавский техникум... Но, ведь, говорю, у тебя есть выпускники институтов, в том числе — знаменитого «индуса» тюменского.

— Та я уто и давал вот Лешке...

Тащи его сюда, говорю.

Пришел. На каком факультете учился, спрашиваю? Механик?

Ну-у! удивляюсь: я, буровик, через пятнадцать лет, знаю как эту задачу решить: статически неопределенная балка. С формулой, боюсь, ошибиться, тащи литературу!

Сделали такой проект, что потом главк утвердил и для других экспедиций.

А на одной из практик мы встретили недавнего выпускника нашего факультета и поинтересовались на счет всех премудрых наук; помню, было это где-то недалеко от Альметьевска; красивый парень этот буровой мастер, но ответ его, хоть и запомнился, мне не понравился: «Вот вся наука!» — он музыкально, ксилофонисто, провел по ногтям складным метром — как фокусник развел его и сложил дюймы и миллиметры.

Складной метр, рулетка... Но ведь глазомер — со временем! Куда денешься без этого? Резьба метрическая. ОТТМ. БАТРИС? Другой раз и «понюхать» не грех: дорога ошибка!

(О, Эдик! Ты уж прости меня за такое длинное вступление. Но ведь ты был эксплуатационником, а я — буровиком, прежде

чем вы начнете что-то делать, мы — уже должны потрудиться. Как в жизни, так и в очерке: я уже сказал кое-что, на это потом могу и сослаться)

III.

Итак, Эдуард Дмитриевич — прежде всего нефтяник, выпускник Уфимского горно-нефтяного факультета, а потом уже — все остальное. На последней встрече однокашников он, мне кажется, так и говорил: если не во время официального тоста, то где-нибудь в кулуарах — точно.

Я ведь не обрисовал Вам его внешность...

Сегодня он — достаточно худощавый, вполне зрелый мужчина, с чубчиком, правда, уже седоватым, здоровым цветом лица, с удивительно цельнозубой улыбкой, и — завлекательным блеском фиалковых глаз, искрометных — когда он лыбится или сердится... Это он сегодня такой. А каким он был...

Отец его, когда сын и не планировался по теории невероятности, в 1908 году едва сам родился в будущем городе Серове Свердловской ныне области. Так получилось, что он новую власть воспринял активно: был комсомольцем и потом — штатным работником. Служил в армии.

Армия...

Приказ: туда! Приказ: сюда!..

41-й семья Бушмакиных встретила в знаменитой «Электростали». В Подмосковье. Старший Бушмакин — комиссар полка. Майор.

Мать — Александра Федоровна. Классическая характеристика: комсомолка, спортсменка, парашютистка... И вдруг — заболела! Как? Что?..

— Родив меня, она заболела туберкулезом, — говорит Эдик.

Старший брат, Анатолий Дмитриевич, недолго был с ними: в ноябре 41-го забрали на фронт. А остальных эвакуировали...

41-й год — на Белой белый пароход. Может, теплоход? И — Бирск! Тут и память и соображение: эвакуация! В 44-м вернулись в Электросталь — домой! С мамой. А в феврале 45-го мамы не стало. Похоронили ее без отца. Вся родня по матери — она из Белоруссии, — была фашистами уничтожена. Екатерина Федоровна — бабушка по отцу, баба Катя... «Бабушка Катя»...

Отец попал в Прибалтику. До 48-го года воевал с «лесными братьями». (Эдик! Да ты с такими данными в Прибалтику ныне визу не получил бы, более того, тебя там могут, и задержать!)

«Когда был на фронте, — вспоминал его отец, — было ясно: вот фронт: с этой стороны — мы, с той стороны — враг! А тут — фронт со всех сторон! Не-ет! Не фронт, а из-за угла! По бандитски. Подло. Идет офицер с девочкой. ...Пацаны были — офицеры-то, жизни не видели... Не целованные! А — весна... Расслабился — финку под сердце... А то и выстрел...Патруль туда-сюда на звук: темно и тихо...»

Когда отец с войны пришел, сын его, Эдик, первый класс проходил ...

Дома, по-христиански, умер его отец. Жаль, что совсем ничего пожил с детьми. Баба Катя устроила поминки по воину Дмитрию Бушмакину...

«Мы с Толиком, — вспоминает Эдуард Дмитриевич, — во-от такой бак картошки чистили в тот раз. С той поры я и научился картошку чистить.»

Две даты.

45 год — день Победы и смерть матери.

48 год — отмена карточек и возвращение отца.

Даты: в жизни страны и в жизни человека — Эдуарда Бушмакина.

Запомним их.

Осуждать ли отца? В том, что женился в 48-м же. Вряд ли...

Родня стала появляться: в том же году сводный брат, в 54-м — сводная сестрица....

Живут там, где глава семьи... Вот они уже в городке Железнодорожске. Но это все — Подмосковьё!

А в самой столице: тетка, сестра мачехи!

Хоть и мачеха, но не сказочная: встретит, приветит, спать уложит.

Татьяна Леонтьевна и ее сестра Анастасия Леонтьевна...

Мачеха долго жила: в девяностых годах почил...

Прослужив в городе Железнодорожске, отец ушел в отставку, работал на заводе в железнодорожном же ведомстве, т.е. обеспечивал работу транспорта — как часы! Да, что-то вроде этого. Отец везде был великолепным политработником, или, как тогда говорили, лектором: мог прочитать захватывающую лекцию на любую тему и на заказанное время: час-два-три... Читал грамот-

но, доходчиво и был, что называется, нарасхват. И, главное, ему это было не в тягость — в удовольствие! Даже позже, бывая в гостях у сына, не отказывался просветить его коллектив... Несмотря на трудную жизнь, Бушмакин-старший прожил без одного месяца восемьдесят семь лет; умер, убедившись, что жизнь детей состоялась. Он не ставил себе целью долголетие: жил, как жилось. Чуть-чуть, по профессору Преображенскому, при встрече и за обедом, «принимал» рюмку-другую... Будучи в командировках, Эдик, сын нижевартовский, заезжал к отцу обязательно. В самые «талонные» времена заносил закуску приличную (должность позволяла!, а отец и сам мог выставить не хуже: домашнюю!

— Ведь недавно, вроде бы, встречались: жив был!.. Недавно, вроде бы... Вот как тебя: вижу! Да, выпить... Закусь привозил: по тем временам — отличную! А он: во-от такую рюмочку! Но не был этим...как его? Горбачева и Егора — осуждал! Он понимал: они рушат финансовую основу страны. 29 августа 95-го года умер... А родился отец 23 сентября 1908 года. Всю войну прошел... И в такие годы — мог! Меня наставлял...

По стране — помотались. Там-там... После Бирска — Электросталь. Потом — Бугульма...Это — Татария...Там жили в половине финского домика. Как сейчас помню. И — отец!

Он был — публичный человек.

Ведь раньше — как было? Перед кино или концертом, — обязательно лекция о международном положении. Тут уж хлебом не корми — мой отец умел выступить! И когда успевал, владел аудиторией: мог говорить и час, и два!

Даже когда ко мне в Серафимовку приезжал, и там читал лекции, просил только: сын, не приходи! Ты, мол, смущаешь меня. А мне — интересно! Ходил, но незаметно для него...

Вдруг память у Эдика на другого близкого человека перекинулась:

— А старший брат тогда жил в Темир-Тау... В Казахстанской Магнитке... Он окончил УПИ — Уральский политех, — на год раньше: в 59-м году, и уехал в Казахстан... Вот. В 1993-м и умер там. Мы там были: дымище! Свету белого не видно!..

Вот и дышал таким ядовито-бурым, с красноватым оттенком, воздухом брат и — умер! С 59-го по 93-й. 34 года! Был бы поэтом, на дуэли там... А тут — надо было, надо, Родине!

IV.

Танцплощадки конца 50-десятих! Где их только не было! Во дворах бараков! Возле общежитий! В парках: под духовой оркестр пожарников или заезжий джазовый ансамбль! Но все были полны! Все распирали ожиданием счастья, неожиданного, сказочного...

А по весне... Когда над скамейками по контуру, из-за пятидесяти копеечного забора за вход, навешивались дурманно пахнущие яблоньки-ранетки, сюда шли безнадежные даже на доплату матери-одиночки (несмотря на то, что даже у студентов тогда брали со стипендии за бездетность налог!), я, по крайней мере, терял голову... Я искал ЕЕЁ! Но все не находил... И, скучая, ездил то в парк Гафури, то черт знает куда... Студенты УНИ были в почете: к нам и БГПИ, и медики, и... Пригласительные на наши вечера в Черниковку во дворец Орджоникидзе нефтяников были «валютными» как сейчас говорят.

Тем не менее, и Эдик, и я уехали работать холостяками...

Я — буровик, Эдик — эксплуатационник.

(Оно и в жизни получилось так...)

На преддипломных практиках нас разделили: эксплуатационники — туда, где уже месторождения, буровиков — где еще надо побурить...

Серафимовка! Где-то на третьем курсе мы уже знали про нее!

Кто-то и на практику попал туда сразу же. Среди них — и Эдик Бушмакин, спортсменов, комсомолец и т.п.

Ему — понравилось, а он — всем...

Отчет по практике — на отлично! И — приглашение на работу! Дипломная работа: отзыв из Башнефти: «Блестяще!»

Защита диплома: блестяще!

Направление туда же, где преддипломную практику проходил...

В это время телеграмма от Толика (старшего брата) из Темиртау: приглашает на свадьбу!

— Я ему ответ: «присылай денег зпт приеду тчк своих нет двтчк диплом только что защитил тчк».

Распределение было до защиты. Приехал со свадьбы, получил диплом.

Пошел за направлением — в объединение «Башнефть». Я выбрал НГДУ «Октябрьскнефть» Объединение одно же! Руко-

водителем дипломного проекта был начальник техотдела «Башнефти». Фамилию до сих пор помню,— улыбнулся Эдик, — Мангушев!

Прихожу в отдел руководящих кадров «Башнефти»

Вы, говорят, распределены в «Башнефть». Да, отвечаю, в Башнефть, но в НГДУ «Октябрьскнефть»!

А мне: Нет-с, в «Башнефть»,но — в аппарат!

Оказывается, мой «шеф» взял меня к себе в отдел!— так ему понравилась моя дипломная работа.

Добился встречи с ним: не хочу бумажки перебирать! Я ж ничего не знаю! Давайте: года три поработаю, опыта наберусь — тогда, если не передумаете, к вам!

Согласился!

И вот он, Эдик, виноват, Эдуард Дмитриевич Бушмакин, снова в Серафимовке!

Работа работой, но и потехе час: волейбол свой любимый да и вечер-то что зря терять — умел танцевать молодой специалист-спортсмен...

И классика, и «пумба-румба-пумбарумба» — с глухим «б»...

И — вот она, классическая танцплощадка тех лет: ограда, раковина для оркестра, сиденья вдоль ограды...

Что-то... с кем-то... протанцевал: забыл! В памяти: пустынная танцплощадка (узенькие, как в спортзале, досочки, серые от пыли), все на скамеечках вдоль ограды узорной, и— одинокая девочка...

И — музыка пошла, и мысль оригинальная сразу: «Простите! Видимо судьба: вам места нет, мне — тоже, так разрешите вас — на танец!»

— И вот с тех пор танцуем! — весело, моложаво смеется жена Эдуарда Дмитриевича Бушмакина сегодня, в апреле 2004 года в своем доме уютном.

Света. Светлана. Светоч!

Светлана Иосифовна смеется:

— Вот уже 43 года танцуем и — сесть негде! Внуков уже — полный двор! Свадьба была 27 ноября 1961 года! Жили сначала у моих родителей.

3-х комнатная квартира, но: Иосиф Иосифович, Нина Федоровна, брат... Она училась в Туймазах, потом в Серафимовке после восьми классов. Потом — биофак БГУ. Потом — жена... Но — работала. Не по специальности, но — где с мужем рядом.

Экономистом, плановиком. Куда деваться: переучивалась. И основная работа: поддержка мужа.

V.

Утро — летнее!

У нас открытия — на долоте!

Геологи — ладно! (у них и «пусто», а все результат!)

«Они» знают: если в первые два-три часа прихват инструмента — не освободили, идут ко мне — сдаваться! Я никогда за это не накажу!

За «сокрытие» карал жестоко: из своих «замов» в бурильщики! Вся разнарядка! Партбюро — нет!

«Офицеры» знали. Но «народ» — не знал. Я это делал «тет-а-тет»! При защелкнутых замках кабинета. И, если знали, то — не от меня...

Мы тогда еще наслаждались предоставленным нам правами «соцпредприятия»: т.е. ,что заработали, все — наше! В главке знали, что я из командировок к себе летаю на попутных вертолетах. Гостей со знаменами тоже стараюсь «встречать» на представительских авиасредствах. Поэтому незапланированный шум приземлявшегося вертолета принял настороже: что бы с него поиметь? Попутно! Попутно...

Дошел до «садика», откуда видно: выездной! Блистеры — квадратные!

«Э-то-го мне и не хватало! Начальство!»

Иду — Эдик!

«Это называется — полный контроль! Связи, транспорта... В непогоду! Как партизаны... Ну, Эдик!»

Он — я бы на его месте тоже мысли прочитал! — говорит:

— Витька, брось! Гость же я: мимо летел, спрашиваю командира: как? А он, твой друг, оказывается! Говорит: запросто. Дам, говорит, «ночь»: заночуем! У них заправка хорошая. Пилотская — тоже. Почему не сесть!

У нас открытое партсобрание: я — докладываю «ковёр бурения» на последнее полугодие.

И — время!

Едва разместили гостей, к народу! ПДПС! — постоянно действующее производственное совещание. Кстати, я к ПДПС всегда серьезно относился: там ни только стоящие предложения бывали, но их исполнители — по-русски грудь, свою под-

ставляли... Я таких обычно брал всегда на пробивку зимника.....

Гости пришли: их не упрекнули за опоздание. Не ждали, мол.

Эдику...

Эдуарду Дмитриевичу — первое слово!

Потом — начальнику ПДПС....

Потом — главному инженеру...(т.е. мне)

Вопросы-ответы, туда-сюда.

Перерыв. Моя разнарядка горит: план-то делать нам, технарям!

Ушел я «по-аглицки»: «технарить»! Вечером в «греческом зале» встречаемся. Он мне «леща»: — хорошо ты доложил, но чего с закрытой части исчез? Понимаю: дела, но...

Я — понял!

— Эдик! Обижаешь! Я б даже от тормоза во время аварии... А тут... Не мог-с! Я ж беспартийный!..

(Промолчал бы! сказал бы: прости : дела были срочные! и т.д. и т.п.)

Но — что было сказано, было сказано!

«Тэт-а-тэт»!

...И вдруг друг превратился в секретаря Нижневартковского горкома с которым Леонид Ильич — лично! — не однажды здоровался.

— Ты! — голубые молнии из глаз! — это серьезно?!

Я понял в какую проруху попал.

— Да! — говорю, — Так получилось!

— Ну я тя зацепил! — Эдик аж руки потер. — Так... Когда у нас следующее бюро? Ага! Успеешь. Соотношение рабочих и ИТР надо сдержать. В декабре — ты и бурильщики... да, именно бурильщики. А то вам ... Переходящие Знамена партийные берут, а сами...

Эдик показал мне кулак.

Выступая на «закрытом» активе, Эдик сказал соответствующие слова.

А в неофициальном тосте заметил:

— Мне нравятся вот такие небольшие организации, где никого не хаут, ничего «сверху» ее просят: решают свои проблемы тихо, по-семейному... С другой стороны, иногда даже бывает

обидно: для чего ж тогда мы? Я сейчас открою один секрет...
Ваш главный инженер — мой однокашник! И хоть бы раз за
помощью обратился!

Его слова потонули в гуле...

Это было...

Это было — мы сидим в твоей черной «Волге». Заехали на
летное поле.

А перед этим говорю: «Вартовск-то — порядочный город!»
А ты в ответ: «Пяток бы лет еще, вообще не узнаешь!»

У тебя дел было уйма: я тебя оторвал от них, чтобы воспользо-
ваться бронью на Уфу — твоей бронью!

А у меня в вертолете сидели три женщины...

В неизвестности...

Сейчас другие времена, Эдик!

Что делать!

Но у нас с тобой — есть что вспомнить!

У КОЛЫБЕЛИ МЕГИОН-ГРАДА

*Человек должен утверждать себя в жизни,
исполняя свой общественный и патриотический
долг перед отечеством.*

Н.М.Карамзин

* * *

— Здесь аврал в любое время суток:
то пожар, то баржа с кирпичом.
А в столовой вечно кроме супа
да тушенки — очередь еще...
То мороз, то грязи по колено....
Нет жилья, житья — от комаров...
Пусть другие топают на смену:
Я — наелся, во! Бувай здоров!

— Говоришь ты складно, словно пишешь,
так, что против нечего сказать.
Только разве ты уже не слышишь?
И не видишь? Так открой глаза:
Над тайгой гудит тревожный ветер,
Дыбит волны штормовой Оби.
Города рождаются, как дети, —
от любви!...
Для одних они потом — морока...
Их бросают, словно малышей!
Город наш, болезненный до срока,
заревел в пеленках чертежей.
Мы его уходим и угоим.
Не по дням потом, а по часам
будет он вздыматься над тайгою
и по-детски улыбаться нам!
Уезжай! «до дома и до хаты»!
Уезжай!
Но сердце защемит!
Места не найдешь себе тогда ты
и — вернешься...
— О!...да ты — «пиит»...

И хотя это стихотворение я написал в 1965 году, в канун
восстановления Сургута статуса города, оно, мне кажется, ассо-

цируется с внутренним диалогом многих северян той поры, особенно, если северянин — городской голова!

По этой причине я и предпослал это стихотворение рассказу о Юрии Семеновиче Ярошенко, который стоял у колыбели Мегион — города, когда тот был «в пеленках чертежей», на чью долю выпали все «родительские заботы» радости: и ночные бдения, и переживания за хворого, и неподдельное счастье при веселых гулях и первом зубке «младенца»...

I. А мои ти куряне сведоми кьмети

Жизнь Юрия Семеновича Ярошенко условно можно разделить на две части: домегионскую и мегионскую. Мегионская половина распадается, в свою очередь, на три составляющие: производственную, общественную и теперешнюю — пенсионерскую.

А осознавалась жизнь в соловьиной сердце России. В Курске...

Предки Юрия Семеновича по отцу — украинцы, выходцы из Сумской области (село Угроеды).

Отец его Семен Никитич Ярошенко в тридцатых годах приехал в Курск и женился на Евгении Архиповне Корневой, коренной курянке. Молодожены вскоре попытались счастья в Казахстане, где 5 сентября 1936 года и родился Юрий. Однако казахстанская жизнь не пришлась им по душе и они вернулись с годовалым сыном в Курск и поселились у родителей матери.

Дед Архип работал машинистом паровоза, относился, как принято говорить, к рабочей аристократии. Его профессия в те времена была весьма престижной. Да и заработки были приличные: на них-то и построил деду собственный двухэтажный домик на улице Пионерской.

Курск и поныне, в сравнении с другими областными центрами, не очень раздался, а в довоенные времена шутливо назывался курянами «две горы, две тюрьмы, посередке баня!».

Улица пионерская пролегла недалеко от этих достопримечательностей: по длинному косогору вниз к пойме Сейма, причем правая ее сторона была ровной, левая — покатою. По этой причине сегодня справа интенсивно идет современная застройка, а левую сторону улицы. Боясь оползней, не трогают — сохранился

частный сектор, в том числе и дедовский дом, и сады целы, а в них знаменитые курские соловушки!

Мать Юрия Семеновича Евгения Архиповна большой любительницей цветов была, разводила их и в жилье, и вокруг дома, и по межам... Земли тогда было много: и под сады, и под огороды, и под цветы, подо все хватало. В саду не менее курского соловья знаменитая антоновка... Грушовка, анисы, китайка, ранеты всякие — с десятков сортов выращивались! А тут еще и вишня со сливой, крыжовник с малиной... Ухода все требовало, зато и урожаем радовало: нюх и глаз, язык и желудок тешило, в тяжкие годы от голодухи спасало.

Дом дедовский на Пионерской удачно стоял: две остановки и баня городская, шутейная примета курская! Парься, купайся! Мозоли распаривай, грязь-худобу смывай! В том же районе базар пчелиный ульем погудывал. До Красной площади тоже рукой подать.

Да! Есть в Курске и своя Красная площадь. Ведь Курск — древний город, с традициями, известен он с 1032 года как крепость Киевской Руси (967 годков ныне ему!). К Красной площади городской сад примыкает, в торце сада древний монастырь, в нем ныне Курский художественно-исторический музей с интереснейшими экспозициями и богатейшими фондами.

Как раз по Пионерской сохранился дом одного из первых курских воевод — «палаты каменные». В районе Бернышева церковь Троицкая стояла. Внизу речка Тускарь протекала. В ней совершались первые купания: мальчишки открывали летний сезон! Мелкой была речушка уже в детские годы Юрия Семеновича, а сейчас, как в Мегионе Бердаковка, и совсем исчезает. По легенде же, в давние времена была Тускарь многоводной рекой, заходили в нее большие лады княжеские и иноземных купцов из Сейма...

Не зря Курск был основан крепостью! Во времена ожесточенной Курской битвы жарким летом 43-го года стонала древняя земля под тяжестью бронированных чудищ, от разрыва бомб, фугасов, снарядов, задыхалась от смрадной копоти горящей человеческой плоти и плавящегося металла.

Курск, как известно, в оккупации был около двух лет и несколько раз переходил из рук в руки.

Юрию Семеновичу особо запомнились два эпизода военной поры.

Брат матери был военным, старшим офицером или, как тогда говорили, командиром. Он служил в районе Бреста и погиб в

первых же боях. В Курске осталось много его вещей, погонь, портупея, командирская фуражка и еще кое-что из обмундирования. Мать Юрия вместе с двумя сестрами собрали все его вещи в узел и спрятали их в грубку (так на белорусский манер звалась русская печь). Тут, как назло немцы с повальным обыском: был убит какой-то чин, и они искали подпольщиков или партизан. А в пленнице во дворе дрова аккуратно пиленные, ровно, по-мужски наколотые, вот и могли подумать, что в доме — мужчина, и будут искать! Мать и тетки забили грубку всякой шелухой, и когда нагрянули немцы, сильно перетрухали. К счастью, все обошлось этим испугом.

Улица Пионерская тогда не имела твердого покрытия, весенние воды и летние ливни промывали посреди ее проезжей части настоящие каньоны! Да и снегом заметало ее порядочно. На Пионерской застревали даже танки!

Голодно было в войну, как и всем: тетки с матерью по деревням обменивали вещи на продукты. Да и сад с огородом спасали от голода.

Любил Юрий в детстве певчих птиц: и занятие, и забава, и наслаждение! Чижей, щеглов — полон дом. В больших и маленьких, в покупных и самодельных клетках. На птичий рынок ходил и так — обменивался. Канареек не держал — аристократки! И ухода повышенного требуют, и к корму привередливы. Постарше когда стал, пробовал и канареек держать — знает, общался с ними.

А по весне, на Благовещение, пацаны, соревнуясь в широте души, выпускали своих певцов на волю... Сколько про это стихов написано, песнопений, а все же самому испытать бы... Высокие, возвышенные чувства переполняли мальчишеские сердца в этот благословенный день! Боже, как не хватает подобных чувств детям сегодня!

Пробовал он и кроликов разводить. Дело оказалось не только хлопотным, но и скучным. И решил он однажды и кроликов выпустить на волю... Те с удовольствием разбежались и начали так интенсивно «пропалывать» огороды, что соседи не на шутку рассердились и пообещали прибить прожорливых «помощников». Пришлось Юре мобилизовывать всех друзей и устраивать облаву на ушастых «партизанен» и водворять их за решетку в клетку.

И еще было у Юры увлечение: голуби...

Держали они их с соседом-напарником.

Ни с чем не сравнить это занятие — гонять в хорошую погоду «по крышам голубей»! Задрал голову, наблюдать их полет, поощряя разбойничьим посвистом! Отлавливать мотиком (приспособление такое: шест с петлей из жилки или конского волоса на конце потерявшего голову от любви чужака...

Занятие, не ободряемое, впрочем, взрослыми и теми же соседями: когда «гоняешь по крышам», кровельное железо мнется, краска лупится, шелушится. Хотя и среди них попадаются заядлые любители голубей — дома через три от Юриного древний бородатый дед держал рубленную из бревен голубятню с обширной вольерой и породистыми птицами.

Все эти занятия и увлечения мирно уживались с работой по хозяйству и учебой в школе.

В школе Юрий любил литературу, особенно поэзию, много читал. Знал наизусть из Пушкина, Фета, Есенина, стихи западали в душу, запоминались как бы сами собой. Любил историю... К слову, легко запоминал нужные сведения и по другим предметам, память была отличная! И при всем при том, как ни странно, писал... с ошибками (мать даже как-то репетитора нанимала).

Из учителей, кроме литераторши Марии Ивановны, запомнилась своей обаятельностью и интеллигентностью преподаватель немецкого языка.

В школу ходили с холщовыми, брезентовыми сумками, завтрак брали с собой. О еде мечтали постоянно: такая пора была. Зато летом царствовали.

На автостраде Москва-Харьков через сейм был мост, взорванный во время войны. Чуть пониже этого моста и купались. Солянка — называлось это место. К нему выходили огороды с картошкой, помидорами, огурцами. Вот на них без зазрения совести пацанва и отъедалась. Неподалеку обосновался рыбак, был этот человек как бы не от мира сего. Ребята ему хлеба приносили, он — ущицей, рыбкой отдаривался. Так и соседствовали лето.

В классе девятом съездил Юрий к отцовским родителям в Угрюеды и славно провел там времечко: сено заготавливал, за скотиной ходил, другую деревенскую работу с удовольствием справлял. Родни по отцовской линии в Угрюедах много было, на сенокосе дружно работали. Народ в родне трудолюбивый, веселый, до рюмки не падкий, а потому и здоровый. Любо-дорого было на них смотреть, что в работе, что за столом!

После школы — в Харьков, поступил в Харьковский автодорожный институт. Было это в 56-м году. Институт ХАДИ славился своими традициями, высоким уровнем подготовки специалистов и спортивными достижениями. Занимался спортом и Юрий — борьбой (отличный, надо сказать, вид спорта — бойцовские качества в человеке развивает). И общественная работа не прошла мимо, был комсоргом.

Окончил Юрий Семенович ХАДИ в 1961 году и получил направление в родной город Курск мастером в Курское ДСУ (дорожно-строительное управление). Причина была уважительная: в Курске ждала его семья, жена и сын!

Женился он рано, почти сразу же после окончания школы. Со своей будущей женой Галиной Даниловной Филипповой познакомился в школе на одном из вечеров. Обучение тогда было раздельное, и в моде было дружить школами, классами одноименными и приглашать на свои вечера; популярны были и культпоходы в кино, филармонию, в драмтеатр. Но этим дело не ограничивалось: ходили часто вдвоем.

От Харькова до Курска 220 км, за пять лет учебы — а ездил Ярошенко домой при любой возможности! — досконально изучил этот маршрут.

В студентах стал он отцом, в 1958 году родился первый сын, Игорь Юрьевич.

Энергично принялся за работу молодой специалист. Работа интересная, новые места, новые люди. Но трудно приходилось: техники не хватало, квалифицированных работников. Головной болью был асфальт, дело доходило до того, что прямо в грунтовой яме мешали разогретый битум с инертным материалом.

И вот за производственную хватку и сметливость Ярошенко повысили — назначили директором асфальтобетонного завода. Натерпелся он на этой должности горя... Еще бы! И технология и оборудование наипримитивнейшие! Когда начальником ПТО управления предложили, с радостью ушел и работал спокойно до тех пор, пока не пригласили в Ульяновск на престижную должность — начальником дирекции строительства дорог, т.е. областным заказчиком.

В Ульяновск переезжали уже вчетвером: в 62-м году родился второй сын — Олег.

Здесь он проработал около пяти лет: после дирекции замом областного управления, затем начальником ДСУ-1. Строили авто-

дороги и на Куйбышев, и на Борыш, и в Чувашию... Громадный мост через Суру — метров пятьсот, сама река и не так широка, но пойма... К 100-летию Ленина подъезды к Ульяновску благоустраивали. Тогда ведь каждая республика вносила свой вклад в благоустройство Ульяновска — перещеголять друг друга старались! Красиво делали, со своей национальной символикой. Ну и работники ДСУ-1 старались не ударить в грязь лицом.

Стабильное было время. И у Юрия Семеновича жизнь пошла своим чередом: красивый город, хорошая квартира, любимая семья, престижная работа...

...Перспектива вообще...

А душа все равно не спокойна...

Засвербит иногда — оттого и грущу, и сержусь;
будто слышу команду призывно: «По ко-оням!...» —
ногу в стремя занес,
а в седло
не сажусь...

И однажды решился: не отпускали, уговаривали, предлагали — бесполезно. Он был уже на сибирском коньке — « в седле», опытным воином — покорителем бездорожья. « А мои ти куряне сведоми къмети...»

II. По мегионским гривам и болотам

Весной 1972 года в молодом мегионском стройуправлении СУ-920 сложилась неблагоприятная обстановка: по разным причинам ушли начальник и главный инженер. Было полное безвластие. И тут, как нельзя кстати, явился к управляющему трестом «Тюменьдорстрой» Юрию Владимировичу Юшкову с направлением Главка Миндорстроя Юрий Семенович Ярошенко... 24 апреля он был назначен начальником СУ-920, а на следующий день с начальником отдела кадров был уже в Нижневартовске. Как было принято, зашел в горком КПСС, представился первому секретарю — тогда им был Бахиллов («Уважаемый мной человек! — говорит Ю.С. — труженик. Болел за людей и за дело. Замечательный, будем говорить, человек. С моей точки зрения»). После горкомовского благословения к себе — в поселок СУ-920, в вагон-городок, в вагон-посад... Да и Мегион-то тогда одно-двухэ-

тажный, сплошь деревянный, ни одной благоустроенной улицы. Грязища весенняя: без вездехода не проехать, без болотников не пройти...

Канторка располагалась в помещении, похожем на землянку: пара комнатушек. Производственных помещений тоже не было. Жилья — в вагончиках — и того не хватало. Зарботки не ахти какие... Да и соседи, то же УБР, не лучше жили. Разве что МНРЭ, Мегионская экспедиция как старожил, покапитальнее обустроилась.

Проблем, как в рукопашном бою, только успевай поворачиваться: где отбей, а где и пригнись, пропусти удар — на то ты и «сведомий к̆меть»! И вертелся, и крутился, и пригибался Юрий Семенович. «Не один! Не один, — подчеркивал Юрий Семенович, — с коллективом!»

Первое его деяние с коллективом, конечно, который он возглавил сходу, без приглядки, заключалось в том, что соединили они, наконец, Мегион с Нижневартовском: сдали в эксплуатацию недостающие пять верст.

Прежде как было? Из Нижневартовска, например, доезжали люди до Чертового моста, а там их должен был встречать катер или машина...

Соединить-то соединили, но если быть точным, соединили с Нижневартовском не Мегион, а Мегионское месторождение! А до Мегиона от бетонки еще километр хлябей. Как, впрочем, и до самих дорожных строителей. Но что прикажете делать: проект есть проект! Бетонные плиты в то время учитывались поштучно и отпускались под план. Поэтому приходилось обходиться, как в старину, лежневками... Но — проявили смекалку и изыскали плиты до своей промбазы, от свертка до канторы то есть. Уложили плиты на бревна, подсыпали песочком — до сих пор дорогой пользуются!

Следующий шаг — это уже в 73-м году — дорога на Аганское месторождение — около десяти километров. А сверх плана — соединили таки Мегион с бетонной дорогой. Улицы Мегиона тонули в фекалиях. Первую мегионскую улицу благоустроили дорожники из СУ-920 в 73-м году. И тоже бесплатно, в порядке шефской помощи поселку за счет внутренних резервов. И это был первый вклад коллектива управления в благоустройство и развитие Мегиона. Впервые мегионские женщины могли снять болотники и надеть туфельки.

С ностальгической грустью вспоминает Юрий Семенович первые мегионские годы. «Я вот все про коллектив... В коллективе люди — сильнее, чем те же люди, но — поодиночке. Случайно коллектив образуется редко, его надо создавать. Это аксиома. Но ведь и люди тогда были другие! Увлеченные, жизнерадостные! Удивительные люди... По крайней мере, у нас, будем говорить, это было время расцвета художественной самодеятельности. Клуба у нас не было, так они «оккупировали» настоящий сарай, возле пилорамы стоял, и в нем репетировали. И молодежь, и люди в возрасте — пели, плясали, скетчи, интермедии разыгрывали. Я сам не участвовал, но ходил на концерты регулярно. И ведь никто не заставлял, не организовывал, просто видать, у людей душа пела и плясала, а избыток душевной энергии наружу выплескивался... Вот говорят, пили тогда много... Да ничего подобного! И ветеранов чтили, особенно Великой Отечественной войны: на праздники банкеты им устраивали, потом по домам развозили, они бывали довольны. Может, конечно, еще и потому, что у многих настрой такой был: отработать три года и уехать. Заработать на машину, на кооперативную квартиру, на мебель, на дачу... Жили, к примеру, на зарплату жены, а мужнину откладывали на сберкнижку. Да что говорить, я сам на три года ехал, а застрял, как и многие, на всю жизнь...»

Когда Юрий Семенович возглавил СУ-920, в поселке был один брусчатый дом. Второй строился. А через полтора года проблема жилья в СУ-920 была решена! И это при том, что производственный план из квартала в квартал, из года в год перевыполнялся. Тогда же построили нынешнюю контору, единственную приличную по тем временам контору в Мегионе с актовым залом. И занялись соцкультурой: столовая, детский сад, спорткомплекс, магазин, теплицы... Часть объектов строилась, готовилась к сдаче. А вот со спорткомплексом было сложнее. Юрий Семенович полагал, что если строить, то строить по высшему разряду: с плавательным бассейном. С его подачи председатель поссовета собрал всех мегионских руководителей и предложил строить комплекс сообща, на долевом участии. Один отказался: «Денег нету». Другой: «А где строить? Генплана нету. А без генплана — нельзя...» Третий вообще отмалчивается... Короче, не поддержали Юрия Семеновича мегионские «бугры»! Осерчал он не на шутку и предупредил их: «Хорошо, одни пост-

роим. Но лично вас всех — никого не будем пускать в стройкомплекс!»

Сколько радости было, когда открыли детский сад — лучший в Мегионе! В настоящий праздник вылилось открытие садика.

Столовую сдали — прекрасную столовую с зеркальными потолками, с банкетным залом. Получше ресторана «Мегион», считали все.

Но настоящей сенсацией стало открытие спорткомплекса с плавательным бассейном — первого сооружения подобного рода в Среднем Приобье. (Нечто подобное в то время было только в Советском). Спорткомплекс с плавательным бассейном появился в Нижневартовске только через пятнадцать лет, а в Мегионе — через двадцать пять лет после построенного Юрием Семеновичем со своим коллективом. (Я точно знаю, что к ним приезжают заниматься вартовчане до сих пор!).

Помимо собственного жилья и соцкультбыта, построили контору и РММ для 311-й автобазы, которая обслуживала СУ-920, здание поселковой администрации, благоустроили еще одну улицу, в порядке шефской помощи ремонтировали школы, больницы, детсады, сено заготавливали...

Начали строительство жилья для своих работников в самом Мегионе: поссовет поощрял это, так как получал свои 10% для госбюджетников, Первую пятиэтажку в Мегионе построило СУ-920! Возвели они ее года за полтора. (Для справки: вторую пятиэтажку для геологов СУ-12 стоило в три раза дольше!) И ведь все на добровольных началах, в план Юрию Семеновичу эти объекты никто не включал, никто, кроме совести и гражданского долга, с него не спрашивал за них. Несомненно, что пружиной, заводившей коллектив, был Юрий Семенович.

«Работалось мне легко! — говорит он сейчас, вспоминая те времена. — Почему? Да потому, что у нас подобрался дружный, сплоченный, профессиональный коллектив, у меня работали первоклассные бульдозеристы, экскаваторщики, грейдеристы, крановщики... В автобазе — классные водители. В РММ — механики, слесари, мотористы. Люди опытные, обученные, по прежней работе на севере или на Большой земле, знающие, что делать и как. Мастера, прорабы — то же самое, некоторые из них на большой земле работали даже первыми руководителями, им не приходилось долго объяснять и показывать: схватывали на лету.

УК ворот СУ-920 всегда стояли желающие устроиться на работу. Но для этого нужны были солидные рекомендации.

Почему люди стремились к нам? А вот почему. Пилорама у нас работала круглосуточно: лес заготавливали по трассам, везли на базу и пилили. И постоянно работали строительные бригады: строили жилье впрок, улучшали условия. Наш комитет профсоюза стал выделять мне энное количество квартир для ведущих специалистов — как энтузиасту жилищного строительства. И у меня в кармане уже с 74-го года всегда были ключи от трех — четырех квартир... В строительном деле есть профессии, которыми понастоящему могут владеть только талантливые люди. Мы привыкли считать, что таланты — это артисты, музыканты, поэты... А вот взять автогрейдериста — ведь он, как визажист, делает лицо дороги, так отгрейдерует — будешь ехать на машине, и вода в стакане не шелохнется! Был у нас такой — Соколов, я так авторучкой не владел, как он автогрейдером! Артист! Вреднящий, правда, парень, что звезда эстрады иная. Работал он на новеньком бульдозере фирмы Катерпиллер, а нужно было, пока не найдем нового специалиста на автогрейдере поработать. Прошу Соколова — не соглашается! Потом условие ставит: «Месяца два посижу на автогрейдере, но чтобы Катерпиллер в это время никому!» Согласился, хоть и Катерпиллер позарез был нужен: из двух зол приходилось выбирать меньшее. С крановщиком бывало туго... экскаваторами плиты клали! Что делать: у людей свои бывали проблемы, из-за которых приходилось им увольняться. Но возможность получить жилье и место в детсадике сразу, позаниматься в спорткомплексе плюс приличная зарплата, все это привлекало к нам классных специалистов.

Только странную заметил тенденцию — это я в отношении художественной самодеятельности, — поясняет Юрий Семенович. — Чем больше для ее развития создавалось условий: актовый зал, инструменты, костюмы, тем заметнее она шла на убыль, хирела, а сейчас и вообще преставилась. Видимо, времена менялись, психология людей...»

Впрочем, до этого еще было далеко.

Как в свое время в Курске асфальтобетонный завод, так и в Мегионе дорога на Покачаевское месторождение запомнилась Юрию Семеновичу, особенно участок дороги в районе Аганской горы.

«За всю свою жизнь не встречал участка такой трудности! — чертыхался Юрий Семенович. — выемка грунта — 9-10 м. Но не в

этом дело: через три метра пошли напорные пливуны! Гора, а в ней хляби! Напорные пливуны — это же страх божий! Экскаваторы на лежневке загоню — ни одна машина подъехать не может. Представляете, какое настроение у экскаваторщиков, у водителей? Весь арсенал российского мата был использован! Я уж другой раз к ним и не подъезжал, издали посмотрю, как дела, и дальше. Плиты стали класть, они тонут — потом их выковыриваешь с грехом пополам. А тут еще с песком проблема: рядом шаром покати, ничего нету! Пришлось выходить на Покачи. Гидронамывом добывали, по зимнику выводили. Убытки страшные. С чего мы меценатами-то были? С прибыли. По смете песок нам заложен с далекого карьера, а мы изыскивали его у себя под боком... Здесь все наоборот: за 50 км возили.

Но все же одолели Аганскую гору и дорогу на Покачи сдали вовремя. Какие на Покачах места были до прихода нефтяников! Помню с женой в субботу утром приехали... Бабье лето. Комаров и мошки нету. Тепло. Солнечно. Я не люблю ягоды собирать, но такая брусника — не устоишь. И самая настоящая жадность обурекает. Уже спина не гнется, ноги затекли, дай, думаю, закурю... Лег на мох, вытянулся — благодать! Затянулся разок, другой, глядь, руки уж сами бруснику хватают, хватают... Разве не жадность? Переночевали, а в воскресенье снова за бруснику. Двенадцать ведер брусники увезли, на два года хватило!»

...При сдаче «знаков» по английскому, мне досталась в одном из номеров журнала «Ойл энд Гэз» статья директора по кадрам крупной нефтяной компании? В ней, в частности, говорилось, что специалисты раз в два года должны проходить переподготовку с отрывом от производства и что на одной должности должны задерживаться не более пяти лет (или менять через пять лет профиль работы. Или расти — это имелось в виду). Справедливость этого утверждения я испытал сам. Анализируя трудовую биографию Юрия Семеновича, можно заметить, что 5-6 летняя цикличность работы в одной должности свойственная и ему: в Курске — 6 лет, в Ульяновске — 5 лет... В 1978 году заканчивается шестой год работы Юрия Семеновича в должности начальника СУ-920, и случилось то, что должно было случиться: он сменил место работы, перевели его в трест «Нижневартовскдорстрой» заместителем управляющего (он отпочковался от Тюменьдорстроя»). Но чисто управленческая, кабинетная работа была не в стиле Юрия Семеновича, и начались варианты

приложения его кипучей энергии («У каждого к своему делу душа лежит!» — выразился он по этому поводу).

Вот как вспоминает этот переломный период в своей биографии Юрий Семенович: «Сосновских, бывший секретарь горкома по промышленности, ушел в замы к Вязовцеву, генеральному директору «Нижневартовскнефтегаза». Вот и стал он меня сманивать в нефтяную промышленность, замом в НГДУ. А с Сосновским мы были знакомы накоротке в бытность его в горкоме: они гостей своих всегда в нам в бассейн привозили. А чем еще тогда было похвастать? Рыбалкой да выпивкой на лоне природы. А тут — спорткомплекс с бассейном! Поиграют гости в футбол в зале, в волейбол мяч покидают и — в бассейн... У иностранцев первый вопрос: где спортом позаниматься? Потом в банкетный зал... В ночь-полночь поднимали. Я отказывался: вот вам ключ, гостюйте без меня! В общем, Сосновских знал меня с деловой стороны, и будем говорить, с неформальной, и стал действительно звать в свою службу. А мой управляющий Ильясов отговаривает: «Что ты! Тебя у нас все знают, уважают... И в Главке, и в министерстве. Почетный человек: молодой да ранний!». Но не удержал, бесполезно! С НГДУ не получилось, уехал на Крайний Север в Тазовское, обустроить Русское месторождение. Ажиотаж в то время был вокруг Русского большой. Были мы там вместе с Палием, нынешним руководителем «Нижневартовскнефтегаза», он — главным инженером НГДУ «Заполярье», я — начальником строительного управления, в одном вагончике с ним жили. Он был заказчиком. Мне радужную картину рисовали: будет на Русском целый город, и стройуправление станет головной организацией и т.п. Месторождение предполагалось эксплуатировать по новой для Сибири технологии — методом подземного горения. Для закачки воздуха в пласт необходимо было построить компрессорные станции. Одну из них — громаднейшую установку! — строили мы. В тяжелейших климатических условиях: морозы такие, что металл требовался специальный, хладостойкий, пурга... К сожалению, начатые темпы освоения Русского не получили развития, и я весной 80-го вернулся в Мегион, в трест «Мегионнефтестрой» заместителем Андросова...».

III. НА СОВЕТСКОЙ РАБОТЕ, ИЛИ «МЕГИОНУ — БЫТЬ!»

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июля 1980 года рабочий поселок Мегион Нижневартовского района Ханты-Мансийского округа Тюменской области был преобразован в город окружного подчинения с сохранением за ним прежнего названия.

Бюро Нижневартовского райкома КПСС, учитывая вклад Юрия Семеновича Ярошенко в развитие Мегиона и его деловые качества, решило рекомендовать его сессии депутатов на должность председателя Мегионского горисполкома. И в связи с этим, сложилась интересная ситуация. Дело в том, что московские кураторы привезли из столицы не только Указ о преобразовании поселка в город, но и своего кандидата на должность председателя — подающего надежды молодого политика, которому необходимо было пройти обкатку в нефтяной провинции для дальнейшего «роста» в Москве. Мегионские депутаты оказались на высоте: они с треском прокатили «кукушонка», а за Ярошенко проголосовали единогласно!

Особенно удивлялись москвичи и вся свита этому факту: «Редкий случай — за «своего» и ни одного голоса против! Местный руководитель, можно сказать, старожил, и ни одного врага не нажил? Удивительно!».

Таким образом, с 23 августа Юрий Семенович оказался на советской (что означает «государственной»!) работе.

Собственно, с работой советских органов, как депутат, он был знаком и раньше, постоянно избирался и в поссовет. И в райсовет. Но одно дело — быть депутатом, другое дело — председателем. И эту «большую разницу» он почувствовал с первых же дней работы на новой должности.

Мегион не был подготовлен к новому статусу ни функционально, ни организационно, т.е. бюрократически даже, не было ни городских структур, ни материально-технических, ни производственно-социальных заделов под них. Ни штатов...

А ведь под новый статус — другие штаты!

Прошу прощения за каламбур, но ведь на самом деле, пока Мегион был поселком районного подчинения, зачем ему были такие структуры, как прокуратура, суд, милиция, здравоохранение, народное образование, культура, пожарная охрана, архи-

тектура и т.д. Поселку не нужны, а городу — обязательно! Поселок все это в районе имел, а город окружного подчинения — у себя должен иметь!

Стали прибывать руководители служб: каждый представится и — кто квартиру для себя прежде требует, а потом — служебное помещение, кто наоборот... Но сумма от перемен слагаемых не меняется в квадратных метрах. А где их взять? Хорошо, на здравоохранение, да на образование своих нашли специалистов. Милиция, слава Богу, строилась. Но остальные-то вышестоящие функциональные службы — кто из Нижневартовска, кто из округа, из области...

Вот уж, мне кажется, Юрий Семенович очутился в своей тарелке! Аппарат — аппаратом, комплектование городских государственных структур — комплектование, а ведь конец августа, зима — вот она, на носу! Как с мероприятиями по подготовке к зиме? Не знаю, как бы это воспринимал от незнания москвич, а Юрий Семенович — от знания! — места себе не находил, когда не мог по независящим от него причинам сдвинуть что-то с мертвой точки в этом плане. А ведь зимы тогда жесточайшие случались!

«В первое время нефтяники помогли с помещениями, да и другие организации. Личные связи, конечно, имели значение: куда без них? Наливайко Андрей Иванович, Андросов Владимир Петрович, Гавриков Валентин Андреевич — эти руководители болели за город. У кого-то освободилась площадь — предлагают, кто безвозмездно, кто — в аренду. Короче, первое время голова была только этим и занята: служебными помещениями и жильем для работников городских структур. Которые, кстати, росли, как грибы. Что поделаешь — атрибут государственной власти!

В городе было два основных предприятия: МНРЭ и НГДУ.

Геологи и нефтяники.

Разведчики и эксплуатационники.

Мегионские нефтеразведчики Самотлор открыли, экспедиция за это орден «Знак Почета» получила, а пенки — с фонтанной добычи, самую дешевую в мире нефть стали получать эксплуатационники. И нефтяным центром региона выбрали не Мегион, а Нижневартовск. Соответственно, и финансовые вливания полились мимо Мегиона.

Мегион остался в стороне. Те, кто ценой своего здоровья или даже жизни создавали предпосылки для добычи самой дешевой нефти, стали ее заложниками.

Особенно ясно это видно с позиций сегодняшнего дня. Но находились люди, которые это видели и тогда.

Одним из них был начальник Мегионского НГДУ Иван Иванович Рынковой. Он был первым руководителем мегионского нефтепромысла, прошел путь от мастера до начальника НГДУ. Это был производственник до мозга костей, но не автор лозунгов: «Нефть — забота общая!» и «Миллиард кубов газа и миллион тонн нефти — в сутки!».

Юрий Семенович говорит:

— Иван Рынковой?... О-о!... Это не просто друг! Это душой и телом мегионский человек. Энтузиаст! Подвижник!

Когда он был начальником Мегионского НГДУ, все руководство жило в Нижневартовске! Ничего не скажу: работали они помногу, но потом — на автобус и в Нижневартовск, в свои теплые, благоустроенные квартиры. Жены, дети, тещи — в садик, в школу, поликлинику, на концерт... Все это в Нижневартовске! Строить все это в Мегионе — зачем?

Рынковой первый кинул лозунг: «Работаю в Мегионе — живу в Мегионе!». Не всем это понравилось, но он начал готовить и пробивать распоряжение по «Нижневартовскнефтегазу» о том, что руководители должны жить там, где находятся возглавляемые ими коллективы. Сразу не получилось, но постепенно переехали, семьи перевезли...

Едва сформировался костяк городской власти, стали думать: как город будет жить?

Нефтяники категорически заявили: нам город не нужен! Заниматься им не будем, строить тоже не будем! Заявлено было на самом высоком уровне. Геологи тоже: мы — госбюджетники, генеральным заказчиком быть не можем, для себя кое-что построим (квартал пятиэтажек, несколько девятиэтажек) у нас только временное строительство, поселки типа Новоаганска, Ваховска... Хотя руководители Главтюменьгеологии, в частности, своим немалым тогда авторитетом помогали решать многие городские проблемы.

А положение было катастрофическое, особенно с тепло-водо-энергоснабжением, очистными сооружениями.

На всю жизнь запомнилась мне первая — городская зима.

Котельная на издыхании, каждую ночь что-то случалось. Электроэнергия — выключаться город стал, как праздник — обязательно. И пожары: с отоплением плохо, каждый самодельного «коз-

ла» с открытой спиралью врубает — магазинных, как нынче, нету! Вот тебе и перегрузка, и причина пожара. Да и народ навеселе, праздники же! Чтобы городской власти придать весу, оперативно оказать помощь, представители Нижневартковского горкома партии у нас дневали и ночевали в буквальном смысле. Дело доходило до того, что в авральном порядке, чтобы теплосети не разморозит, в критические моменты утеплять их: во многих домах в подъездах трубы были голые, подъезды сами расхристаны... Поднимали кто кого может, в основном руководителей. Горожане Новый год встречают. Одни: «Эй! Садитесь, выпейте с нами!», «Че приперлись? Воду пооткачали!» — другие. А что стояк у них уже перехватило, не понимают. Да, в принципе-то, это и не их дело, правильно. Им коммунальные услуги подавай!

Это, будем говорить, рабочие моменты. Их так или иначе утрясали. Нужно было решать принципиальный вопрос: для того, чтобы город нормально функционировал и развивался, нужно было определить Генерального заказчика.

Знали б вы, что пришлось испытать! Десятки командировок во всевозможные инстанции. И все — с Рынковым Иваном Ивановичем! В советские органы я был вхож, а в обком, к примеру, примут — не примут? Рынковой же и к Богомякову, первому секретарю, буром пер! Все понимают, поддерживают, но... «Не можем мы приказать нефтяникам!». Начальником «Главтюмень-нефтегаза» был тогда Булгаков. Пробились к нему. Выслушал тоже с пониманием. А его зам по капитальному строительству Парасюк уперся: «Не нужен нам Мегион. В Нижневартовск заканчиваем ДСК. Начнем штамповать дома. На потоке. Там котельная, коммуникации, транспортная сеть. В Мегионе ничего нет! У нас прекрасные «Икарусы», комфортабельные теплые. Сорок минут, и человек в Нижневартовске в благоустроенной квартире! Не нужен нам Мегион!»

Наши доводы, что проблема есть, что решать ее нужно своевременно, пока она, будем говорить, не загноилась — ведь тогда будет нарыв, решать все равно придется, но в спешке! — не воспринимались. Доводы свои я подтверждаю такими цифрами. Нефтяники, к примеру, за 79-й год создали и разместили в Мегионе восемь организаций, набрали около трех тысяч работников. Точно так же и другие ведомства: базировались, людей принимали... Но ни одного квадратного метра жилья не построили. Помните, что за больницей творилось? Это же ужас! Балки,

самострой, чуть не землянки... Хитров рынок! Шанхай!... Туда же ни скорая помощь, ни водовозки не проходили. Случись что, пожарные машины бы не прошли. Как не сгорели, прямо чудо.

Мы продолжали будировать общественное мнение, бомбить инстанции письмами, ездить в командировки в Москве: в Миннефтепром, в Совмин СССР, в Госплан и даже в ЦК! В ЦК, правда, не допустили, но в остальных структурах побывали. И хотя никто приказа о назначении Генерального заказчика и застройщика не издал, наши хождения принесли свой результат: нефтяники в лице Парасюка дали согласие на строительство нового девятиэтажного дома.

Возник второй вопрос, где строить? Генплан мы уже заставили сделать. Выполнил его «Ленгипрогор» по заказу «Тюменьгражданпроекта».

Трагедия Мегиона заключалась в том, что строиться он мог только... вверх. Места не было! С запада — товарный парк нефтяников, на востоке промзона МУБР, УТТ, СУ-920 и др., а с юга — река, на север — болота... Но с проектировщиками я договорился: «посадили» они мне одну девятиэтажку напротив пожарки — чтобы без сноса жилого фонда.

Соглашаясь строить девятиэтажку, нефтяники предупредили: но — без котельной и коммуникаций. Я собрал руководителей организаций-строителей. Объяснил ситуацию: как рыба об лед колочусь, а дело ни с места — помогайте! Давайте, ты — котельную, ты — инженерные сети, ты — очистные сооружения. Составили протокол совещания, подписали все, гербовой печатью закрепили, и я эту бумагу, куда нужно. Нефтяникам деваться некуда: нашли подрядчика, открыли финансирование.

Жду: девятый этаж уже возводится, а к котельной, как и следовало, не подступали...

А в те времена за ввод жилья строго спрашивали! Вот на этом я и сыграл. Конечно, с одной стороны, может быть, некрасиво поступил, но надо же было как-то сдвинуть дело с мертвой точки!

Назначаю тогда совещание «По вопросу ввода в эксплуатацию девятиэтажного жилого дома» и телеграммой приглашаю на него всех имеющих к этому делу касательство руководителей. Собрались представители на уровне замов по капстроительству. Слушаем и констатируем: жилой дом, практически, готов, а ввести в эксплуатацию его по известным причинам нельзя. Дом будет стоять и разрушаться, люди — жить в непотребных условиях.

«Что ж, делая я резюме, — я буду вынужден собрать сессию горсовета, и от ее имени дать телеграмму на имя Брежнева и т.п.».

И тогда закрутилось колесо — от объединения до министерства.

«К городской котельной, — говорю, — подключать нельзя: на ладан дышит, над строить новую!».

После этого появился приказ Миннефтепрома СССР, Главтюменьнефтегаза обязать «Нижневартовскнефтегаз» выступить в роли генерального заказчика по проектированию и строительству города Мегион.

Составили новый генеральный план со свойственной настоящему городу инфраструктурой.

С тех пор планомерно, с огромными трудностями, большими неувязками, но город начал развиваться. И сегодня мне приятно пройти по Мегиону — не хуже других северных городов! А по мне так и лучше — как родное дитя бывает дорого родителям...

Да, вот еще интересный случай вспомнил! — усмехается Юрий Семенович. — Когда в Мегион приехал, председателем поссовета был Храмцов Гоша. Местный житель. Рыбак, охотник... Потом он на какое-то время покинул эти места. А в году 89-м мы с ним встретились случайно. Поговорили... Вот он мне и выдал. «Юрий Семенович! — смеется, — не поверишь, заблудился в Мегионе! Кто бы раньше сказал об этом, я бы его за чокнутого посчитал. А сейчас — сестру не нашел!». Сестра его, Кира Васильевна, — пояснил Юрий Семенович, — заслуженная учительница, так в Мегионе и жила.

Вот и я не уезжаю сейчас из Мегиона надолго. Может, поэтому? Свой город, как свой ребенок, незаметно меняется. Это соседские дети, как гласит поговорка, быстро растут, потому что видишь изредка, а своего изо дня в день зришь, во сне и в шалостях, в заботах и радостях...

5-10 мая 1997 г.

Р.С. К сожалению, Юрий Семенович не дожил до многих городских — юбилейных! — событий и торжеств, на которых его вспоминали и друзья, и простые горожане добрым словом. Ради этого, может, и надо было яростно и беспокойно жить — как Ю.С.Ярошенко.

20.05.2004 г.

ОТПЕЧАТОК

— Ну, шо я говорил? Вредительство! О! ... Бачьте: отпечаток долота, а вы мне лапшу вешаете... — начальник легонько крутанул освинцованную болванку — «печать» и широко улыбаясь уставился веселыми карими глазами на собеседников. — Долото! Да еще вверх шарошками!

— Закон бутерброда... — кисло усмехнулся молодой мужчина в забрызганном раствором полушубке и шумно вздохнул. — Ничего не понимаю: что со скважиной случилось?

— Контролировать надо было! Глаз со скважины не спускать! Такую скважину угробить... — у начальника заходили желваки и напряглись плечи, обтянутые узорчатым свитером.

— Контроль! Какой еще контроль нужен? — буровой мастер вскинул подвижную редковолосую бровь и гибко распрямил спину. — Ну, были мы тут вон с ним, — он кивнул на восседавшего на чурбаке осадистого человека, — с начальником ПТО, и что? Ему — то доверяешь? Что ж, он должен был задницей прикрывать скважину?... Нет уж, полоса пошла, когда бедному Ванюшке везде камешки...

— С бригадой надо работать? Чтоб каждый контролером был!

— Это что — бригаде не доверять?... Да, это ж смешно... Скважина — это ее блин. Она его печет!...

— Комом — печет-то, комом... — скрипуче засмеялся Витязь, начальник ПТО — За такие блины, Викторыч, сковородку на голову одевают, вот ведь что! Скважину вы пробурили хорошо. А напоследок — на тебе! Ведь не бай бог, если долото уронили! Запорем скважину! Это ж сколько торпед надо, чтобы сжечь его? Да и где они? Доставать надо, торпеды — дефицит страшный.

— Да нет там никакого долота! — вспылил буровой мастер и страдальчески скривил большой красивый рот, — вставая, он стукнулся плешивой макушкой о верхние нары. — Если бы чего не то уронили, ребята же тут сказали бы...

— Ха! Так и разбежались! Ну и наглец вы, Иван Викторыч!... — начальник так пристукнул по дощатому столу, что даже свинцовая «печать» тяжело шевельнулась. — Признаются — как у прошлый раз, с пожаром, кода срок давности пройдет!

— Сравнил... Тогда — тебе в пику, чтоб не орал! Мне-то — сказали. И сейчас, если бы что, я бы знал.

— Я вам, хлопцы, устрою веселую жизнь! Расколется, как на духу!

— Ше-еф! Мы что — враги народа?... Господь с тобой! — страдальческая гримаса скривила лицо мастера, он пригладил редкие рыжеватые кудерьки и сделал попытку обворожительно улыбнуться. — Ше-еф, ну пусть даже упало долото — подумаешь, железо улетело! В первый или последний раз что ли? У Пархо-мы недавно кувалду уронили в скважину. А он что? Матюгнулся, что последнюю кувалду угробили, и — с мастера оклад, бурильщика на три месяца в помбуры. И все — без обиды, без тягомотины. Не мотай нервы, дай вон ему команду, — показал он на Витязя, — пусть приказ нарисует на меня, а мы вперед по коням! Бог с ней, с премией! С ускорением!...

У начальника морщина взъерилась глубоким оврагом между широких редковолосых бровей.

Витязь закричал, шевельнулся на чурাকে: «Ну, сейчас спустит «Полкана» — хоть святых выноси...».

Но начальник сдержался. Мягко, как непонятливому школяру, стал выговаривать мастеру.

— Ошибаешься трошки, Виктор, ошибаешься... Случай случаю рознь. Черенок у кувалды сломался — одно дело. Недосмотр, халатность. Или еще шо... А долото бросить в скважину — це друго-ое... О! Чуешь, Иван Викторыч?... Вре-ди-тель-ство! А за это, сам понимаешь, и сейчас...если раскрутить, срок полагается поболее...трех месяцев...Разумеешь?...

— Опять двадцать пять! Да будь ты мужиком, шеф, в конце концов, поверь хоть раз на слово: слово чести даю — не виновата бригада!

— Шо мне твое слово? Ты мне факты давай! Не дотумкаетесь своими куриными мозгами, подскажу. Ось, бачьте: номер последнего долота у буровом журнале исправлен. Вот вам и все слова: бросили...уронили — долота-то нема! А чтоб следы замести, номер у журнале исправили...

— Ну и что? Подумаешь — криминал! — мастер презрительно фыркнул. — Ночью спуск делали, отбурились — при свете уточнили. Будто не знаешь, как на долотах цифры выбиваются, иной раз не поймешь: тройка или восьмерка, двойка или семерка... И хорошо, что исправили.

— Ну и наглец вы!

— Учись...

— Хватит болтать! Дай вахте команду: выпарить все долотья и составить по ранжиру. Проверим наличие. Факты!

Март — самое прекрасное время в Среднем Приобье. Белое и голубое господствует в природе. Нежно-голубое и насыщенно синее. Ослепительное и темно-бархатистое. Резко контрастное и перетекающее незаметно одно в другое. Бесконечная множественность оттенков белого ошеломляет: да возможно ли такое?...

А мартовский воздух! Ощутимо вкусный, прохладный, живой. Он, словно голубая, легковесная радость — если радость можно представить текучим эфиром — наполняет легкие и сердце молодой силой, кружит голову, вселяет уверенность: нет преград, все сделаешь, что захочешь, легко, играючи...

Буровая парит...Внутри вышки темнеет кассета бурильных труб. Издали буровая похожа на ракетодром: будто бы идет заправка топливных баков кислородом. Вот сейчас заправят ракету, отойдет кабель-мачта и ... И на этом аналогия заканчивается: в бурении технический прогресс давно стоит на одном месте. Хотя, если разбираться по большому счету, этого не должно быть: идти «навстречу» тяготенью не менее трудно, чем преодолевать его... Космонавтика кое в чем предвосхитила прогнозы футурологов, буровикам же еще до самых скромных мечтаний далеко: максимальная глубина скважин, если землю представить в виде арбуза, не превышает глубины царапинки, оставленной любопытным ребенком... Что ж, космос — это наш парадный вход, а бурение — черный... Там апартаменты, здесь — кухня. Здесь — пекут, жарят, парят, отсюда подают... А жизнь — она и на кухне — жизнь. Со своими большими и малыми проблемами, горестями и радостями...

Иван Викторович снял шапку с каской — голову приятно охлонуло. Он шумно вздохнул: экая благодать! С приятнью щурясь, он глянул на солнце: опускается с полудня! Глянул на темные, с просинью, ельники, сквозистые, с фиолетинкой, осинники. Пока взгляд скользил по горизонту, черный круг после солнца пожелтел, а потом и вовсе исчез. «Могу еще на солнышко смотреть» — с мальчишеской гордостью подумал он. Однако «полноты счастья», как он любил выражаться в такие моменты слияния с красотой окружающего мира своего сильного, умного тела, не сей раз он не испытал: мешала какая-то малость, вроде

надоедливого комара, что зундит и зундит... Он недовольно дернул щекой, словно сгонял зануду-кровопивца, и понял причину неполноты счастья: буровая же молчит! Он спиной ощутил ее холодное молчание... «Работать надо, а мы следственным экспериментом занимаемся! Что ж теперь, ускорение — псу под хвост?... А может, шеф специально резину тянет? Контора-то — ничего не теряет, даже выигрывает: экономия фонда зарплаты! За счет нашей премии! Ах, гад!...А что — за ним не заржавеет... Да — скважина-то — бессловесная! — причем! Ее ведь прорабатывать надо, иначе — завалится!...».

Бурильщик с двумя помощниками выпаривают, очищают долотья и расставляют их в ряд на мостках. Некоторые долотья изношены до «подшипника»: видны ролики опор. У других зубья стерты до основания, но сами шарошки еще крепки, как мосластые кулаки. «Отработка стопроцентная... Тут уж к нам не придерешься...» — мастер доволен: таких долот большинство. Он нагибается, пробует повернуть еще теплую шарошку — не тут-то было: заклинило...а может, уж прихватил непрогревшуюся опору. От натуги он дернулся — каска слетела с головы, ударилась о другую шарошку и раскололась, словно керамическая... «Вот жизнь! — ругнулся он, — Не жизнь, а сплошная показуха! Не одень — сразу нарушитель тэбэ!».

— Че там опять начальник придумал, а, Викторыч? Крайнего имя надо (бурильщик Погодаев неспешно достал из нагрудного кармана портсигар, постучал беломориной о крышку, смяв мундштук гармошкой, закусил папиросу и принялся хлопать по карманам: — От народ!... Увели спички — три коробки в обед брал. Савелов! — окликает он своего помощника, — Савелов!...

Тот стоит, опершись на лом, глаза закрыты, лицо подсолнухом повернуто к солнцу. От долота поднимается пар — реденький, как марля, а тень — синяя, плотная, как от самого Савелова, крупного, массивного, только у него тень неподвижна, а от пара — шаткая, гулливая: была и нету!... «Да...Вот оно: тень на плетень... То ль от облачка, то ли от тучи черной... Не задумывался как-то раньше» — мастер усмехнулся, наблюдая, как Погодаев, не дождавшись ответа от Савелова, подошел к нему совсем близко и грохнул кувалдой по трубам. Помощник даже не вздрогнул. «Ну чо-о? — открыв глаза, протянул он, — чать не глухой, слышу, чо — Савелов?...».

— Спички верни и ходь до начальника: все, мол, готово...

Начальник вместе с Витязем, тщательно рассматривая с разных сторон отсвечивающие торцы долот, сверили номера со списком — один не сходился...

— Ну, а шо я вам говорил?...Га?... — начальник смачно сплюнул и позвал всех: — Побачим-ка, хлопцы, кто им бурил...этим долотом?..».

Оказалось что этим долотом, самым последним, прорабатывал скважину бурильщик Погодаев...

— Ну-ка его сюда, пока тепленький — погутарим!

Явился бурильщик Погодаев:

— Вот он — я. Чо звали? — Взгляд его серых, с рыжеватыми крапинками глаз, спокоен, у него выгоревшие брови, красноватый шелушащийся нос — словно с юга только что. Один зуб у него сколот, говорит он с легкой шепелявинкой, жестикулируя левой рукой, на которой не хватает двух пальцев.

Выслушав начальника, он сразу же завелся:

— Вы чо, совсем тут от жары охренели? Ну — исправил, чо теперь? Долото-то — тама, на мостках. Чо — отличить уже не можете: како долото бурило, како прорабатывало?...

— Ты не хами! — рявкнул начальник. — Ты шо, не разумеешь, о чем речь? Долото — там! — он ткнул кулаком вниз, — там — у скважине! Куда его бросили!... Или...уронили? Тебя об этом и пытаются: твоя работа?... А если нет, то чья?... Нашкодили, так имайте мужество признаться! Начинаете тут...не хай!...шо мастер, шо работяги...выкручиваться...

Тут и мастера понесло:

— В жизни никогда не выкручивался!... За что себя и уважаю пока. Не то, что некоторые. Указывать не буду. Пока. Сами догадаются...

Кончился «заводной» разбор тем, что начальник увез с собой на базу и бурильщика, и мастера.

— Хлопцам я сообщил, прилетят — разберутся, шо к чему. Они — спецы, и не таких раскалывали... анархию, нехай!... разводить не позволю!

Начальника ПТО Витязя оставил за старшего и предупредил:

— По скважине не своевольничать, за отпечаток головой отвечаешь! Ждите «хлавного» инженера с торпедами...

Бело-голубой март вдруг поблек, полинял до серого с восковой желтизной, накуксился, а потом и зауросил, заплакал...

В балках стало жарко, с крыш железных, из-под снежных суметов, сосульки проросли...

«Верховые» дороги стали «резаться»: идет-идет машина, потом р-раз! — и на все мосты сядет, краном только потом можно вытащить, иначе — раму растянешь. Вертолеты тоже оказались на приколе — нелетная погода!... Вот тут-т и вспоминали справедливость поговорки «запас карман не тянет!»...

— Леонтьич! — позвала Витязя повариха дня через три, — продукты, ведь кончаются. Имей в виду: ландориками одними буду потчевать. Скоро мука останется да рассольник в концервах. Аposable — и зубы на полку...

— А что ж ты так, Романовна, тогда сейчас неэкономно продукты расходуешь? Зачем мне столько набухала? У меня и так... — он похлопал короткопалой, в ямочках, рукой по груди-животу, — почти майорская мозоль... — и мелко засмеялся, обнажая частые прокуренные зубы, на толстых щеках появились симпатичные ямочки, рыжеватенькие глазки, блеснув, скрылись, словно монетки в копилке.

— Дык — чо уж, привезут, чай... Не навек же забусило... А чо слышать про мастера-то? Неужто правда — забрали, грят, их с Гермогенычем?... Как вредителей, дескать... Али, врут поди? Времена, я чаю, тепереча другие, разберутся... А то ведь... У меня же, слышь, Леонтьич, после войны уж, тятку так вот то ж: вывезли к полномочному и — с концом, не знам и где косточки его тлеют... Да уж и то: отцель-то куда выселять? Вы и так, горемычные, не хуже зэков добровольных...только что отпуска имя не дают... а вы — ездите...

Романовна вздохнула, промокнула уголком белого фартука наворачнувшиеся слезы, высморкалась и стала прежней — «военной»: дебелие лицо окаменело, голубенькие глазки сердито проглянули из-под белесых ресниц:

— Ты давай-давай, тереби базу! Чо ты причитаешь: «база, база, базынька...». Ты кричи: «База, так тебя перетак, продукты! По санзаданию! По спасательным — с голодудохнем!». Они и закрутятся... Мне бы грамотешки — я бы с ними поговорила!

Добра Романовна, жалостлива, но обидчива и своенравна до капризности: попроси у нее соли в этот момент — обидится, сунет целую чашку с солью:

— На сыпь, сколь хошь! — и пока ты ешь, будет греметь посудой и оскорбленно фыркать: «Надо же !... Соли ему мало!...

Не досолила!...» — И через год или больше, при случайной встрече припомнит, — Кхы!...Идет!...Соли ему мало!...— Готовила она вкусно, порции «насыпала» щедро, цены устанавливала справедливые: бывала, что проторговывалась, тогда вахты «сбрасывались», чтоб погасить недостачу.

В котлопункт вошел бурильщик Сороколет, седогривый, бородатый.

— О! Начальство свое дело знат: пробу снят с борща, повари-ху проверить на предмет... — густым, прямо дьяконовским бари-тоном заговорил он.

— Да уж тебя, попа-растригу, в начальство-то, ты бы уж сво-во не упустил: проверил бы, чать... — Романовна оттаяла, гортанно хохотнула и сразу стала подбористее и привлекательнее.

— Рад бы в начальство, Романовна, да места все заняты, а силком убеждения не позволяют: не большевик я ...Леонтьич — «секлетарь» парт ячейки, потому и на законном основании начальник ПТО. Каждому свое. Чирей вот только не спрашивает: как таки твои убеждения, а садится что на партийную, что на беспартийную ж..., коли ему вздумается, да радикулит то ж...Как, Степан Леонтьич, радикулит не предсказывает смену погоды?...

— Словоблудишь, Саня, бога гневишь: беды твои в зелье дьявольском... — Витязь посмеялся еще по инерции. — Надоел я вам уже?...

— Есть немного... — признался Сороколет, нюхая горчицу. — Ух! Крепка у тебя, Романовна, горчичка: большевистская! До самого нутра пробирает!...А, Леонтьич? Прямо — как ты!

Витязя многие считали занудой, формалистом, службистом, солдафоном, хотя в армии он не служил из-за плоскостопия.

Когда вертолет с начальником улетел, Витязь начал обход буровой. Шел он валко, замечая любую мелочь: брошенный ключ, жимок, болтик. Заметив непорядок, подзывал кого-нибудь из вахты, кто поближе, и добродушно щуря маленькие, зеленые, с бронзовым отливом при дневном свете глазки, начинал разговор:

— Это что? Правильно: бо—олт, какой молодец, знаешь. А как он попал сюда? Вертолетом, тоже знаешь. Хорошо! А вот что еще я тебе скажу... — и он начинал длинную историю болта, вроде андерсоновской сказки про спичку... — Кувалда... Ну, что это за кувалда?... — начинал поскрипывать его голос в другом месте. — у тебя, что, голубь, глаз лишний?... Заусенец отскочит

— и прощай белый свет! Заправить на наждаке или зубилом убрать — трудно? А ручка! Ну, что это за ручка? Да на такой рукоятке, будь я на месте кувалды, я бы долго не просидел: в скважину улетел или по кумполу тебя съездил... Правильно?

Не по нутру буровикам были правильные слова Витязя, ворчали они:

— Буровая простаивает, а мы — шкимки собираем, снег скоро будем перелопачивать... дорогу будем чистить до базы...

Однако этим Витязя не проймешь: попались, голубчики! Витязь не только с ПТОВскими бумажками да с протоколами партсобраний был аккуратен — аккуратен он был в любом деле, об этом знали даже ребятишки — дети этих буровиков. Витязь — заядлый рыбак, но далеко не плавал: сети и жерлицы ставил в ближних протоках и озерах. Все, кому не лень, пользовались его снастями. Особенно пацаны: выберут рыбу, а сети, как попало, бросят. Но уж если заставлял их Витязь, перебирали они каждую ячейку безропотно.

— Рыбку надо брать, пока свежая, незаснулая — это вы правильно, — выговаривал доброжелательно хозяин, — жалко что ли? Только и про меня не надо забывать: вдруг я следом приду? Приду, а рыбки — тю-тю! Обидно мне будет? Обидно, голуби, обидно! А тут еще и сетка забита мусором... А вы — проверьте... вот так... Рыбку выпутайте не торопясь, чтоб ее не повредить и ячею не порвать... Сколько-то — на ущицу хотя б — мне оставьте... Переберите. Выполощите — грязную-то сетку рыба за версту увидит да и неприятно ей в грязной снасти сидеть... Тебе вот в грязной одежке хорошо ли? — шлепал он ближнего по согнутой спине. — То-то же!

Буровики в бригаде не были лентяями, но они считали своей работой только бурение, а остальное — мелочь, «пыль» по сравнению с его величеством «метром проходки». «Все — от метра: заработок, фонды, блага, честь — от него родимого!» — это был девиз мастера, начальника и всех следующих пропадающих в дымке, начальствующих «бугров»...

«Простой так простой — наши гроши тают, так хоть отоспаться, в преферанс перекинуться или... Если б не эта зануда... сам не ам и другим не дам... Викторыча бы сюда — расписали бы пулечку на все ненастье... — так думал Сороколет, пережевывая хлеб, густо мазанный горчицей. — Хороша горчичка! Эх, стоп-аря бы... Испортит аппетит, как пить дать, испортит... найдет работен-

ку счас, хоть дурную — найдет»... — бурильщик из-под лохматых бровей взглянул на Витязя...

— Саня, слышь... — поймав его взгляд, елеино заговорил Витязь. — Я — чо?... Пока торпеды готовят... а за ними, поди, в город направлятс... волынка — та еще... Може, тряхнем стариной?... Сделаем ловушку... «паука»... да и попытаем долото или что там, половить?...

Сороколет отрицательно мотнул головой:

— М-м-ка... — медленно дожевав пищу и проглотив с усилием, пояснил — без меня. Начальник запретил? Запретил! И потом: если б «то» на забое было, тогда можно было б рискнуть. А тут... Не советую... Хотя... мне — что? Как прикажешь: ты начальник, я...

— Дак осторожненько... потихо-онечку... Падают-то когда? Когда сломя голову носятс, а на полусогнутых и на льду не падают. Это сейчас чуть-что — «торпедировать», «отстрелять», «зарезать новый ствол в сторону... Может, попытаем? «Пауком»!

Сороколет задумчиво помял бороду, но отказался:

— Нет, Леонтьич, не втягивай: тебе — не знаю, а мне такой укорот шеф сделает, что потом и в такелажку не устроюсь. Сам знаешь, на крючке я у него. На тройнике!

— Наоборот, шанс у тебя! Получится — в героях будешь, а нет — я приказал...

— Эх, Леонтьич! За кого ты меня считаешь? Да что бы я на чужом горбу в рай?...

— Гонору-то уж тебе не занимать! И мастера-то ведь испортил... Эх, Саня — Саня! Светлая ты головушка! Когда тверезая... Не вылезал бы ты с буровых — цены бы тебе не было!...

— Это уж точно! — вмешалась Романовна, краем уха следившая за разговором. — С бодуна-то, как прилетит, неделю не жрет, а как в ум войдет — коллекторшу не пропустит мимо, чтоб за ж не щипнуть...

— Тебя что ли щипать? Тебя этим не проймешь... — он потянулся было к Романовне, потом как бы раздумав, обернулся к Витязю:

— Ладно, пошли — посмотрим: как и что...

Вышли из балка по скрипучим сходням, глянули, не сговариваясь на белесое небо: вдруг зазвучит даль, застрекочет луговым кузнечиком, отзовется шмелем неторопливым?... Тихо...

Монотонный, глухой, узкий, словно бархатный лоскут, шум электростанции где-то на отшибе, в стороне, он как бы не в счет... Ветка хрустнет — слышно. Подумали об одном и том же: «Не дай Бог, погода установится и прилетит начальник, а мы — не успеем...»

Через два дня, в пятницу, Витязь уже прилетел домой и сразу же засобиравшись в баню: надо было смыть недельную грязь да и обычай того требовал: колонну зацементировал — попарься ... выпей... и отоспись: дело сделано!

Он аккуратно перекладывал приготовленные заранее женой банные причиндалы: не дай бог забыть чего! Такое благодетное дело будет подпорчено тогда... Напоследок забрался на чердак — да легко так! «Не меньше пяти кэгэ сбросил! — отметил про себя. — Работать бы всю жизнь бурильщиком, чего за портфелем погнался?...»

В тепле аккуратно собранный веничек заблагоухал томленным березовым листом и багульником: любил Степан Леонтьевич вплести в каждый веник какой-нибудь «сюрприз»: веточку пихты, смородины, мяты или багульника...

Не споро собиравшись он да зато никогда чужой вехоткой или мылом не пользовался, да в грязных носках или подштанниках не возвращался, и ни разу за всю свою сорокалетнюю жизнь не одел он наизнанку трусы или майку...

И тут к нему ввалились непрошенные гости: буровой мастер Иван Викторович и бурильщик, его тезка, Иван Погодаев. Оба возбужденные, «под шафе», особенно «старый гусар».

С плохо скрываемым сожалением прервал Витязь милое сердцу занятие...

— Здорово, вредители! — приветствовал он их. — Живы?...

— Леонтьич, освободитель ты наш, дай-ка я тебя обниму! Спасибо тебе!... Так, говоришь, валун там был? Булыжник натуральный?... Ха-ха...

— Натуральный! Прямо как с Крещатика или с Красной площади, словно тесаный, а с торца ребристый, как шарошка...

— Молодцы! Как же вытащили его — «пауком»?

— Чем же еще? «Пауком»... Сороколета благодари, я бы ни за что! Это ж как блоху подковать — нелегче... Ювелирная работа!...

— Саньку отблагодарим: Санька — человек! От тебя к нему пойдем, угостим его на славу: я ведь, чать, нынче из «столицы»...

«реабилитированный!»... Сейчас с Санькой напьемся, как гусары, и пойдем начальника на дуэль вызывать... Требовать сатисфакции... Откажется — морду начистим... И его... всех нас! Оскорбил! Я — ладно... много вынес, вынесу и это. Если по совести, то — грехи у меня есть... можно сказать, их я искупал... Но Иван-то — он за что? Это ж святой человек, каких поиска-ать!.. Его-то — за что?.. В душу наплевали — зачем?.. Скважину спасали?.. Деньги народные берегли? Не-ет! Страх в душу человеческую хотели поселить... Испохабить ее! Скважина!.. Да что она по сравнению с душой человеческой? Да ничто... дырка! Эх, Леонтьич! Сколько я их накрутил за пятнадцать лет по всей Сибири — сотню! А вот душ сотворил — только две... Ведь и в них наплевали! Такой паскудный отпечаток оставили: отец их — Люськин и Виталькин — то есть я! — паскудный вредитель! И это в наше время!.. Хоть бы, суки, извинились! Да я ему этим булыжником!.. Представляешь? Виталька — сейчас вот, как прилетел я, — когда обнял его, смотрю: засмутился, к умывальнику тянет: «Умойся, — крик, — папа с дороги.. Сортиром, — крик — от тебя пахнет.. как в туалете аэропортовском в Пургае..». Ты думаешь, забудет Виталька это?.. Не-ет, это не только мне в биографию, не только вот ему, — хлопнул он Погодаева, — но и детям в душу на всю жизнь отпечаток тиснули.. А «хлопчики» у нашего кишкомота шустрые! Схodu статью о причинении ущерба — умышленного! — в особо крупных размерах начали клеить...

Заметив, что Витязь взглядывает на часы, Иван Викторович отстранился от него, вынул из внутреннего кармана крепко надушенный клетчатый платок и не без изящества промокнул разгоряченное лицо. — Извини, старик, что поплакался на твоей груди. Зайдем к Саньке и пойдем к начальнику — на мужской разговор...

— Напрасно!.. Идемте лучше со мной — в ба-аньку... Попаримся, смоем с грешных тел грязь, и душа, может пообмякнет... Тогда и покаемся да и врагом наших простим, а?.. — Витязь зашелся мелким нервическим каким-то смешком.

— Они спустились по скрипучей, промерзшей лестнице на улицу. Враз все шумно вздохнули: — Воздух-то?.. Март!.. Проплакался март... В одночасье, на грани ночи высушил слезы, широко распахнул голубые глаза свои, и заструилась, переливаясь немыслимыми оттенками небесная синь... Набухший снег

осел, затвердел, сквозь снег проступили пеньки, валежины... в сквозистых вершинах березовых колок появилась тревожная фиолетинка...

В густой синеве сумерек поселок приветливо светился окнами и редкими фонарями с новыми — ртутными — излучателями: при полете они были видны издалека. Один из них горел около дома начальника, штукатуренные стены мерцали в темноте, словно были сложены из лунного камня, черные окна зияли, как провалы...

— Коль надумали, айда! А то бабка Сиротиха закроет свое заведение, придется в котельную идти, — в последний раз позвал оскорбленных мужиков Витязь. — А если нет, пока. Только все эти мужские разговоры отложите! Как друг советую.

— Леонтьич!... Старик! Не бойсь за нас: все будет, как учили!

Обняв Витязя, похлопав его каждый со своей стороны, они пошли, один — высокий, стройный, другой — коренастый, вверх на пригорок, время от времени, касаясь друг друга плечами.

Через три месяца районный суд на выездном заседании в клубе поселка определил троим его жителям по три года «химии» с «отбыванием на стройках народного хозяйства» — трудились они на керамзитовом заводе на юге области и были освобождены досрочно...

ПРЕТЕРПЕВШИЙ ЖЕ ДО КОНЦА СПАСЕТСЯ

(Евангелие от Матфея, 24-13)

I. Вступление

Простую истину одну
я понял пацаном в войну:
хлеб, спички, соль и мыло —
основа жизни... Стыла
кровь даже под одеждой —
хоть грела нас надежда.
Как жизнь тогда была крута!
Но ведь была и доброта!
Да! Доброта и Милость!
Вот жизнь и сохранилась.
Сейчас все это вновь в цене.
А Милость с Добротой — вдвойне.

К Анатолию Владимировичу Попову эти стихи применимы в полной мере. Мы сидим в его «аппартаментах»: в слесарке ремонтно-механических мастерских АОТ «СУ-920», разговариваем. Слесарный стол с тисами, наждак, инструментальные ящики, шкафы. Продавленные сидения, приспособленные вместо кресла. Фоном — воспетая Гастевым индустриальная музыка: звон и гром железа, гудение электроприборов, утробное тарахтение дизелей, голубое полыхание электросварки и запах выхлопных газов — цвето-арома-то-музыка! Мечта композитора Скрябина! Впрочем, к этому через пять минут привыкаешь. В слесарку то и дело заглядывают: «Дядь Толь...» или «Владимирович...». Одним Попов говорит: «Положи на стол, сделаю», — и плавно показывает белокожей, в железных опилках и смазочной отработке рукой — куда положить. Другим: «Погоди. Попозже». Третьим разрешает: «Давай! Только быстрее». И пока визжит наждак или дрель, вжикает рашпиль или напилоч, Анатолий Владимирович сидит, прикрыв глаза, изредка поглаживая тыльной стороной ладони светлое, чуть одутловатое лицо. Как бы то ни было, беседа наша идет «конструктивно». Речь у него правильная, без слов-паразитов и диалектизмов, я бы сказал, литературная. А когда узнал, что он из Вологодской области, из-под самой архангельской границы, я не выдержал, спросил:

— А куда же «оканье» из речи подевалось?

— Выкатилось... Уехал-то я из родных мест когда? Считаю, как в армию ушел. — Он чуть задумался, усмехнулся. — В отпуск, другой раз, подолгу не ездил. Как выберешься, и удивляешься говору. Отвыкаешь, как же! «Посидим, поокаем...» А ведь сам так когда-то окал.

II. Анатолий, брат Анатолия

Родился Анатолий Владимирович в мае 1938 года в деревне Кропухино, в районе, центром которого город Великий Устюг, известный еще с 1207 года. Молога, Сура, Вытегра, Сухона, Вологда — названия рек и речушек Вологодского края. Великий Устюг и Кропухино на берегу Сухоны (По местному, ударение на первом слоге). Богатые покосы в поймах и лугах, а на нежирных пашнях — рожь высокая, ячмень, овсы, гречиха и голубоглазый лен-долгунец, серебристо-серый, шелковистый после хлопотной и долгой обработки. А речки — рыбные, чистоводные. Сухона после паводка текла летом меж отборно-галечных берегов и плесов: раздолье для ребятишек и рыбаков! Родители — Владимир Николаевич и Лидия Васильевна, деды и прадеды и по материнской, и по отцовской линиям крестьянствовали: обрабатывали землю, обихаживали живность. В межсезонье, кто для себя, кто по заказу, мастерили колеса, сани, телеги, бондарили, шорничали, пимокатили — у кого к чему больше душа лежала и искусны руки были. Отец Анатолия все умел ладить.

Кропухинцам повезло — коллективизация пришла поздно — в 35-м. Семья у Поповых была большая. Детей только девять человек: семь братьев да две сестры. Анатолий — поскребыш. Он — Анатолий-II... До его рождения в семье уже был Анатолий. Но тот на шестнадцатом году трагически погиб — утонул. Видимо, родители тяжело переживали свою потерю, если уже в зрелом возрасте завели поскребыша и назвали именем старшего сына. Анатолий-II стал жить своей, разной в разное время, жизнью: гукать, ходить, разговаривать и, даже в малые лета — посильно работать. Во время войны отца забрали в трудармию (он воевал еще в первую мировую), брата на фронт, сестру — медсестрой, остальных — кого куда, и остались они впятером: два брата, сестра, мать и бабушка. Изба — с высокой завалинкой, просторным подпольем: под картошку, овощи, соленья (огур-

цы, грибы); в избе — русская печь, вдоль стен — лавки, у стола — скамейки (стулья уж потом пошли), полати. Во дворе — амбар, коровник (корову держали, покосы были, сейчас чащоба и на покосах, и на полях), баня. Огород двадцать пять соток. Взрослые — в колхозе, а свой двор — на старом да малом держался. Жили трудно: голодно и холодно. Из-за этого и в школу пошел девяти годков. В начальную школу ходил за два километра (Кропухино-то — дворов двадцать), а в семилетку — Марденгу, за четыре версты. Каждый день — по тропке, по санному пути. Из более дальних деревень (как его жена — за шесть км) квартиры снимали, а потом — в интернате. Весной Анатолий из школы к матери на поле: «Иди домой, я за тебя побороню!» У матери были кросна, и она всю жизнь ткала из льна, не это — вообще бы голышом ходили. А обувь? К деревянной подошве прибивали гвоздиками брезент — вот тебе и ботинки. Сестра — та кружева плела крючком: красивые! Все-таки чудо — лен! А цвет? Все поле как поле, и вдруг — голубое озеро.

После семилетки отец правдами-неправдами достал у председателя справку, выправил Анатолию паспорт и устроил его в ремесленное училище (РУ) в Великом Устюге.

РУ находилось при судостроительном и судоремонтном заводе, готовили судомашинистов и механиков. С общежитием было туго, поэтому Анатолий жил в основном у тети, отцовской сестры. Учили наукам и ремеслу тогда хорошо, уважительно относились к воспитанникам. Да и вообще: ремесленников одевали по тем временам — хорошо, кормили, чистое постельное белье регулярная баня, культпоходы в кино, самодеятельность, спорт, производственные задания, теория — бездельничать некогда было.

Эксцессов в группах не бывало. Вот «межкорпоративные» стычки — с речниками, техникумовцами бывали: училище на училище. Два года отучился, год отработал в Велико-Устюжской МТС и в армию... Два года служил наводчиком танка на полуострове Рыбачий в Мурманской области. После дембеля вернулся в Великий Устюг и вскоре женился на своей однокласснице Маргарите. Было это в 1960 году. Весной устроились в речпароходство, плавали матросами на линии Котлас — Архангельск. После аварии парохода их списали на берег, и Анатолий сменил профессию: закончил школу механизации и почти десять лет работал в совхозе механизатором.

В 71-м году жена в отпуске слетала к знакомым в Мегион. Ее сводили на берег в «колхоз» — понравилось! Погодка ясная была Кедры... Магазин. Чисто. Светло. Река близко... Приехала: хвалит, говорит — айда! Ну и отправили контейнер в Мегион, а сами на самолет.

III. Широта одна, да коэффициенты разные!

Парадоксы географии: посмотрел в атлас — что Великий Устюг, что Мегион — практически на одной широте! А вот поясные коэффициенты — разные, да и «северные» в Мегионе платят. При прочих равных тарифах — двойная разница! Накрутки делают, конечно, не зря, но вот эта разница в зарботке и смущает людей, срывает с насиженных мест. Сорвала она и Поповых.

Приехали в Мегион 11 июня 1971 года. А июнь, первая его половина, как правило, мерзопакостная бывает: мало того, что дожди, холодно, так и запуржить может.

Идут Поповы по Мегиону — грязища; пни, коряги, своры собак... Не понравилось Анатолию Владимировичу. Говорит, что если бы не контейнер, уехали бы!

Месяц пожили у друга. Потом сосед в отпуск собрался — пустил к себе. Малость погодя, дали возле «рубленного», пенал, в нем жили до конца 71-го года. Следующее новоселье — квартира с подселением. Все — за год.

С работой тоже не гладко. Он же механизатор, а предлагают плотником. Друг говорит: иди, квартиру скорее получишь.

Неделю проплотничал он, а сам потихоньку присматривался. Видит: экскаватор «Беларусь» новенький, а как брошенный — колеса спущены и прочее. Пошел к главному механику: чего, дескать, техника стоит. Тот: а запустить сможешь?

За день восстановил Анатолий экскаватор! И все лето на нем: работы для этой универсальной машины было навалом. Копал траншеи под теплотрассы и коммуникации, гравий грузил, баржи зачищал и т.п. А пошел получать — 240 рубликов... За этим ли ехал? Тут главный энергетик предлагает — предзимье уже! — слесарем по котлам. Он ему: если разряд сохраните, то хоть сейчас. Нет, говорит, выходите завтра, я все оформлю. Так и оказались они с женой в одной службе: она оператором котельной установки устроилась и до сих пор работает.

И двенадцать лет проработал в котельной слесарем по ремонту котлов. В 83-м заболел. Да так, что операцию на сердце сделали: два клапана заменили...

Когда я услышал эти его слова, то невольно переспросил осевшим голосом: «На сердце — два клапана?..»

IV. Какой клапан лучше

— Два клапана, — совершенно отстраненно подтвердил Анатолий Владимирович, — митральный и ортальный. Ведь двенадцать лет пылью дышал, чего хочешь. Вода-то здесь плохая. Хотя химводоочистку и делают, все равно трубки в котлах накипью, нагаром покрываются — зима-то долгая! Когда чистим — пыль столбом! Вредная, ядовитая, с химией! Ни респираторов, ни противогазов. Ничего, мол, Владимирыч, прочихаешься! Вот в котлах нутро чистил, а свое забил, и сосуды, и клапана. Особенно пострадали сердечные клапана: кальциноз.

Направили его в научно-исследовательский институт в Москву. После соответствующей подготовки сделали на сердце операцию: отсекали заострившиеся — в накипи! — родные лепестки и пришили механические.

— У меня вот такие, — Анатолий Владимирович протянул мне простой шаровой клапан.

Второй раз я сталкиваюсь с вторжением мертвого железа в святая святых человека и не могу спокойно воспринять симбиоз механического устройства сердца. Осторожно, с любопытством и разочарованием взял я устройство, две копии которого «чакают» в груди моего собеседника, и не взглядывая на него, стал рассматривать конструкцию клапана.

Тонкое, диаметром с новый гривенник, высотой миллиметров шесть, седло из нержавейки, понизу — два ряда мелких отверстий (для пришивания к сердечной мышце), сверху — четыре изогнутых внутрь штырька, они образуют каркас, в котором находится силиконовый шарик. Вот и все: элементарно просто! Ни тебе нервных окончаний, ни кровеносных сосудов... Сердце сократилось — шарик приподнялся, пропустил порцию крови, стало расширяться — опустил в седло, перекрыл кровоток. И так — 60 и более раз в минуту, под сто тысяч в день и около сорока миллионов раз в год. И так уже четырнадцатый год (гарантийный срок большой!).

— А вот другой конструкции: мембранный. Полегче и меньшего перепада напора требует.

Конструкция оригинальная: поворотная заслонка колеблется, благодаря особой формы ограничителям, в пределах седла; этот клапан занимает объем в два раза меньший, чем шаровой. «Работают люди!» — уважительно подумал я о медиках-протезистах.

— Ну и как... самочувствие было? Тогда... И сейчас: все же условия, смотрю...

— Что — условия?! Работу по силам делаю, без работы — хуже. Я ж три месяца пролежал в институте. И комиссовали меня инвалидом по 2-й группе. Год и девять месяцев просидел на группе. Пошел на перекомиссию, взмолился: «Не могу! Переведите на третью — работать хочу!» Вняли просьбе: дали пожизненно 3-ю группу. Доволен был. А как начал устраиваться на работу, вторая заковыка. Замкнутый круг! Начальник управления требует справку из поликлиники, что можно работать, а в поликлинике требуют справку, что меня возьмут на работу. Хоть стреляйся! Вот только после перекомиссии и уладилось: с 85-го года здесь, в РММ слесарю.

— Все же тяжело, поди? Другой, полегче, почище не нашлось бы?

— Да, ничего! Тормозные колодки наклепать, диски... Ну и все остальное по мелочи что. Тяжелое не поднимаю. Газы вот только: сварка, и трактора заводят.

— Ну а как насчет режима? Насколько знаю, лекарства надо регулярно принимать, параметры крови контролировать, обследоваться... В Нижневартовске в больнице у меня сосед по палате был, у него один искусственный клапан, так он говорил, что четко — два раза в год по десять дней в стационар на обследование и реабилитацию, и кровь на анализ по свертываемости...

— Таблетки — разжижители крови — принимаю. И в Тюмень предписано каждый год приезжать. Два раза съездил: анализы, рентген и обратно! Одна морoka. Если бы в палату поместили, обследование сделали... А то кантуйся в гостинице... Нет, больше не поеду.

— А не хуже себе делаете? Не получится, как с тем же: «Ничего, Вламирыч, прочихаешься!» Ведь и в Мегионе больница есть, обследование сделают, поди.

— Ничего не хочу просить. Одного хочу: уехать бы на Большую землю. Хорохорься не хорохорься — больной ведь я. Уехал бы, на пенсию вышел, да некуда.

V. «Деревяшки мои, деревяшечки...»

— Жили, работали, деньги на черный день откладывали: 30 тысяч старыми было у нас с женой на сберкнижке — на эти деньги в перестроечные годы можно было и неплохую квартиру на Большой земле купить, и обстановку, и осталось бы еще малость к пенсии. Верили государству! И реформы начались — тоже верили обещаниям: «Через полгода — стабилизация...», «... в этом году...», «... в следующем...». Ждали-ждали, да все жданки съели! Больше невтерпеж. Заработок у меня маленький. У жены больше выходит. Так это ж только на существование. У дочерей — того хуже. Одна, к примеру, в Ленинграде на оборонном заводе, у них неполный день работают, получают минимальную зарплату...

— А мегионскую — на обмен? Не пробовали?

— Да кто ж на «деревяшки» обменяется? Добро бы — под снос шла, тогда другое дело. Четверть века, считай, прожили в ней, в «деревяшечке»! Я еще, помню, на ней пяток дней поплотничал. Да и другие дома помню: 9-й, 2-й, 13-й, после него — 4-й, 6-й, 8-й — я еще на «Беларуси» копал траншеи под теплотрассы к ним. Да!

Помолчали.

Мне вспомнились слова Люды Якушевой, которые она сказала, узнав, что я собираюсь написать о Попове: «О, дядя Толя — хороший человек. Меня они, как дочку, привечали с тетей Ритой. Справедливый, совестливый. Другой бы на его месте... а он все, да ладно, обойдусь. Добро — не все помнят». Она в детстве, оставшись без отца, без матери, была в детдоме, пока старший брат не взял ее к себе в Мегион, и она чутка на доброту.

— Главное, пока деньги были в цене, кооператив пытались пробить. Это — как инвалидом стал. Везде записывался. В Тюмени — уж и деньги заплатил, думал, ну наконец-то! Нет, прошло время, деньги вернули. Сейчас вот уже месяц хожу: помогите хоть взамен «деревяшки» или за мои двадцать пять лет работы на севере купить какую-никакую хату или квартиру — поближе к моим девчонкам. Не дожидаться ведь мне, пока моя «деревяшка» под снос попадет.

Стихами я начинал рассказ про Анатолия Владимировича Попова, стихами и закончу:

«Деревяшки ль вы мои, «деревящечки»!
Поскрипушки ль вы мои, продувашечки!
Тридцать лет как нет! Как мгновение...
И — другое живет поколение!
Свой всему черед и всему свой час:
Нас — на пенсию,
Под бульдозер вас...
... Может, станете вы «фазендою»,
Ну, а мы?.. Даст Бог, мы — легендою...

Ну, а пока мы, анатолии владимировичи, викторы николаевичи, егоры константиновичи, не став еще легендою, «поскрипываем» рядом с вами, люди, проявите свою ДОБРОТУ и МИЛОСТЬ сейчас — они возвысят всех: и вас, и нас.

СЕКРЕТЫ ПАЙКИ

Этот невысокий пожилой человек понравился мне сразу неспешностью движений и суждений, их уверенной определенностью.

Человек этот — Марманов Егор Константинович. Работает он в АООТ «СУ-920» с момента организации управления, т.е. с 1971 года. Начинал машинистом бульдозера, потом, после инфаркта в 84-м, по сей день — медником в РММ (ремонтно-механических мастерских).

Родился Егор Константинович в 30-м году в Крыму, недалеко от Симферополя, в сторону Феодосии — в лес, в горы. Совхоз «Ягодный». Отец, мать — местные, крымские. Отец из Тавдаира, мать из Спиридоновки. Соседи: села в Крыму метров через 500— 700, а то и вовсе сливаются.

Отец, Константин Павлович, с 13 лет сиротствовал. А по матери, Шуре, деда своего Егор Константинович помнит: добрый был дед Тимофей, хотя мог и оттянуть внука хворостиной, если тот заработал. Из разговоров Егор Константинович знал, что и прадеды жили в Крыму, родовые корни, возможно, уходят в далекие потемкинские екатерининские времена.

— Так вы — украинцы? — неосторожно спросил я.

— Нет, мы — русские. И отец с матерью, и деда — все русские. По-русски говорили и говорим. Без «нехай» и «мабуть». — Марманов усмехнулся, мотнул головой. — Почему-то принято считать: родился на Украине — обязательно хохол, на Дону или Кубани — казак. Нет, мы — русские! — повторил, как припечатал.

Дед, а потом и отец до колхоза лошадей держали, извозом на жизнь промышляли. Отец и в колхозе с лошадьми занимался, а мать — на всяких работах — куда пошлют. Места предгорные, на равнинах — пшеница, ячмень, овес, по балкам — сады. Виноград рос, для своих нужд. Лаванду, шалфей, розу обихаживали — школьниками лепестки собирали. А больше всего — плантации табака!

В школу Егорка пошел в 37-м, начальная школа в соседнем селе — с километр, семилетка — в другом, за три км. Ходили ватажкой. Что осенью, что по весне — вокруг такая благодать, а ты — сиди за партой. Поэтому учеба особо не тянула, и мальчишки частенько пропускали уроки: забирались в табаки и игра-

ли там. Как увидят, что девчонки из школы идут, перехватывали их, садились в круг и переписывали все, что было в школе и что на дом задано. Да мать не проведешь: «Опять по табакам шастали?» — не по запаху определяла, а по вошине: на одежде от табачной пыли лоск такой наводился: не стряхнешь, не оторвешь! Липкий табак-то...

Жили Мармановы по тем временам сносно: дом каменный с балконом и верандой. В сарайке корова, в свинятнике кабан. Земли пятнадцать соток. С сеном не было проблемы: лесники за половину от накошенного разрешали заготовливать. Все бы ничего, да пошли напасти: отец ушел, а потом — война... Егор самый старший: одиннадцать лет! Сестрам одной — восемь, другой — четыре. Пришлось ему после начальной школы идти работать коноводом (по семейной традиции получилось — с лошадьми!).

Земля в их краях хоть и щедрая, но для вспашки тяжелая: каменистая. Поэтому в плуг впрягалась четверка лошадей, цугом по паре: на передней парс и сидел коновод. Точно так же, по сезону — на сенокосилках, конных граблях, лобогрейках. В ночное лошадей не давали, а купать — негде было: водой из ручья побрызгал и пучком травы протер — вот и все купание.

А тут еще и оккупация...

Как в оккупации оказались, и не заметили: кто-то сказал, что в соседнем селе — немцы... Пацаны тут как тут — побежали смотреть. Потом и у них в селе фрицы останавливались, в основном проходящие, в домах получше — офицеры, в других — тоже по старшинству. Некоторые были ничего: и угостят, и на гармошке сыграют, и фотокарточки родных покажут, а другие орут, чуть что, пинка под зад. Скажут: вот эту курицу — в бульон! А она — несушка. Хозяйка другую предлагает, нет, упрутся: эту! «Мы, пацаны, будто ловить, а сами разгоним и в колхозный сад на четвереньках — поминай как звали! Они сунутся, а там колючий терн, да и отступят».

По соседству, вперемежку, татарские аулы были. Мирно жили. А вот при немцах все полицаи — татары, вот они перед немцами выслуживались. А в остальном — как при колхозах, только не колхоз — а община была, и не председатель — а староста. На работу ходили как раньше в колхоз или в совхоз. Налоги немцы тоже драли: сдай то, сдай это... Школы, больницы действовали бесплатно... Не как сейчас, к слову...

Дом в Тавдаире во время войны сгорел, жили в Спиридоновке, у бабки по матери. Дед работал мельником, в голодные годы помогал. Егор с двоюродным братом Иваном придут к деду в сумерки, тот хоть жменьку, да вынесет им муки аль пшенички. (Брат хоть младше, но к наукам, особенно к математике, был способнее: закончил со временем институт, работал первым главным инженером СУ-920, он и вызвал Егора Константиновича в Мегион).

После войны колхозы объединили, а как татар выселили — **совхоз** организовался на их месте.

Выселили их за одну ночь: вчера — еще были, проснулись — нету...

Чуть подрос Егор — в прицепщики пошел, а через два года, с 49-го до приезда в Мегион, т.е. до 71-го — трактористом.

Служил на Курилах. Приятных воспоминаний мало: ветер и снег соленый, глаза и щеки разъедает. Да еще цунами достает, после одного из них пехоту с Курил перебросили на Южный Сахалин, остались пограничники да авиаторы.

После армии вернулся в Крым: жили у бабушки в Спиридоновке, а ходили в клуб (дело ж молодое!) в Мазанку — кино крутили. В клубе и с будущей женой встречаться стали.

— Потом смотрю — не приходит. Подругу спрашиваю: что такое? Она говорит: ходить боязно. Пусть приходит, сказал, нечего бояться, провожу. Она и пришла. Проводил ее и стали встречаться. Свадьба была хорошая: вся родня съехалась. День погуляли, похмелились да и опять за работу. Было это в 55-м году...

— Егор Константинович! — да у вас же в этом году юбилей: сорокалетие.

— Выходит, юбилей! — соглашается он.

— Когда отмечаете?

— А это уж как жена решит... Она здесь же, в управлении, штукатуром-маляром трудится. Мы с ней, как сродный брат пригласил, вдвоем приехали: дочери — в школу обе ходили — остались у бабушки...

Сейчас-то они уж давно семейные: пятеро внуков у нас! А тогда-то, как приехали, определился машинистом бульдозера: у дорожников бульдозер — основной механизм! А бульдозерист, экскаваторщик да водитель — тройка, на которой все управление катит! Ясно, что и другие не сбоку припека, но все же... Много

северной землицы потревожил за четырнадцать неполных лет, гору, чай, порядочную суглинку, торфа, песочка да и гравия переместил, не один овраг заровнял, да и не одно деревце подмял под себя...

Егор Константинович помолчал немного и продолжал:

— Случалось и деревенские профессии вспоминать: на заготовке ли сена подшефному совхозу, на уборке ли картофеля.

Из начальства своего главного механика Данилова вспоминаю. Да... И технику знал, и технологию ремонта... И вообще, исключительный был человек, память феноменальную имел: случись какая поломка у любой техники дорожной — деталь скажет, номер подшипника назовет, и все — тика в тика! А эти — шарят-ся-шарятся по каталогам, книжки листают и частенько пальцем в небо попадают.

Из начальников управлений — Тулинцев выделялся. С утра обойдет все участки, во все вникнет, к рабочему подойдет, расспросит: как, что, чем дышишь? Ярошенко, конечно. Тот долго работал и много сдвинул и по поселку, и по производству. Всяко, конечно, было, но поговорить, поздороваться с рабочим человеком — не брезговал. Сейчас вот Андреев... Может, и ничего мужик, но другой раз с кем надо, поздоровается, ты будешь рядом стоять — в упор не увидит. Или возле конторы стоишь: из машины вышел, голову вниз и — молча мимо...

А медником стал незаметно, исподволь... Получилось как? Сначала по мелочи себе сделал: лейку, воронку. Жестяное дело попробовал: трубу, колено, ведро. Тот просит, другой. Сделал. Лудить обучился, умение приобрел. Так и пошло... А как инфаркт получился (неохота вспоминать — с главмехом поссорился), медническое дело — хобби, по-нынешнему, и выручило — медником стал.

Сама по себе работа, может, и не такая уж сложная, но как и всякая — тонкости имеет и по материалам, и по технологии. Но обязательное условие качественной пайки, лужения — тщательная подготовка поверхностей, грязь, ржавь, прозелень должны быть удалены, прилегающие поверхности зачищены до блеска! Не поленись, не поспешишь — будет пайка герметична на веки вечные! А если тяп-ляп — вся работа насмарку, небрежение уже не исправишь: либо выбросить, либо спаивай и начинай сначала...

Со своей профессией (или хобби?) Егору Константиновичу в пору нынче собственное дело открывать: заказчики найдутся и

на лейку, и на починку радиаторов. Может поэтому он так независимо и держится? Или — дело к пенсии? Ведь с учетом колхозного — коноводом — стажа более полувека оттрубил на благо России. По мне — дай ему Бог здоровья, пусть так и держится, все мы когда-то будем такими независимыми. Особенно если научимся, начиная любое, частное ли, общественное, государственное дело в масштабах семьи, предприятия, села, города дйи государства — тщательно его готовить, до блеска зачищая от аллегорической грязи, ржави и прозелени...

P.S. Пока очерк вылеживался, ждал своего выхода в свет, Егор Константинович Марманов умер от инфаркта в начале января 96-го — високосного — года. Да будет ему земля пухом, а память о нем светла.

НА ЗЕМЛЕ МЫ ТОСКУЕМ О НЕБЕ

В конце июня 1961 года, с дипломом Уфимского нефтяного института и направлением на работу в Тюменское территориальное геологоуправление, я впервые в жизни взлетал над землей на самолете ИЛ-14 с аэродрома столицы солнечной Башкирии. Аэродром тот давно застроен жилыми домами. Более тридцати лет после этого летал я на всех, пожалуй, типах самолетов и вертолетов, включая гражданскую и военную транспортную авиацию. Но всегда, как и во время своего первого полета, я испытывал при этом двойственное ощущение: восторга и грусти...

Все прозрачнее, все голубее, все звучней вокруг нас синева. От восторга как будто глупеет закружившаяся голова.

Гул моторов и глуше, и гуще. Сердце чуть холодеет в груди. Облака, словно райские кущи, расступаются впереди.

Но прошло потрясение взлета. По полям поспевающей ржи мчится синяя тень самолета... Но поля эти — как миражи!

Где он, запах созревшего хлеба? Где он, шелест упругих стеблей?... на земле мы тоскуем о небе, в небе — тотчас грустим о земле.

И давно уж проложена железная дорога с Большой земли, а я по привычке, в командировке и в отпуске, пользовался услугами Аэрофлота. Но однажды, возвращаясь с семьей из отпуска, с югов, подзастрял в Уфе. А в тот год, надо сказать, реализовывался девиз: «1 миллион тонн нефти, 1 миллиард кубов газа в сутки — Родине!» Под это дело со всех концов Союза (Закарпатья, Сахалина, Таджикистана, Кубани) возили вахтовиков, включая сторожей, техник! Летали целые экспедиции и управления! И не только на арендованных самолетах, но и на рейсовых. На Сургут и Нижневартовск в расписании была уйма рейсов, в том числе и прямых из Уфы, но в продажу поступало... по несколько билетов.

Приехав в третий или четвертый раз отметить в очереди еще до открытия агентства, я увидел в витрине объявление: «Производится продажа билетов на прямой поезд Аэрофлота «Уфа-Нижневартовск»...

Несмотря на абсурдность объявления («прямой поезд Аэрофлота»), я решился: слетаю-ка я на поезде, посмотрю на родимую сторонку из «окошка вагонного»...

И знаете, не пожалел! И виды, и звуки, и запахи — компенсировали некоторую потерю времени и дорожные неудобства...

«Будет возможность — проедусь на машине, проплыву на теплоходе!» — дал себе зарок.

И вот такая возможность представилась: на УАЗике едем в Екатеринбург и обратно!

Март в разгаре. На перегоне Мегион-Нефтеюганск — по обочинам и на дороге местами — снежно и слякотно, а дальше — асфальт сухой или, словно под утюгом, парит!.. Это — места знакомые, но трудноузнаваемые. Смотрю по сторонам, извертелся: хочется найти прежние приметы, ориентиры... Но прежнее-только небо. И доброхотное мартовское солнышко...

...Непросохшая свежая синь.
Этот свет, словно в радуге, ярк.
С фиолетинкой пятна осин...
Ясный день — нашей жизни подарок!
Вдруг вдали показались дымы.
Не эскадры дымят под Цусимой —
что-то снова прошляпили мы:
факела... факела негасимы...
Меркнет неба сибирского синь
в серебристо-графитовом смоге.
И белеют скелеты осин вдоль бетонной дороги...
А на сердце ложится печаль, —
словно слышу шумящий и знобкий,
так тревожащий русскую даль
плачь души — про Манчжурские сопки...

За рулем УАЗика Николай Иванович Бережной, солидный мужчина средних лет с мягким голосом, темно-синими вдумчивыми глазами, по-леоновски улыбчивым полногубым ртом; на нем неброский узорчатый свитер, на поясе провисает кобурой кошель с документами и деньгами. Крупные руки его то спокойно лежат на баранке, то суетливо что-нибудь делают: переключают скорость, роются в карманах, в бардачке.

До недавних пор Николай Иванович работал на большегрузных машинах, и это чувствуется: он едет не спеша, выжимая не более девяноста км/ч в час, при маневрах осторожен — видимо, все еще ощущает себя в прежних габаритах.

В затруднительных ситуациях он вроде бы спрашивает совета, но поступает по-своему. В случае неудачи сокрушается: «Эх, надо было вас послушать!» И так — всю дорогу.

Движение на дороге жиденькое. Прогудят майскими жуками тяжелые топливовозы, дальнобойные фургоны. Пчелками, осами вжикают наши легковушки, иномарки. Шершнями со свистом обгоняют нас джипы...

«Еще бы по асфальту не гнать! Попробовали бы по первым зимникам двадцать лет назад...» — с непонятным самому раздражением думаю я, вспомнив вдруг, в каком состоянии пришла к нам в экспедицию из Тюмени техника, перегнанная по зимнику

«Хорошая все же дорога! И асфальт научились класть, и разметка, обстановка — что надо...»

Выбоины и колдобины очень редки, и то по окраинам, там брызжет из-под колес серый, напитанный водой снег.

Дорога то ныряет с гривы в распадок, прерывистой лентой устремляясь к горизонту, то плавно выписывает синусоиды.

Воздух влажный, парной, сытный — словно квасным духом напитан. На взлобках посуше — будто возле каменки, когда поддашь кваску, и первые ароматные клубы уйдут вверх, за полук...

Из темных еловых опушек ультрамариновая дымка сочится. Березовые колки из-под густых ресниц одаривают заманчиво фиалковым взглядом. Сосняки радуют изумрудно-яркой, малахитовой прозеленью...

После долгих северных сумерек пейзаж становится однообразно-темным, и мы, поговорив за жизнь, вспоминаем житейские истории из своей биографии...

— И охота вам, Николаич, трястись? — обвыкнувшись, еще в начале пути сочувственно спросил Николай Иванович меня. — Дорога долга: навихляетесь! Че, некому что ль было съездить?

Выслушав мои пояснения, съязвил:

— А вы — пешочком еще... Аль на обласке! — посмеявшись, заключил: — Нет, Николаич, удивляюсь все же вам! Сидел бы на печи, у бабки под боком... Запахи и звуки подавай!

Дорога плавным поворотом взнесла нас на взлобок, и из непролазной повительной чащобы пахнул в кабину ветерок вербно-снежного настоя...

— Коля!.. Можно тебя так? Только из-за такого клочка ветра, Коля, стоило ехать! — воскликнул я искренне...

Перед Тобольском, на АЗС, решили тормознуться на пару часов. Там уже ночевало несколько машин. Забрызганные авто-

фургоны стояли «звездой»: кабинами наружу. «Зад к зад, и дружба врозь!» — пошутили мы. «Чтоб спать спокойнее! Не вскроют.» — пояснил мне Николай Иванович.

Мы перекусили в кафешке при АЗС и кое-что из домашних припасов оприходовали. Попытались уснуть — сон не шел. По первости, при включенной печке, Николай Иванович запыхивал было уютно, как домашняя квашня перед праздником, но, сопревши, заворочался и выключил обогрев. Я задремал, недолго длилось задремье — пока не озяб, но и оно освежило меня. Сосед мой тоже проснулся. Мы разговорились...

Родился Николай Бережной 22 мая 1952 года в селе Александровке Сорокинского района Тюменской области, это чуть севернее города Ишима. Отец его, Иван Тихонович, 24-го года, и мать, Мария Андреевна, в девичестве Лоза, на два года младше мужа, из соседней деревни Михайловки; знакомы они были с детства. Ивану Тихоновичу пришлось повоевать в Отечественную войну. Мария Андреевна все это время трудилась в колхозе и ждала своего суженого с фронта. Иван Тихонович пришел домой уже после Победы с боевыми наградами, стал работать в колхозе механизатором. Мария Андреевна так и осталась простой колхозницей, то есть на все руки мастерицей! Сено косила, снопы вязала, сорняки полола, всходы прореживала, зерно веяла, за скотиной ухаживала и всю остальную многотрудную крестьянскую работу справляла.

Николай — второй после брата Толика ребенок, за ним шли брат Александр и сестры Валя и Галя. (Что интересно, дети у Ивана Тихоновича и Марии Андреевны шли ровным рядом, словно подберезовички в бороздке, через годик, по четным: 50-й, 52-й, 54-й, 56-й, 58-й г.г.!)

Родители были заняты день-деньской в колхозе. Дом у Бережных крепкий, под двускатной тесовой крышей, с большой кухней и русской печью, просторной горницей, сенями, чердаком — там сушили веники и пучки целебных трав; во дворе — стайка и вышка для сена, держали они дойную корову, мясного бычка, овец, хрюшку и несколько десятков голов птицы. И огород, конечно. И все домашнее хозяйство во многом держалось на детях, находившихся под приглядом деда и бабки по матери. Благо, дед Андрей и баба Маня Лоза жили рядышком.

Дед Андрей, высокий, сухощавый, лысый, был в меру строг:

шкодников наказывал. Баба Маня, невысокая худенькая хохлушка, всплескивая смуглыми руками, заступалась за внуков; речь ее на «мове» сыпалась приятной, но быстрой до непонятности скороговоркой, внуки ее любили.

Дед воевал в гражданскую и в Отечественную, был ранен, на войне ему случалось попадать в разные переделки, и он привык не паниковать. Под напором скорострельного кинжального «огня» бабы Мани он, случалось, и отступал, но — неспешно, с грозным достоинством.

По отцу была баба Дуня — русская, тоже худенькая голубоглазая ласковая женщина, она жила в соседней деревне и с внуками общалась больше по праздникам.

Но больше всего водились дети сами с собой: самовоспитывались.

Места вокруг дома привольные, веселые: речка безымянная, но утешная, березовые — с осиновыми анклавами — колки. Есть и леса в отдаленье, с темным, трудно проходимым подлеском. На лесных полянах и опушках — земляника, на буграх и взлобках — клубника... Боярка, калина, рябина... Груздевые места, опять... Тихо, покойно. Своих хищников практически не водилось, изредка — набегам — наведывались волки из Казахстана.

Николай окончил семилетку и поступил в Сорокинское ПТУ. Практику проходил в родном колхозе: с отцом в подменку пахал на тракторе, зябь поднимал. Получил после окончания ПТУ корочки механизатора широкого профиля. А осенью подвернулись шоферские курсы при ДОСААФ, окончил их, получил водительские права, стал работать в колхозе на ГАЗ-51. Поначалу по местным маршрутам, а затем и в дальние — на мелькомбинат в Ишим за комбикормами, на мясокомбинат. Случалось, и попутно пассажиров подвозил, но бесплатно, такая тогда была манера. С 69-го по 71-й крутил баранку, а на 9-е Мая ушел в армию, служил в ЗГВ в Германии по гражданской специальности — водителем ЗИЛ-ка. ВАИ не останавливала ни разу: службу нес ответственно.

Колхоз в Александровке считался средненьким. Но после армии Николай Бережной вернулся в Александровку, в родной дом. Председатель колхоза Чекунов Петр Степанович предложил ему сесть за баранку, и он снова стал колесить во все времена года по милым сердцу родным местам.

До армии познакомился Николай с Людмилой Ковалевой из недалекой — 15 км только и всего! — деревни Осиповки. Когда он служил, Людмила работала в Ленинграде, и они переписывались. Из армии Николай пришел в 73-м году, а на следующее лето Людмила приехала к своим в отпуск, да как оказалось, насовсем: Николай сосватал ее, и они поженились.

Первый год жили в Александровке. А в 75-м году Людмилинин брат, работающий в Мегионе, переманил их к себе.

С 1975 года стали Бережные мегионцами. Николай устроился на работу к своему шуруну в 103-ю автобазу, а Люда после декрета в теплицу СУ-920, потом перешла в торговлю. Дети у них — мегионцы!

Дочь Лариса, первенец, 75-го года рождения, после школы окончила Нижневартовское педучилище, работает в детском комплексе «Полянка», что в поселке СУ-920. Муж ее, Владимир Стрельников, так же, как и отец, водитель. У них есть дочка Вероника, ей три года.

Младший Бережной, «олимпийский» — 80-го года рождения, Окончил среднюю школу Мегиона и сейчас служит в армии.

Николай Иванович первое время работал на ЗИЛке, долгое время на тяжелом КРАЗе, года три на УАЗике, сейчас он — выпускающий механик.

— Внучка-то деда Колю любит? — спрашиваю с завистью.

— А как же!

Рассказ его частенько прерывался. Николай Иванович ворочался на сиденье, выбирая позу поудобнее.

— Да, Николаич, шарниры скрипят, мышцы ноют... Капремонт проводить треба! И то: почти тридцать лет за баранкой. Покрути-ка, потрясись столько!..

Мне тоже дискомфортно, а уж про «шарниры» лучше бы он и не напоминал! Я ж только третьеводни встал на ноги, а то дней десять скрепя сердце передвигался по дому, держась за стенку. И если впервые спускаюсь по «тюменскому меридиану» с севера на колесах, то это не значит, что мало мне пришлось поколесить по земле — поездил я и по зимникам, и по целику на всех марках грузовых машин, тракторов, тягачей и вездеходов!

По «пьяным» северным дорогам, тайгу секущим вкривь и вкось, трястись мне вдосталь довелось... Пилось и елось понемногу, но так, как дома, не спалось...

Начинался рассвет: долгий, медленный, северный...

— То ли дело на юге! — замечаю я. Как-то аж в ноябре был, все равно: раз-два и рассвело! Может, поэтому там и народ такой горячий, а?

— Ха! «Горячий»! — расстановисто отозвался Николай Иванович. — Шустрый — да! Видели? На понтонной переправе... на АЗСах... да в любом киоске — если не продавец, то охранник или хозяин... Да чего? Взять хоть у нас дома — вся торговля у них! Водки нормальной не купишь — самопал! Наркота... Приглядись — что ни иномарка, «нерусский» едет... Наверняка, с черным налом!

— Что ни говори, дружный народ! Один укоренился, считай, весь аул или махалля — здесь. Родственные связи опять же... Впрочем нам, как тому танцору, все кто-то мешает. В советское время — «евреи, кругом одни евреи» были, теперь — «лица кавказской национальности»...

Сквозь гущину придорожного леса замреяли реденькие, явно дачные огоньки: видимо, мы приближались к Тобольску.

Не удалось мне уломать Николая Ивановича проехать через город: в сырой — «саврасовской» — сиреневой дымке развернулся крутой «берег» Иртыша, железнодорожный мост, вокзал, знаменитый — в историческом ореоле — почти поднебесный Тобольский кремль... Золотые купола его храмов высверкивали даже в безлучьи ненастного медленного утра.

— Все дороги сейчас так — вокруг городов. Оно, может, подальше, да ездовитее... — оправдывал свой отказ Николай Иванович. Но я на него обиделся и долго мы ехали молча. Ровно тридцать пять лет назад, в марте... пожалуй, и числа совпадают... я возвращался из командировки в Москву. Да, это была моя вторая командировка. Первая — в Тюмень. Но как и в первый раз, я подзастрял в Тюмени: не мог достать билет. Кто-то мне посоветовал лететь из Тобольска, а туда — на такси. Были же времена! Добрались мы до Тобольска вполне благополучно: пару раз вылезали на заносах, толкали «Волгу» М-21. Устроился в гостинице. купил на послезавтра билет до Сургута. Вечером сходил в драмтеатр, резной, изумительной красоты. Наутро поднялся по взвозу в кремль и весь день пробыл там... Эх! Моя бы воля, так и остался бы в Тобольске! Но я значился молодым специалистом и «обязаловку» должен был отработать там, где меня считали более полезным.

День постепенно разгуливался. Я со вчерашним интересом озираю дорогу и окрестности, пытаюсь хоть за что-то знакомое зацепиться взглядом. Но тщетно! Неудивительно. Во-первых, тогда я ехал сюда, навстречу, метель мела... Нет, поземка. И подмораживало. Точно. Стекло индевело... И во-вторых, мы ж ехали Тобольским трактом, а эту дорогу спрямили! Читал об этом где-то.

И пошли, как кинокадры, воспоминания.

В 64-м в Тобольске был пролетом: пересадка с гидросамолета на колесный. В город не ходили, любовались кремлем издали. Точно! С Гришей Бабаковым валялись на траве-мураве, пили густую перцовку, закусывали консервами «Карась с гречневой кашей». Или наоборот? «Гречневая каша с карасем»? В любом случае, было вкусно. Читали наизусть, по очереди, «Конька-горбунка». А вскоре Гришки не стало...

О! Года через три, кажется, в декабре... Да, во время «Дней советской поэзии в Тюменской области» были здесь с Володей Нечволодой, Женей—бородой... Да, я был в командировке и присоединился к ним в Нижневартовске или Мегионе... А... был еще юный, после дембеля, как его?.. Вовка еще ему в гостинице за непомерные амбиции врезал... Театр тогда еще был цел... Я ведь что-то тогда в связи с Тобольском написал... Дай Бог памяти... А-а!

От мороза и зноя белесые
над Сибирью летели века.
Стали былью мечты Ломоносова,
не пропали труды Ермака!
С каждым годом России могущество
прирастает тобою, Сибирь!
Не само собой — нашим мужеством,
постигающим глубь и ширь.
Собралась нас дружинушка знатная
из окрестных и дальних краев —
не какая-то голь перекатная:
дело ладим и строим свой кров.
Нас не вдруг, с кондачка и наития,
полюбили удача и фарт:
через труд к нам приходят открытия.
Не цинга, нынче хлеще: инфаркт!
Сколько их, дорогих сотоварищей,
положили в боренье живот...
Хоть печаль о потерях остра еще,

но и в званиях их имя живет!
О Сибирь!
Ты хотя и суровая,
но к тебе прикипела душа!
Нынче песня рождается новая
на крутых берегах Иртыша...
...Чтоб Сибирью России могущество
прирастало сегодня сполна,
нужно очень немного, в сущности,
наша общая воля
одна...

Да... «Воля партии — воля народа!» «Нефть — забота общая!» «Миллион тонн нефти, миллиард кубов газа — в сутки!» Это тебе не шухры-мухры! Сейчас тоже: забота общая, а вот денежки — врозь...

Слева показался огромный животноводческий комплекс. Капитальные строения. Но необитаем: зияющие провалы окон, огрузные снежные заносы... Картина, как из иллюминатора самолета: неосязаемая! Где он, острый запах весеннего навоза, пронзительный силосный «цуфус»? Где он, шорох сена, шумные вздохи коров, мычание бычков, тарахтенье универсального «Беларуса», наконец? Неприятное ощущение... Тоскливое. Когда я нечто подобное испытывал? Шестьдесят шестой? Да, конец ноября шестьдесят шестого года. Мы тогда летели из Салехарда в Старый Надым на АН-2: внизу, словно селедочные скелеты, остатки железной дороги. В надымской лесотундре — колючая проволока, беленные известью бараки, низенькие столбы линии вэчэ на Норильск, разбившийся «Дуглас» (Ли-2)... 501-я сталинская стройка! Куда? Зачем? И какой ценой?..

В отдалении от животноводческого комплекса — бывшего комплекса! — на улоге, раскинулось село.

Вдоль дороги — и с той, и с другой стороны — словно кочевой стан: шалаши не шалаши, будки не будки, собачьи конурки или что-то вроде — все дымящееся, курящееся, пахучее, галдящее...

На память приходит Гиляровский с его описанием Хитрова рынка и обжорного ряда... «С чем боролись, на то и напоролись!»

И так — против каждого села, каждой деревеньки. Пельмени, картошка, борщ, котлетка, шашлык, сало, соленый огурчик,

водка, пиво и даже заморские напитки. Молодые, старые, пожилые и совсем еще зеленые торгошники, в недавнем прошлом — колхозники или сельхозработники...

— Николаич! — с приятной напевинкой в голосе окликает меня Бережной. — Че шепчешь: стихи сочиняешь?.. Али к утреннику готовишься? Чтоб свои строчки не забыть, повторяешь?

— Матюкаюсь, Коля, матюкаюсь, глядя на такое! — Теперь мы проезжали мимо порушенного ремонтного двора — тракторно-комбайнового погоста.

— А в садик, Коля, я не ходил, стихов про счастливое детство не разучивал: на войну да на лихое послевоенье выпало оно...

— А я ходил! — Николай Иванович по-леоновски лыбится широко. — И стишата зубрил, и манной каши на всю жизнь — во! — наелся! Да и то, не война — коммунизм строили уже!

Через промежуток снова:

— Николаич, слышь! Во-н, свороток... Ко мне на родину... Дорога на Сорокине: хорошая сейчас дорога!.. спрямили ее. Может, заскочим? Нет... а летом бы — можно!

Понятно: ностальгия!

Я вспомнил про свою Малышовку: пять лет прожил, а кажется, что полжизни! В Покровскую начальную школу ходил за полторы версты, а в пятый класс, в Краснозильскую семилетку, аж семь верст киселя хлебал! Волнительны были до чего весенние ходки — как на крыльях!

— Не, у нас в Александровке начальная своя была! — словно университетом гордись, с довольством в голосе сказал Бережной. — Суздальцева Нина Ивановна и Бочкарева Валентина Ивановна учительницами были. Они и сейчас в Александровке... А в пятый класс я в Сорокине пошел... Там и ПТУ закончил. Да я ж, никак, говорил...

И ВСЕ ЖЕ ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ — СЕМЬЯ

Словно в подтверждение, что високосный год — тяжелый, аварии и осложнения в скважинах сыпались, как из рога изобилия. Постоянного внимания требовала и наклонная скважина, бурившаяся через пень-колоду из-за плохого снабжения — плановых метров-то она не давала! — с целью глушения открытого фонтана сеноманского газа. Наконец, бурение 107-бис было завершено, и я перелетел на скважину для спуска и цементирования 9-дюймовой технической колонны.

По мощности фонтан выглядел не таким уж страшным: яркость его была, пожалуй, меньше, чем у факела на Аганской дороге, в котором сжигали попутные газы, сила же заключалась в том, что был он — неуправляемым!

В кратере размером поменьше футбольного поля с чашеобразными бортами фонтан наработал целое море густой, вроде штукатурного раствора, пульпы. Если бы ствол аварийной скважины не был обсажен, то фонтан давно бы наглотался этой пульпы и самоликвидировался. Но в скважине были три, одна в другой, колонны: кондуктор, техничка, эксплуатационная колонна и верхняя часть труб, находившаяся на глубине нескольких десятков метров, словно трубочка в коктейле, совершала хаотические движения в воронке. И фонтан работал пульсирующе: то затихал, придавленный попавшей в трубы пульпой так, что в кратере гасло пламя и лишь отдельными языками устремлялось высоко в небо, то вздымал пульпу огромными куполами, газ с хлопком вспыхивал, а распавшиеся купола с характерным грохотом обрушивались вниз; мельчайшие частички пульпы в пламени факела отжигались и относились по розе ветров за борт кратера, образуя подковообразную насыпь, крутую с фронта и пологую в заустенье. Изредка фонтан гас, и специальным дежурным приходилось его поджигать. Вся верховодка за время работы фонтана была загазована в радиусе нескольких километров. С подветренной стороны вблизи кратера с хвоя и былинок, словно зазеркальная роса, капала нефть... На каждом шагу бурлили микрогейзеры. Все было припорошено мелким, словно пыль, сеноманским песком, вынесенным газом.

Здесь находились вахты летной бригады во главе с буровым мастером Богданом Савчуком. Мне с ними раньше приходилось

иметь дело; это были опытные дисциплинированные буровики. Работами по подготовке ствола скважины к спуску довольно жесткой колонны руководил главный технолог Восточно-Мегионской экспедиции Анатолий Николаевич Анкудинов. Предстоящая операция по спуску и цементированию колонны была достаточно сложной и ответственной: качество крепления должно быть гарантированно высоким! К тому же подобные работы выполнялись у нас в объединении впервые.

Под постоянным контролем, с соблюдением всех технических требований колонну спустили до забоя, который находился чуть выше кровли газоносного пласта в непроницаемых глинах, закачали рассчитанное с запасом количество тщательно затворенного цементного раствора и приступили к его продавке. Это заключительная и самая ответственная часть крепления скважины. И хотя у меня за спиной уже десятки успешных заливок (Бог милостив: не было еще ни одного «козла», то есть схватившегося в колонне цемента), я обычно при продавке волнуюсь, стараюсь контролировать весь процесс: слежу за давлением и темпом продавки, быстренько прикидываю в уме соответствие темпа и объема закачанной в колонну жидкости, величине и характеру изменения давления, проверяю выход циркуляции...

Толик же — так зову я про себя и в неофициальной обстановке Анатолия Николаевича — как бы отстранение («я не я и хата не моя!») ходит мимо цементирующей техники, словно измеряя предельно широкими шагами длину играющего под ним дощатого настила, и время от времени взглядывает на часы.

— Так ведь и «стоп» можно прозевать! — ворчливо пеняю ему.

— Исключено! — тормозится Толик. — Расход — это производительность на время. Все под контролем! — Он показывает лабораторный секундомер, улыбаясь широко, заверяет: — В нужный момент будем в нужном месте и в оптимальный момент дадим команду «стоп»!

«Ну-ну! — хотелось укорить его, — то-то в вашей экспедиции чуть не вторая колонна с «козлом»! Да знал, скажет: «Не мои-с! Все претензии — к ним-с!» — имея в виду главного инженера и начальника ПТО и РИТС».

Толик ироничен, порой по-студенчески остроумен. Речь его быстра, с кратковременными запинками и чуть грассирующей невнятинкой.

Он высок, крупнотел, чертылица неброские, но скульптурно — соразмерные, подбородок разве чуть тяжеловат. Мягкий русый чубчик, высокий лоб с характерным надбровьем. Глаза светло-синие, оживленные обычно веселыми искорками понимания, любопытства, иронии, хотя могут они быть остро холодными, безразлично-фарфоровыми и темно-задумчивыми, самоуглубленными — от расширившихся, как бы глядящих в себя зрачков. При продавке было несколько волнительных моментов, когда пропадала циркуляция (это свидетельствовало о поглощении цементного раствора пластами). Боясь разрыва пласта — а этого никак нельзя было допустить: тогда бы аварийный ствол соединился с нашим, и мог произойти выброс газа из незакрепленной нашей скважины — я снижал, на сколько было позволительно, темп закачки, чтобы уменьшить давление...

И вот, наконец, на устье излился щупальцами подземной гидры загустевший буферный гелецемент. А потом пошел цементный раствор: с хорошим подходом мы его закачали! До получения «стоп» цементом залили под буровой приличную площадку.

После «стоп» наступает ОЗЦ — ожидание затвердения цемента. Дав необходимые распоряжения и перекусив, мы с Толиком пошли в свой балок.

Гостевой, или итээровский, балок стоял ближе всех к кратеру, окнами к нему.

Фантастические сполохи то отжимали тревожную темень майской ночи, то давали возможность мгновенно, с хлопком, как при кавитации, смыкаться ей, чтобы тут же мгновенно разметать ее клочья по ближним и дальним гривам, приболотьям и облакам.

В балке также причудливо мечутся сполохи, блики и тени. Стены балка почти не утишают шума неукрощенной стихии, в котором и гул верхового пожара, и рокот горного камнепада, и грохот рушащихся куполов при землетрясении — балок, стоящий на пропитанной полыми водами торфяной подушке, порой ощутимо вздрагивает.

За последние дни мы с Толиком здорово ухайдакались. Сейчас, на ОЗЦ, казалось бы, дрыхни да смотри себе майские сладкие сны, ан нет, не спится... Переутомление тому виной (да ведь не впервой!), непривычная обстановка (может быть...), или, скорее, просто месяц май?

Моя постель возле окна. В балке прохладно. Но байковое одеяло, та его часть, на которой пляшут сполохи, теплая. Делюсь открытием с Толиком.

— Инфракрасное излучение. Тепловая радиация, — сухо демонстрирует он свою ученость. После небольшой паузы, но уже другим голосом — в тембре появились теплые гобойные тона — говорит:

— Я родом из Кизела... В нашем доме было печное отопление. И вот когда, случалось, по вечерам отключали электричество, мы открывали печную дверцу, и по кухне так же вот начинали метаться блики... Дрова догорали, головешки начинали рдеть, покрываться сиреневым пеплом, сквозь который прорывались и начинали порхать синенькие огоньки...

Дед Толика, Иван Сергеевич Анкудинов, родился в селе Красная Горка в 1898 году. Став взрослым, отправился с семьей в город Кизел на заработки. Было это в разгар НЭПа. В Кизеле Иван Сергеевич вписался в дружные ряды пролетариата: выучился на железнодорожника, поезда водил и дороги строил. Довелось ему строить самую южную железнодорожную ветку — на Кушку, здесь за ударный труд был награжден орденом. Неудачно сложилась судьба его брата, оставшегося на Красной Горке. Тот тоже ударно трудился на доставшейся ему земле, но в награду за это был раскулачен и сослан на поселение в Мордовию. Иван Сергеевич меж тем освоил паровозное дело: прошел через все ступеньки иерархические, существовавшие в паровозной бригаде, вплоть до машиниста. Профессия машиниста в те времена была весьма престижна и хорошо оплачивалась. Крепок дед был, прожил почти восемьдесят лет, работал до глубокой старости. Толик помнит(значит, деду тогда было не меньше шестидесяти!), что он всегда из рейсов привозил какие-нибудь подарки внукам, а, угощая, приговаривал: «У-у, червонцы! — червонцами почему-то звал их. — Нате-ко вот гостинцы, побалуйте охотку свою».

Предок по матери — Михаил Иванович Ломов. Георгиевский кавалер. На германской войне потерял ногу. Работал потом по почтовому ведомству. Перед Отечественной войной заведовал почтовым отделением в городе Медынь Калужской области. В семье весело, как анекдот, рассказывали про случай, произошедший с ним. А дело было так. Известие, что немцы вот-вот займут Медынь, застало Михаила Ивановича врасплох: у него на руках находились казенные деньги. Что делать?

Взять сидор с деньгами с собой в эвакуацию или куда-нибудь спрятать? И он в суматохе не придумал ничего лучшего, чем повесить котомку в сених на крюк и прикрыть ее оцинкованным банным тазиком... После этого сел к жене в телегу и стороной выбрался из оккупированной уже Медыни. У «своих» он отделался испугом: за утрату казенных денег его только выгнали из партии, но не посадили. Что примечательно: в освобождении Медыни участвовала их дочь и будущий зять, и они рассказывали позднее, что на месте города по существу были головешки. Бабка сильно ругала деда за несообразительность: хоть бы, мол, в самовар или чугунок положил деньги да зарыл в огороде, а то и не попользовался и сам пострадал. Жили они потом в селе Сосновый Солонец под Жигулевском, там и почили.

В Кизеле городская газета называлась «Уральская кочегарка». Название газеты очень соответствовало облику города: здесь никогда не было белого снега! Только серый, а по весне — почти черный. По этой причине белье на улице не сушили. И тем не менее кизелчане любили свой город, многие жили в нем поколениями. Вот и родители Толика прожили в Кизеле почти всю свою жизнь.

Отец Толика, Николай Иванович, родился в 23-м году в селе Красная Горка, мальцом был привезен в Кизел. До войны успел окончить девять классов, потом был направлен в Тюмень на курсы радистов. После курсов воевал под Москвой, с 43-го года — на Втором Белорусском в стрелковой дивизии, которой командовал Афанасий Павлович Белобородов. Николай Иванович был ранен в ногу, ранение было тяжелое, ногу пытались ампутировать, но он не дал и закончил войну на своих двоих в немецком городе Нойштетене.

Мать, Вера Михайловна Ломова, родилась в Медыни. Перед самой войной после восьми классов она окончила курсы радиотелеграфистов и была военнообязанной. Поэтому на фронте она оказалась с первых дней войны и до самого окончания ее служила частях радиоаэродромного обслуживания, не раз попадала под бомбежки и артобстрелы. После войны некоторое время служила в Германии. Там познакомилась с Николаем Ивановичем Анкудиновым, в 46-м году они поженились, а на следующий год демобилизовались и вернулись из Германии в Кизел. В 48-м году у них родился сын Виктор, а 17 апреля 55-го года близне-

цы Анатолий и Юрий (Толик старший, Юра моложе его на семь минут!).

Отец и мать почти одного — среднего — роста, но отец был тяжел, осадист, у матери была шикарная коса, украшавшая ее и в старости. В мирное время отец работал на железнодорожной станции старшим механиком по сигнализации, мать — в отделе кадров железнодорожной воинской части.

Жили Анкудиновы в восьмиквартирном доме, каменном, капитальном, построенном пленными немцами, в двухкомнатной квартире. Дом без удобств, без водопровода, с печным отоплением. Летом была постоянная повинность: заготовка дров, угля. Дело взрослых — привезти топливо, детская «радость» — распилить, расколоть дрова, сложить их в поленницу, уголь расфасовать и заскладировать. Натаскать воды, дров, выгрести из печки и вынести золу, сложить дрова в печь, приготовить растопку — все это лежало на близнецах.

Анкудиновы, как большинство простых советских людей, работали с одним и с двумя выходными, по графику и неурочно, ходили на собрания и демонстрации, забивали «козла» во дворе, по-соседски и по-родственному справляли праздники, именины и гуляли свадьбы, собирались чаще всего у них в двухкомнатной квартире.

Николай Иванович не чужд был изобретательства (Толик помнит, что отец переделал титан для топки его кусочками авто-резины — эти резиновые ломтики дети прозвали «шоколадками»: наруби «шоколадок», принеси «шоколадок» — было им понятно). Кроме того, он был радистом 1-го класса, имел радиостанцию, занимался радиоспортом. Пытался организовать подобие радиокружка: учил ребят азбуке Морзе, работе на ключе. К его огорчению, дети не проявляли к его хобби сильного влечения.

Своих сыновей он воспитывал жестко, при разборе бедокуров дело доходило иной раз до ремня, так что матери приходилось вмешиваться. Но по большому счету отец был отходчив и добр.

Как-то в начальных классах Толик увидел, как сосед палкой лупит щенка. Он возмутился и обозвал соседа нехорошим словом. Сосед оставил щенка и занялся защитником. Лупил, лупил да и швырнул Толика на землю, а земля была уже мерзлой, кочкастой, в результате — перелом левой ноги. Отец как узнал, вскипел:

схватился за трофейный, с фронта, кинжал... Но все, к счастью, обошлось. После этого отец, чтобы сын не отстал в учебе, чтобы учился вместе с братом и дальше в одном классе, в распутицу на руках носил сына в школу, потом на санках возил. А с соседом (случайность или расплата?) вот что произошло: попал он в завал, придавило его и отняли ему левую ногу...

Близнецы учились вместе до десятого класса, похожи были где-то до четвертого-пятого класса, а дальше стали различаться и лицом, и комплекцией. В десятом Толик был на 10 см выше и на 20 кг тяжелее Юры. Позже Толик на студенческих харчах попридержался, а Юра на армейской овсянке прибавил: возмужал и поздоровел.

Толик окончил в 78-м году Пермский политех, производственные практики проходил на северах, поэтому по распределению поехал в Мегион с удовольствием. Работал технологом, старшим технологом в М Н РЭ, после чего был назначен главным технологом соседней Восточно-Мегионской экспедиции.

На 107-бис мы с Анатолием Николаевичем Анкудиновым встретились еще раз — на вскрытии сеномана в районе аварийного ствола, после установки на технической колонне противовыбросового оборудования и производства подготовительных работ к глушению фонтана. Не без опасных осложнений в июне мы приступили к задавке фонтана. К 15 июня закачали в пласт около пяти тысяч кубометров раствора и воды. И в этот день закачку продолжали с прежней интенсивностью. Вдруг с фонтаном что-то произошло: пламя стало оседать, размеры куполов становились все меньше и меньше... В центре кратера зародилась воронка и стала стремительно набирать обороты, сопровождая коловращение страшным засасывающим ревом воздуха. Уровень пульпы в кратере стал быстро снижаться. Потом раздались звуки грандиозной «отрыжки», и пульпа пошла назад. «Неужели не «пошло» и начнет работать снова? — с зеленой тоской подумал я. — Ведь такой подарочек ко дню моего рождения!» К счастью, все обошлось: подземный джинн залпом хватанул сногсшибательную дозу «жженки» и что-то невнятно забормотал, засыпая и успокаиваясь, пуская пузыри...

Мы пошли в гостевой балок и выпили присланную мне женой ко дню рождения бутылку шампанского...

Позже встречались мы с Анатолием Николаевичем на 90-й параметрической (по сию пору самой глубокой в Среднем При-

обье) и других скважинах при проведении ответственных технологических операций, ликвидации аварий и геологических осложнений. Во время перерывов говорили «за жизнь» При кратких встречах пикировались незлобно по производственным вопросам, по житейским.

— Все холостякуешь? — спрашивал я риторически.

— Гусарим помаленечку, — отвечал он неизменно. — Какие наши годы?

И вдруг в один прекрасный момент (Анатолий Николаевич был тогда главным инженером Вахской экспедиции) узнаю: Толик женился!

— И кто же сумел его обратять? — спрашиваю Витю, земляка и друга бывшего стойкого холостяка.

— Некая Ольга... Да вы, может, и знаете ее — она при вас там работала в каротажке.

Оля... Хрупкая миниатюрная девушка с прозрачными правдивыми глазами, с тихим мелодичным — иволговым! — голоском... Она работала тогда вместе с моей женой и приходила иногда к нам в гости.

Молодец: укротительница!

Поженились Оля с Толей в 86-м году. На следующий год родилась у них дочка Вера, а через два года сынок Стае...

У беззащитной женственной Оли оказался твердый характер Ольги: стойкого, принципиального человека со своим устоявшимся взглядом на жизнь кремневой поборницы справедливости. Сейчас она депутат городской Думы Мегиона, редактор независимой газеты «Мегион-пресс». Анатолий Николаевич после женитьбы вернулся в Мегтон, работал у нефтяников, теперь он — начальник БПО «Аганнефть».

И что интересно, женился Толик по-гусарски, распечатав четвертый десяток. А сейчас (мы встретились в начале сентября), на тринадцатом году семейной жизни, как бы подводя итог разговоров наших и философствований, замечает несуетно, со значением: «...И все же главное в жизни — семья! Приехал я вот сейчас после отлучки — жена встречает, дети ластятся, жмутся к тебе, спрашивают о чем-то — просто так, не дожидаясь ответа, и неважно какой ты — небритый, тряской разбитый, бензином-соляркой пропахший или духами, главное — что ты дома, с ними. Что ты им — родной! И сам чувствуешь: нет никого на свете для тебя родней, дороже, ближе, чем они — твоя семья».

ПО РОЖДЕНИЮ — «РЫНОЧНИК», ПО ЖИЗНИ — РАБОТЯГА

На первом этаже в нашем подъезде живут в двухкомнатной квартире Елена Даниловна и Леонид Алексеевич Манаковы. Оба под стать друг другу: невысокие, аккуратные, сноровистые. Она — темноглаза, смуглява, пышноволоса, по-учительски строга на вид. Он — коренаст, голубоглаз, лицо обветрено, в крупных мужественных складках, голос басовит, руки виты жилами, крабисты. Хоть ростом и не вышел, но не мужичок — мужчина!

Первый этаж — и хорошо, и плохо. Тут и дети гуртуются, шумят; любители выпить заглянут — в крайнем подъезде баллончик пивца высосать, бутылочку винца «раздавить». Почтальоны крышками ящиков гремят, потом — жильцы. Собаки, кошки отираются. Двери бухают. Но хуже всего, когда двери эти рассыпаются, срываются с петель... Освещение опять же — не последняя проблема...

Пока мы, жильцы верхних этажей, дозваниваемся до соответствующих городских служб, глядишь, Леонид Алексеевич уже ремонтирует скамейку, выключатель, патрон или дверь, бухтя вполголоса: «...мешало кому-то, мешало... руки-ноги чешутся... да и двери: руки повыдергивать бы тем, кто их делал и ставил! Ну что за навесы, что за косяки!»

Вот и в эту осень долго наш подъезд простуженно хватал морозный стылый воздух... На такой случай Леонид Алексеевич утеплился: сделал тамбур у своего входа. И снова не выдержал: установил в подъезде где-то добытые, непрезентабельные, но двери! «Оно ведь, когда дом без запору, расхлебянен, без двери, и свинья в него, как говорится, любая забредет и насвинячит».

— Хоть и надоело — дак что делать? Ждать, пока отремонтируют? Э-э, скорей рак свистнет да рыба запоет! Где наше не пропадало... — Леонид Алексеевич вдруг улыбается, пряча заискрившиеся лукавинками небольшие глаза под кустистыми бровями.

— Я ведь по рождению — «рыночник»! А на рынке — как? С походом дают! Не как в магазине — тика в тика, а с добавкой от широты души. Вот и я так живу: с походом! И не просят, а я делаю.

И уже серьезно, с неизбывной грустью, пояснил:

— С годом рождения у меня более-менее ясно: 28-й. С именем и фамилией — тоже. А вот с отчеством и местом рождения — темный лес! Старший братишка, когда нас в детприемнике оформляли, видно, не все обсказал. А может, и сам не знал. Поэтому когда спрашивают, где родился, отвечаю: на Рубцовском базаре! Вот и получается — «рыночник» я, мое время настало. Да, вишь, орехи-то принесли, когда зубов не стало...

XV съезд ВКП(б) в 1927 году поставил центральной задачей партии в деревне коллективизацию. И начала партия, как медведь-костоправ, ломать народу хребет, заправлять его в прокрустово ложе «светлого будущего». В результате сотни тысяч тружеников перешли в разряд спецпереселенцев. И страна, в недавнем «проклятом прошлом» кормившая мир хлебом, погрузилась в пучину голода. После «великого перелома» голод царил даже в бывших российских житницах. И ведь чудо: люди терпели, не теряли человеческого лица. Но не все выносили жестокие муки и ломались. Не выдержала и мать Леонида.

Было это в 1933 году. В городе Рубцовске на Алтае. Оставила она троих своих детей на базаре. Леню, самого маленького, на прилавок посадила. «Погодите, детки, чуток, счас приду...» — и пошла было с базара. Но вернулась, взяла дочь Нюрку и ушла. Навсегда. Пожалела дочку, с собой взяла, а мальчишки — им все же легче: как-нибудь и выживут.

Можно осудить мать Леонида, но и понять можно: не от хорошей жизни решила она на это! И кто знает, какие муки она испытала после этого, что за терзания когтили ее материнское сердце, обливающееся кровью в минуты раскаянья, и поэтому — не осудим ее, а простим милосердно.

Старший брат Петя рассказывал что почем, младший милиции ничем не мог помочь: горько всхлипывал да тер глаза, даже есть не просил. Отправили их из Рубцовска в Новосибирский детприемник. Там Леня заболел, и братьев разлучили, как оказалось, тоже навсегда. Оставалась у него фотокарточка старшего брата, но и ее — последнюю живую память о семье — позже уничтожил зловредный человек. И оказался мальчик круглым сиротой в шумном и, казалось, враждебном мире.

Но, как говорить, мир не без добрых людей. После выздоровления направили Леонида из Новосибирского детприемника в Томский детдом. Он до сих пор помнит его адрес: Томск, улица Розы Люксембург, 16. Располагался детдом в большом

трехэтажном здании, был неплохо оборудован, имелись учебные классы и производственные мастерские.

Не сразу принял он детдомовские порядки, сбегал, было дело. Но время, если и не лечит, то хотя бы притупляет горечь утраты, и Леня стал со временем учиться, выполнять положенные работы по детдому, постигать кое-какие производственные премудрости.

Но пришла беда — отворяй ворота: началась война. Помещение детдома оборудовали под госпиталь, а детдомовцев в район перевезли. Подростков пристраивали куда можно. Это уже 42-й год, Леониду исполнилось четырнадцать лет. Направили его воспитанником в Купинскую МТС.

Директором МТС был Петухов Диомид Аксенович, двадцатипятилетний. И хоть у самого директора было 11 ребятишек мал мала меньше, взял он к себе присланного воспитанника. Потом Леонид перешел к замполиту Стеценко: у него была одна дочка. Делов бывшему детдомовцу хватало и в МТС, и по хозяйству: работать ему нравилось (забывались все горести), ни от каких поручений наставников он не отказывался. Но когда Стеценко ушел добровольцем на фронт, супруга его выставила Леню за порог.

От МТС направили Леонида Манакова (по отчеству сначала Петровича, позднее Алексеевича) на курсы в Чистоозерное училище механизации учиться на комбайнера. Из-за малого роста посчитали, что для комбайнера он не гош, а вот для кузнеца — в самый раз!

Комбайнером все же довелось ему поработать, но не в поле, а на току, зимой. В то время хлеба убирали в основном жатками да вручную серпами, укладывали в скирды, а уж зимой молотили теми же комбайнами. «Стартером» для запуска двигателей служили вожжи: наматывали их на маховик и дергали. Подавальщики иной раз вместе со снопом кидали в прием мышиные гнезда, а то и вилы спускали, что натуральным вредительством пахло: комбайн выходил из строя.

Когда после курсов Леонид стал работать ковалем, в подручных (молотобойцем) у него оказался бывший офицер Иван Федорович Райденко. История этого человека очень своеобразна и в то же время типична для сталинской даже послевоенной поры.

В одном из новосибирских госпиталей Райденко находился на излечении после ранения. Госпитальные будни раненых скрашива-

ли веселые анекдоты. И видимо, не только про евреев. Кто-то из двенадцати обитателей палаты, в которой лежал Райденко, оказался стукачом и выздоравливающий офицер загремел по 58-й статье. И... оказался молотобойцем у новоиспеченного кузнеца.

Бывший офицер принял участие в судьбе своего шефа: пообещал ему разыскать его брата или мать с сестрой. Он длительное время обращался в различные инстанции с запросами и просьбами. О своем обещании не забыл даже по истечении срока наказания и возвращения в родную Керчь — уже оттуда он прислал вырезку из газеты с фотографией Героя Советского Союза Манакова Петра Алексеевича. К сожалению, на этом поиски и закончились...

А тут и в армию подошла пора. Попал Леонид Манаков в артиллерию, служил в Ворошилов—Уссурийске, в бухте Находка. Демобилизовавшись, устроился в родное училище инструктором (оно находилось чуть в стороне от Чистоозерного, район центра).

В 52-м году Леонид Алексеевич Манаков и Елена Даниловна Чередникова поженились. Елена Даниловна была из большой семьи (восемь сестер), и у одинокого как перст Леонида Алексеевича сразу оказалось много дружной родни.

Будущая жена до замужества успела окончить Татарское педучилище и работала в поселке Юдино. В 1953 году у молодых супругов родилась первая дочь.

В это же время Леонид Алексеевич стал работать в Татарской нефтеразведке Новосибирского геологуправления. А в 1957 году перебрались Манаковы на Алтай в село Михайловку и осели там на семнадцать лет, работали по специальности (у главы семьи, к слову, было их уже несколько!). В Михайловке родилась у них вторая дочь и сын. А в 1974 году, с подачи свояченицы, перебрались в Мегион.

Леонид Алексеевич Манаков устроился в Ватинскую АТК и проработал до выхода на пенсию на одном месте 24 года.

Елена Даниловна вела в течение двадцати лет начальные классы. И сейчас у нее часто происходят неожиданные и теплые встречи с взрослыми бывшими учениками.

Сейчас Манаковы на пенсии. Но все в заботах: дочери помочь надо, сыну, внук, сын старшей дочери, с ними живет — и ему надо внимание уделить (старшая дочь после музыкального училища так и осталась в далеком Улан-Удэ).

Через три года у Манаковых золотая свадьба. «Дружно жили, дружно... Полюбовно! Когда муж с женой бранятся, тогда ведь и горшок не варится. А у нас на счет этого всегда порядок был», — это, конечно, Леонид Алексеевич.

Который год ходят по подъездам переселенцы. Всякий народ среди них встречается, но большинство-то не от хорошей жизни стучатся в двери, звонят... Кому-кому, а Леониду Алексеевичу ли не понять их!

Вздыхает Леонид Алексеевич:

— Эх, так-перетак! Один дурак так завяжет, что потом и десяток умных не распутает! Порвали вожжи, а теперь за хвост управляют. Сами-то едят да мажут, только нам не кажут. Нет, попить да поесть думали, а и плясать кой-кого заставят... И нашим, и вашим не получится: к одному берегу прибиваться надо.

... Заходил днем к Манаковым — показать, что написал, но их дома не было. «Она к дочери ходила, а я к своим — в гараж. Не сидится дома», — пояснил хозяин дома вечером. После этого я счел нужным закончить очерк стихотворением «Опора державы», хотя и написанным несколько лет назад, но, мне кажется, вполне относящимся к моему герою:

На таких мужиках:
простоватых,
Некрасивых, чумных,
рябоватых...
Чуть поддатых, заросших,
кудлатых...
В кирзачах, телогрейках,
бушлатах...
На угрюмых, сноровистых,
хватких,
На любителей правды
несладкой...
Молчаливых, пытливых,
смешливых,
Совестливых до рези в глазах,
На святых! —
Еще держатся нивы
И заводы в больших городах!

ТРАДИЦИЮ НЕ НАРУШАЙ

Последние лет двенадцать для меня существовал, по сути, один праздник, который я неукоснительно отмечал, это — День Победы. В Новый год, в свой день рождения, даже 8 марта, не говоря о других я, не без сожаления, конечно, улетал вертолетом, выезжал в метельную ночь на вездеходе, в ненастную мглу на катере — если этого требовала моя работа. И все в моей экспедиции привыкли к этому. Но знали также, что 9 мая вечером я должен быть дома: в минуту молчания, с полной рюмкой водки, должен смотреть на метущиеся языки огня у могилы Неизвестного солдата и вспоминать отца, погибшего в сорок третьем под Великими Луками у деревни Ивановки... Так было и позже, в объединении. Но легко соблюдать традиции — когда сам себе голова!

А в 84-м — високосном — году все пошло у меня наперекосяк. Началось с того, что моего шефа в качестве козла отпущения, «заклали»: перевели начальником захудалой экспедиции. В знак солидарности, не без колебаний, ушел и я; отказавшись от заманчивого предложения из Красноярского объединения, пошел к шефу главным технологом. То есть, как говорили, добровольно «сошел с седла» или «выпал из обоймы». Непосредственным начальником оказался у меня малоопытный, недалекий, но себе на уме, удивительно везучий ширококостный парень с глубоко посаженными глазами, благодаря везучести уже года два успешно балансировал он на шаткой должности главного инженера. За несколько месяцев до моего перехода под «его руку» — естественно, я близко не предполагал, что это может случиться, — когда он должен был с треском лишиться должности, я спустил дело на тормозах, предоставляя ему еще один шанс. Получилось, то я его выручил, а он меня выучил! И пришлось мне месяца три практически не вылезать с буровых: с колонны на колонну, с цементажа на цементаж, с осложнения на аварию! Мало того, еще и на забурки «нулевок»!

Я в то время разработал несколько рецептов тампонажных растворов и вариантов технологий (одна из них позднее была признана изобретением) и с энтузиазмом натаскивал технологов, буровых мастеров, геологов, тампонажников (тампонажники, в отметку, называли меня шаманом!)... Несколько раз, в качестве наблюдателей, при цементировании колонн были и главный ин-

женер, и главный геолог. Последние заливки мои технологии делали самостоятельно в моем присутствии. И тем не менее, для гарантии, вертолет перебрасывал меня с точки на точку. И не рад хрен терке да по ней боками пляшет! Так и я. Люди на первомайскую демонстрацию — я на вертолетку. Прилетел седьмого мая. С настроением — встретить девятое мая традиционно: уловить в огненном мерцании хранящийся в памяти с детских лет расплывчатый облик отца, — не такой, как на сохранившихся фотокарточках тот, каким он виделся мне в последний раз, когда приезжал он к нам на побывку во время переброски сибиряков с Дальнего Востока на фронт. Что праздную День Победы — накануне поставил в известность, для порядка, главного инженера: тот выслушал и ни бе, ни ме не сказал. А утром звонит с рации начальник смены и сообщает, что... вертолет ждет, главный инженер передал, мол, чтобы вы летели обязательно... Я отказался. «У меня сегодня праздник.! Главный инженер в курсе! Конец связи!» И никакого угрызения совести! Смотрю телевизор. Готовлю мясо для гриля...

И тут звонит шеф...

С просительной, извинительной, убедительной интонацией: «Ну, надо, Николаич!.. Надо! Съезди ты с этими ... последний раз, поучи их еще. Недобор плана с начала года мы перекрыли. Никак нельзя допустить нам сейчас допустить сбоя! Никак!»

И я нарушил традицию. А в ноль три двадцать десятого мая попался за это: в заключительный, самый ответственный момент продавки цемента, перед так называемым моментом «СТОП», спасая положение, я получил травму правой ноги — ушиб ступни и открытый перелом... Но в момент травмы я этого не знал: ступне было горячо и сыро, а на болотнике — хоть бы царапинка!

Я дал необходимые «ЦУ» по заключительным работам и пошел через дизельную в культбудку — посмотреть, что случилось с ногой. Боль была вполне терпимая, только кровь в резиновом болотнике сорок шестого размера неприятно хлюпала и как-то убойно, перебивая запах солярки, тошнотворно пахла. А, может, мне казалось.

В балке я приготовил все, что мне могло понадобиться для перебазки, включая кусок фанерки для лангеты, и только после этого осторожно стал стягивать сапог... Освободившись от сапога, положил ногу на крашеный светло-голубой нитрозмалю та-

бурет, стал снимать носок... Ступня удлинилась на пару сантиметров: пришлось выравнивать. Хорошо, что в аптечке было пару флакончиков фуруропласта, — использовал их полностью. На фанерку положил вату, прибинтовал ее к подошве и похвалил себя: первую помощь оказал успешно! Прибинтовал тапок и вылил из сапога кровь — стакана два, не менее. От хождения повязка набухла кровью да и больно было! В горизонтальном положении было терпимее.

Вывезли меня только в конце следующего дня: дело-то было сделано!

Чтобы не портить показатели на премию, акт о несчастном случае не стали оформлять: у меня был отпуск за два года, и я уехал в Тюмень. Перед отъездом мне обещали, что как только мне разрешат на «юга», так сразу — путевку на грязи предоставят. И т.д. И т.п.

Месяц я ходил в ведомственную, отделанную мрамором и прочим кавказским камнем, поликлинику, а рана так и не затягивалась — сочилась ярко алой кровью... А когда в главке нашлась подходящая путевка, профбосьяк из объединения не дал доверенности на ее получение: ты не у нас сейчас работаешь. Доводы: что — экспедиция подразделение объединения, что — отпуск у меня за два года, в том числе — за предыдущий год работы в объединении, — не подействовали. Послал я его подальше и уехал дикарем в Евпаторию, на дикие майнакские грязи, которые, я знал, немцы во время войны развозили по всем европейским госпиталям — для лечения открытых ран.

И чудо: после трех дней купания в рапе и хождения по тонеющей мягкой подстилке озера Майнаки рана затянулась нежно розовой младенческой кожей, и вскоре я смог носить обувь как положено. Правда, на правую ногу потребовалась обувка на размер больше.

Хотел я отпраздновать это дело, а заодно и отца помянуть, но не смог — была в самом яростном начале антиалкогольная компания.

Была нарушена еще одна традиция... И пострадали все.

КАЗАК ПАЦЮК

На «Дне мастера» обсуждались результаты комплексной проверки состояния техники безопасности и охраны труда в экспедиции.

Представитель горнотехнической инспекции, он же председатель комиссии, долго и нудно перечислял нарушения, классифицировал их. Многие отступления от правил повторялись из года в год — были постоянно действующими. «Признать их «де юре» и с концом» — буркнул кто-то. Но его реплику проигнорировали.

Вел совещание главный инженер. Несколько раз он предложил «нарушителям» выступить добровольно. Для разгона выступил с косноязычным дежурным «спичем» председатель профкома, кривоносый детина с черной челкой и сутулой спиной по прозвищу «Раферти». Но мастеров он не расшевелил. Выждав, досадливо откидывая густые мышиного цвета волосы, близоруко щуря и без того глубоко спрятанные глаза, «главный» стал поднимать, как школьников, руководителей служб и мастеров. Наводящими вопросами он пытался направить мысль ответчика на покаяние. Но большинство не шли на закляние и валили все на контору: «я просил», «сообщал...», «писал...», «ноль внимания»...

Когда очередь подошла до Любомира Пацюка, он степенно поднялся, потрогал жиденькие усы, словно желая убедиться — на месте ли они? — и, напрягаясь до красноты, тужа яремные жилы, начал издавать сиплые, скрипучие, нечленораздельные звуки...

— Что с вами? — тоже вдруг осипшим голосом спросил главный инженер, подозрительно уставясь на кряжистого бурового мастера.

— О... о... и...а... — тужился то что-то сказать.

«Главный» не любил Пацюка и досадливо поморщился: ускользнула возможность, как говорили «помотать кишки» ответчику. Начав разнос и не получая сопротивления, он быстро свернулся и поднял другого.

Тот признал свои ошибки, упущения, покаялся сказал, что осознали... начали исправляться... актив бригады... профгруппа... все меры...

«Главный» и «Раферти» слушали и одобрительно кивали.

Совещание покатилося по наторенной тропе, взяв «разгон»...

Наконец, повестку дня исчерпали, приняли решение. Сопревшие, сонные от недостатка кислорода, люди начали приходить в себя, загалдели.

И вдруг, перекрывая гвалт, раздался зычный, тарасобульбовский клич:

— Мастера-а! Сбрасываемся по червонцу на «пузырь»!

— Да не базлай ты — услышат!

— А чого? Голос прорезался, обмыть трэба! — не смутился Пацюк.

— Та «Раферти» ж услышит...

— Тю! Нехай! Вин же один бис унюхае, случайно приде в общагу: «Ой, хлопцы, как же, соцобязательства уточнить трэба... Ни-ни-ни! Ну ладно, самую малость — за «кумпанию»! А сей раз — мероприятия по «тэбэ» согласовать!

«Вечер мастера», всегда импровизированный, тем не менее, проходил традиционно. После первой — общее оживление, разговор о том, о сем. После второй-третьей — о веселом и приятном... Затем — о политике и реформах. В конце застолья и до третьих петухов, наперебой, не остановишь — по работе... И если «Дни мастера» приносили какую-то пользу, то благодаря вечерам.

«Раффети», как и предсказывал Пацюк, явился вовремя, едва начали разлив «водяры» по разнокалиберной посуде. Наливали ему по полной, и ушел он «на бровях» в самый разгар политической дискуссии.

— Что делать? — Пацюк многозначительно почмокал губами.

— Нужный человек! Значит, «уважаемый»! — сказал с горькой иронией мастер.

На официальных сборищах, в будничной официальной жизни Любомиру Пацюку доставалось чаще и хлеще всех. Но на таких встречах, вроде этого вечера, его уважали, здесь он верховодил беспрекословно. Ему прощали и подначки, и явное хвастовство — а «повыступить» его сотоварищи и сами любили! А уважали его за то, что он один мог «упереться рогом в землю» и не забуривать неготовую буровую «нулевку», несмотря на давление и угрозы начальства. У них на этот счет кишка тонка, цыкнут, скажут: «Оборудование крутится? Материалы есть? Забуривай! А нет — других найдем!» И они, как миленькие, матерясь «в тряпочку», проклиная судьбу, закручивают «нулевку». Потом на-

чинаются поломки, простои, осложнения... Бригада ворчит, начальство обвиняет в нарушении технологии. Как на наковальне! А Пацюк — «Любочка», как зовут его друзья, — нет: со скандалом, но доводит дело до конца. Они покладистые, с ними работать управленцам легко: передадут сводку, заказы, робко напомним о неувязках. А вот стоит в динамике раздаться раскатистому баритону «Добра ранку, уважаемые!..» — на лицах диспетчеров появляются кислые мины:

«Пацюк залетел! Начнется, все не так!» И точно: заказы, заявки — на полстраницы... Параметры раствора сразу ухудшились: химреагенты, лаборантку, технолога... И оборудование забарахлило: механика, сварщика, киповца... «Главный» глянет на сводки, начальнику смены недовольно говорит: «Он же все со слов своих работяг передает! Скажи, пусть оденется и сам по буровой пройдет! Из балка ж не вылезит! Прилечу, усатой мордой натычу!.. Так и передай!»

У всего руководства экспедиции сложилось мнение, что Пацюк редко бывает на буровой, как ни прилетят — он в чистеньком! За письменным столом с бумагами или хуже того — читает, пасьянс раскладывает, а то и с подчиненными в нарды режется!

Другие из болотников не вылазят, замазученной спецуры сутками не снимают, так, не раздеваясь, кемарнули на рундуке в «культ будке» и опять «пинают» своих нерадивых работяг. Сдерживать даже людей приходится: заставляйте своих «спецов» работать, бумагами занимайтесь.

В бумагах, конечно, Пацюк дока, все признают: и отдел труда, и ПТО, и техника безопасности, и бухгалтерия. Ни одна копейка, заработанная бригадой, не заваливается в бюрократических отстойниках. Буровики из других бригад завидуют пацюковским: «Вы, мол, — шутят, — даже за сиденье над «очком» получаете «ускорение»!

Зря, конечно, на Пацюка «бочку катят», что не ходит, мол, он на буровую. Ходить он ходит а над душой не висит, за такелажника или тракториста не «робит». Три-четыре раза в сутки обойдет свое хозяйство, выдаст бурильщикам задание, проверит выполнение. И не дай Бог, кому опростоволоситься!

— Ты, шо, дядько, в такую тебя растакую, по жинке заскучал? — принародно, шутливо—угрожающе загромыхает племяш-мастер. — Такэ желание маешь? Откомандирую! Кум давно проситься на твое...

В летных бригадах сплошь семейственность. Бригада Пацюка не исключение. Оттянет по-родственному, и «дядько», «племяш» или «кум», отбрехиваясь, норовят поскорее слинять из мастерского балка...

Как бы Пацюка начальство не костерило, не ловило на промашках, прощаемых другим походя, наиболее глубокие и сложные скважины оставляло за его бригадой, так как понимало, что он мастер от Бога!

Быть мастером предназначено ему еще в ПТУ. На практике, с чьей-то подачи, они по очереди, балуясь, въезжали по нижнему козырьку на мостки буровой на мотоцикле. Въехал — будешь бурильщиком! Когда очередь дошла до него, «Любочки», он так газанул, что въехал не только на мостки, но и по крутому верхнему козырьку взмыл к самому ротору, перепугав работавших там буровиков. После шока, вызванного его броском, буровой мастер-наставник и предрек: «А этот казак мастером будет!» Так и случилось: после ПТУ до армии поработал «Любочка» бурильщиком, а отслужив, закончил нефтяной техникум и вот уже пятнадцать лет мастерит, почти все время вахтовиком... Налетался! Раз двести, не меньше Украина — Сибирь, Сибирь — Украина... Надо же, почти льготный отпуск провел в воздухе!..

«Газ до упора! Привстать в стременах... и летишь над Стрыем...»

— Казак Пацюк! Связь проспишь! — без четверти шесть будит его жизнерадостный, красноносый земляк.

Любомир нехотя открыл один глаз, второй, потянулся и тут же, скорее для себя, подал команду:

— Мастера-а, подъем! — вскинулся «швидко», дурашливо спросил: «А хто вчора пил горилку?.. Нихто? Тоди опохмелиться не дам!» — и засмеялся: — Вам нельзя, а мне можно, гирло трэба продэзэнфицировати!

Шумно сходили на связь, узнали, что делается на родных «номерах» и поехали на вертодром, чтобы разлететься до следующего через месяц «Дня» и «Вечера».

Буровая Пацюка — самая дальняя на север и самая глубокая в экспедиции «свердловина» — расположена на берегу озера. По озеру и площадь называется. Бурение идет с ускорением, близится к окончанию: долото скребет крепкие породы фундамента. Настроение в бригаде бодрое.

Кругом еще снега, осевшие, напитанные влагой, вытаяли болотные кочки, валежины. Темным кальмарьим оком притаились живуны.

Вокруг озера — чапыжник (чахлый соснячок), а за приболотьем — голубоватые, причудливым узором, гривки.

Издали буровая — словно клякса на голубовато-лощеном листке вот-вот растечется. Это возле котельной скопилось целое озерко отходов талой воды, раствора, мазута, грязи.

Едва выпрыгнув из вертолета, Пацюк позвал пожилого бурильщика:

— Геть за мной! — и повел вдоль водяной линии к озеру: — Вы что, дядько! Желаете, чтоб мастер голой попой сверкал? Це озеро заповидно! Розумеешь? Инструмент из «свердловины» на «вира» и зробить перемышку: цемент старый, доски, глинку... Действуйте, дядько!

По рации передал: «Простой. Ожидание бульдозера». Начальник смены схватился за голову: «Когда он уедет! Ой! Да он же этот месяц без сменщика!» Пересилил себя, стал объяснять строптивому мастеру ситуацию:

— Никак не можно, Любомир Тимофеич! Зимник закрыт уже. Да, неделю назад. Подумаешь, пленка! Не первый же раз на озере бурим, пленку прибьет к берегу, торф впитает и все будет тип-топ! Не боись! Зарастет!..

— Сменщика убедил бы, а на Пацюка такие доводы не действуют:

— Уважаемый! Вы гляньте в журнал, когда я начал речь об обваловке?.. При пуске буровой осенью! Регулярно, каждый заезд толдычу: бульдозер! Так что «как»? Ваши проблемы! Авиацией! Но не за счет моей сметы!

Утром главный инженер с ним говорил.

— Прилечу, посмотрю, как простаиваете! — пригрозил: — За дезинформацию накажу!

Пацюка — на испуг! За ночь отбурились, сделали подъем, а к прилету МИ-2 заглушили дизеля и занялись хозработами. В самый последний момент заглушили электростанцию, меняли фильтры. И «главного» встретила абсолютная тишина...

Спрятав глаза, играя бровями и желваками, «главный» обошел буровую, злополучное «озерко» и, круто повернувшись, пошел в культбудку. Там, не раздеваясь, потребовал журнал по технике безопасности и крупно, вкось, записал несколько нару-

шений, а под ними: «Углубление скважины прекратить до устранения нарушений».

Пацюк, прочитав предписание, попыхивая сигаретой, попросил:

— Вы дату и часы укажите, простой же в часах...

Тот поманипулировал штырьком часов, поставил требуемое и совсем доброжелательно улыбнулся:

— Ловко мы вас? Мимо комплексной проверки вы шмыгнули, но сейчас не отвертитесь! Приказик на вас «нарисуем»! Пацюк засопел, но возразил сдержанно:

— Нет, уважаемый! Не выйдет, вы сегодня «остановили», а я сводочку передал вчера, как прилетел...

«Главный» улыбнулся шире, блеснуло золото на клыке, и тоже тихо, с ударениями, как при диктанте, сказал:

— А вы уверены... что там... на рации... в журнале... это... записано?.. То-то!

Только улетел «главный», бригада занялась своей работой, за которую получала «гроши. Над озером прокатился рокот, отразился от дальних гривок и слился с основным звуковым прибоем, ходившим здесь уже полгода.

Пацюк, прихватив с собой электрика, распустив болотники, пошел по ближним гривкам, поискать котлованчик, у него возникла мысль вычерпать злосчастное озерцо.

В последние дни потеплело, снег стал рассыпчатым, совсем не держал. Тяжелый, коротконогий Пацюк то и дело «седлал» сугробы.

Вышли на зимник. По краям — корневища деревьев. На перевальчиках белел мелкий песочек. На гривах, в сосновом редколесье, было тихо и благостно. Снизу — прохлада и свежесть крупнозернистого, словно фирнового снега, сверху, с высокого купорос-но-синего неба солнечная благодать! Обнажили головы, расстегнули одежду на груди... Смолистый воздух, ласковое солнышко... Тишина! Буровая — не громче тетеревиного тока. А и хорошо же на белом свете!

Глянули вниз, что-то брунеет... Да это ж брусничка прошлолетняя! Сверху, как стеклышком, ледяной пластинкой прикрыта, а в луночке — листочки ярко-зеленые и гроздь ягод на стебельке. Ну-ка... Сладкая какая!

Забыли за чем пришли: прыскают ягодки в жменьку — не остановиться. А тут и поляночки стали попадаться вытаявшие.

Через полчаса, как медведи после спячки, отведав душу, опомнились. А опаматовшись, и котлованчик увидели: как ловко получилось! Не иначе Господь сподобил!

У «озерца» рукотворного поставили центробежку, закачивали «мазуту» в плоскую емкость из-под нефти и трактором увозили в «котлован» по несколько рейсов в день. Приспособились — нормально пошло, «озерцо» исчезло...

Солнечные лучи становились горячей, и снег гас на глазах, как мыльная пена. Забереги на озера становились шире. Озеро, казалось, заполнено всклень, того и гляди — выплеснется через край!

Однажды, рано утром, верховой рабочий заметил с вышки лебедей...

Все, включая одышливую повариху, взбирались на вышку и подолгу дивовались на редких птиц.

Лебедей было трое.

— А чо так? — гадали люди. — Подружку у одного убили, что ли?

— Гли-ка, гли-ка! Погнал! Погнал соперника... Надо же!

— У них, грят, если пару разбили, вдовец вниз камнем бросается...

— Вдовец-то? Вряд! Вон, гли, к чужой клеится! Как у людей! Большую часть времени лебеди проводили на озере, кормиться летали на залитые водой болота. Иногда улетали за синеющие гривы. Дядьки тревожились:

— Не другое ли озеро ищут? Мешаем ведь мы... Но лебеди возвращались, делая, с высоты сужающиеся круги...

«Третий лишний», помыкавшись возле счастливой парочки, незаметно исчез, покончил, как гласит молва, с собой или нашел такую же вдовцу? Бог весты!

«Противостояние» с конторой шло безуспешно.

Скважину добурили до проекта. Пришлось Пацюку «раскалываться»: каротажников надо заказывать, куда денешься?

— Ну вот! Мы так и знали, что темнишь! — довольно хохотнул начальник ЦИТС. — Мы твой «простой» и не показывали! А как насчет экологии?

Пришлось и тут открыться: на гривку, мол, возим, в котлован... Похвалили:

— Вот видишь, выкрутился же! Хороший ты мужик, но вредный! Ведь допек. На завтра планировали тебе тяжелой авиацией

бульдозер бросать. Ладно! Бросим тогда каротажную технику...
Принимай завтра!

На следующий день до обеда кинули каротажную станцию, потом подъемник. Каротажный отряд пообещали в конце дня завезти.

Трактор, как повез с утра емкость с мазутой, так и не возвращался.

— От бисовы дети! Бруснику собирают, га? — мастер смотрит на электрика — «мальчика за все».

Тот делает вид, что «не розумиит», дорога уже совсем раскисла. По предболотью даже ему, длинноногому хлопцу, приходится кое-где шагать на ощупь. В этих местах у трактора гусьанки под водой скрываются.

Подтащить надо каротажную технику, расставить к прилету отряда.

— Племяш, га? — мастер бровки вскинул, усы моржовые потрогал, корпусом подался к хлопцу.

Тогда только электрик поднялся с рундука, понуро пошел из балка.

— Швидче, хлопчику! Швидче! — напутствовал его мастер.

Оказалось, трактор «захлебнулся»...

Двое суток потратили на его вызволение... Наконец приступили к каротажу... Другому бы мастеру задержка эта как с гуся вода, но не Пацюку...

На очередном «Дне мастера» главный инженер «отоспался» на Пацюке за срыв каротажу...

— Утопили трактор черт знает где от буровой! Охотились или за ягодами катались?.. Гостинцы готовили?.. Накажем, простой за ваш — лично! — счет, товарищ Пацюк.

Начальник ЦИТС поморщился, неудобно мужику стало:

— Вы же в курсе: канализационные стоки они возили в котлован... «Мазуту» возили, там, на гриве у них шламоборник... чтоб в озеро не попали стоки...

— Вот-вот! Пацюку плевать на интересы производства! Он медаль от общества «зеленых» зарабатывает! Забыл, где деньги получает? А «мазуту», как вы говорите, разводить не надо! Собирать надо! Бо-ор-цы! Один хрен, лебедей всех не убережешь...

— Эксплуатационники после нас все загадят все равно, — поддержал «главного» кто-то из приспешников. — Факела запалит... Аистов на «кустах» разведут...

«Главный» не стал в этот раз долбать остальных, быстренько закруглился. План хорошо шел, а когда план есть — сердце радуется!

Вышли в коридор, как обычно, загалдели... Через некоторое время мастера запереглядывались: чего-то не хватает как будто? Клича зычного: «Мастера-а!..» — поняли, не слышали. Кто-то крикнул, да не то!

— Где Пацюк?

— Любочка где? Ай и впрямь голос потерял?.. Увидели его хмурого, утешать стали:

— Казак Пацюк! Не журишь! На наш век лебедей хватит!...

— Та мы и сами — еще те лебеди!..

— Та суха будет твоя свердловина — за озеро не журишь! Проняла казака Пацюка ласка товарищей, и он протяжно, словно команду «По коням!», пропел:

— Мастера-а! По червонцу! Станцуем вечером «маленьких лебедей»! Га?

«Прокати-ка ты вышку на тракторе, по болоту ее прокати...»

«Эй, тебя к телефону!» В.Н. Козлов, главный технолог ОМНГГ. 1981 г.

«Мегионские посиделки». В Центральной библиотеке.

Поселок Корлики. Э. Бушмакин, В. Салмин. 1972 г.

Приятно вручать награды...

Э.Д. Бушмакин — второй слева — со товарищи.

*«Госгортехнадзор» —
он не для формы!*

Анфас и профиль

Каски нам не в диковинку.

«Генералы» тоже иногда «принимают».

Член ЦК компартии США Виктор Перло (в центре) в Сибири. 1977 г.

А.Н. Косыгин, Н.Н. Мальцев, Г.П. Богомяков на НВ ГПЗ. Март 1978 г.

*Торговый представитель Чехословакии
по-русски все отлично понимает.*

Голубые города.

Даже «болотники» на болотах тонут. ВНГРЭ, 1975 г.

Часть семьи Каталкиных, мегионских первопроходцев.

Встреча поколений.

*«Что день грядущий мне
готовит?..» В.Д. Орлов.*

*«Алюня» — Алеwtина
Тимофеевна Климова.*

«Как марсианские пустыни...»

Так в Ваховске провожают пароходы. 1980 г.

«Помазки» и дизелист Кандыбин (в центре).

Солярку бросили... (В-Каролька. 1987 г.)

В.Н. Козлов (справа) в гостях у В.М. и Н.В. Сабановых.

Панорама «базы» экспедиции.

Вот они — мы!

Ю.С. Ярошенко, первый мэр г. Мегион.

*«Нефть... А лимоны — вот они!»
С.Т. Коршиков, б. главный инженер СНГРЭ.*

*Фаат Закиевич Хафизов,
б. буровой мастер МНРЭ.*

*Алевтина Тимофеевна и Олег Николаевич Климовы.
(п. Сургут, 1964 г.)*

*«Целый день даже мороженое
кушать устанешь».
Е.И. Семенова после уроков.*

*«Фаридушечка» — Фарида
Салиховна Абдрахманова.*

«Итак... С кого начнем?..»

*Пока гнуса нет,
можно и попозировать.*

*В отпуске у собора
на Шипке. А.Т. и
О.П. Климовы. 1969 г.*

ЧЕРЕДОЙ ИСПЫТАНИЙ

I. ПРОЛОГ

Герой этого очерка Валерий Дмитриевич Орлов, директор коммунального хозяйства города Мегиона. Должность его, да с точки зрения эстета, явно не романтическая. Вспомните: даже строки образные поэта: «Я ассенизатор и водовоз, революцией мобилизованный и призванный...» вызывали у эстетствующих неприятие, а уж конкретика профессии тем более! Поэтому хотелось бы напомнить русскую народную пословицу: «не место красит человека, а место человек» и заметить, что от иного эстета, в переносном смысле разумеется, идет такой «цуфус» — хоть противогаз одевай! И тем не менее, отношение к коммунальщикам в обществе снисходительное, мягко говоря, вроде как к уборщицам, домработницам... Несмотря на то, что в этой системе работают такие люди, как герой этого очерка.

Итак, Валерий Дмитриевич Орлов.

Вот его краткая родословная.

Степан Михайлович Орлов, дед Валерия Дмитриевича, крестьянствовал в селе Липовка Орловской волости Царицынской губернии. Более дальние предки были, по всей видимости, одними из основателей Липовки: по сей день населяют ее в основном Орловы да Лобачевы.

Степан Михайлович и Евдокия Ефремовна Орловы вырастили троих сыновей: старший Дмитрий, 1905 года рождения — отец Валерия.

Второй дед — Алексей Митрофанович Ефремов, был лесничим, жил в станице Усть-Медведицкая (с 1933 года г.Серафимович) Волгоградской области. В 1908 году у лесничего родилась дочь Ольга, будущая мать Валерия. Всего у Ефремовых было два сына и четыре дочери.

Дедов своих Валерий Дмитриевич в живых, к сожалению не застал.

Родители Валерия Дмитриевича познакомились в Липовке: Ольга Алексеевна приезжала летом к родне, и поженились довольно рано. Дмитрий Степанович, уже будучи женатым, окончил Саратовский индустриальный техникум, стал экономистом. По распределению попал в Калмыкию, в Элисту, в Министерство легкой промышленности республики. Был принят в партию. Про-

ходил, как тогда было принято, военные сборы, а в 36-37 годах окончил краткосрочные командирские курсы погранвойск, служил в Закавказье. С 1939 года работал в обкоме партии. В начале войны был мобилизован и направлен в СМЕРШ: служил в полку дальней авиаразведки, базировавшемся под Москвой. Служба была связана с длительными командировками, но позволяла изредка наведываться к семье: этим побывкам и обязан Валерий Дмитриевич своим появлением на свет 22 октября 1944 года (старшие братья его родились в мирное время: один в 1931, другой — в 1936 году).

Во время войны Ольга Алексеевна со старшими сыновьями была в эвакуации. Условия жизни были сносными: голод не грозил.

Однако после разгрома немцев под Сталинградом сыновья стали проситься домой, и под их нажимом мать вынуждена была вернуться из эвакуации. Но, поскольку город был весь разрушен, обосновались они под Сталинградом в селе Верхне-Курмуяр, где Валерий Дмитриевич и имел счастье родиться...

После победы семья Орловых поселилась в Сталинграде: Дмитрия Степановича (он был в чине капитана) направили в систему управления лагерями военнопленных.

Военнопленные, как и советские зеки, занимались восстановлением разрушенных городов: разбирали завалы, расчищали улицы, ремонтировали частично уцелевшие здания, приспособляли их части — нижние этажи, подвалы, отдельные подъезды, под жилье или производственные помещения для общественных и административных нужд.

В Сталинграде лагеря военнопленных стояли друг на друга.

Последние военнопленные уехали из Сталинграда в Германию до его переименования в 1957 году. Дмитрий Степанович Орлов сопровождал их и участвовал в процедуре передачи военнопленных новым германским властям.

С военнопленными связаны и некоторые детские воспоминания Валерия Дмитриевича: с некоторыми из них ему приходилось лично общаться. Особенно запомнился ему румын (или венгр?) по имени (или фамилии?) Драгуш, который очень хорошо относился к детям: он мастерил забавные игрушки из «ничего» и баловал их этими немудрящими «презентами», как он называл свои подарки, разрушая тем самым сложившийся образ

врага. Это очень важный момент, характеризующий то непростое — послепобедное! время...

В 1958 году Дмитрий Степанович Орлов демобилизовался в чине капитана и устроился директором вагона-ресторана на линии Волгоград-Казань. В этой должности он проработал пятнадцать лет, до ухода на пенсию. Прожил он более восьмидесяти лет, похоронен в городе Волгограде.

Ольга Алексеевна Орлова всю жизнь была в домашних хлопотах и труде, до пенсионного возраста занимала различные беспокойные должности, вроде заведующей детсадом, завхоза, начальника административно-хозяйственного отдела различных учреждений, а затем чуть не до восьмидесяти лет работала уборщицей.

О ее боевом характере и образе жизни говорит такой забавный, но очень красноречивый случай.

Однажды, в бытность уже уборщицей, она поднималась на пятый этаж — в хрущовках лифты не монтировались — своим ходом. И обогнала запыхавшуюся старушку. А обогнав, не удержавшись, пошутила:

— Что-эт, милочка, пыхтишь, как паровоз?

— На что старушка обиженно проворчала:

— Доживи до моих лет, тогда погляжу, как ты поскачешь через ступеньку.

— А сколько тебе стукнуло? — поинтересовалась Ольга Алексеевна.

— Шестьдесят! — горделиво ответила та.

— Тю, удивила! А мне семьдесят восемь! — и обойдя «старожительницу», стала подниматься выше.

II. ИСПЫТАНИЕ ПЕРВОЕ — ВЫСОТОЙ

Свое возвращение в Сталинград из Верхне-Курмояра и первые сталинградские впечатления Валерий Дмитриевич, естественно, не помнит: мал был. И тем не менее, один эпизод той поры врезался в его сознание — настолько он был ярок и значителен в его младенческой судьбе.

«Было это или приснилось-привиделось-выдумалось?» — размышлял он об этом случае в ранние, но уже сознательные и памятливые детские годы. И однажды он решил, лет в пять-шесть, поделиться своими сомнениями с матерью: был ли на

самом деле с ним такой случай, оставивший после себя неотвязные странные ощущения?

«Мам! — обратился однажды сын к Ольге Алексеевна, — мне все время кажется, что когда я был совсем маленький, в пеленках еще, я будто откуда-то падал... Или катился... А потом висел высоко-высоко! А перед глазами у меня искорки разноцветные... огоньки... звездочки рассыпаются... Было это или я придумал? Мам?...»

«Ой, сынок! — воскликнула мать, — было это, было! Страху мы натерпелись тола, не приведи Господь! Но как ты запомнил, тебе ведь и годика тогда не было!»

И стала рассказывать...

По первости они квартировали у тетки, на втором этаже. В тот злополучный вечер ожидался праздничный салют, посвященный Дню Победы. Жители, и конечно, пацаны занимали «высо-ты», с которых можно было обозревать красочное зрелище во всей его красе. Братья Орловы расположились на крыше своего временного жилища, прихватив с собой и закутанного в пленки младшего братика... И вот захватывающее действие началось! Все внимание — ему!

Братья были опытными няньками, но то ли руки-ноги затекли, а глаза от неба не могли оторваться, так или иначе, на какое-то мгновение спеленатый братик оказался на покато-м склоне крыши, и только чудо спасло его отпадения на землю: задержала его антенна!

Тут уж всем стало не до салюта.

«Боже милостивый! — заново переживая давний страх, вздыхает мать. Шевельнись ты, и полетел бы ты на землю, а душа — на небеса! Да видно поддержал тебя ангел-хранитель твой. Виктор-то ползет к тебе и вслух молит: «Валерочка, не шевельнись! Братик, не трепыхнись!». Ты и замер: будто и впрямь понимаешь что! А видно и понимал — раз запомнилось тебе это...» — и она крепко прижала к себе сына.

Матерью этот случай не забылся, и когда сын по примеру старших братьев захотел стать летчиком, она сказала: «Один раз, сынок, ты чуть не полетал, забудь об этом!». И ему пришлось взять «под козырек». Но это было позже.

Как уже говорилось, Сталинград послевоенный был сплошной руиной, и под жилье приспособлялись мало-мальски уцелевшие части домов. Так и Орловы долгое время жили полураз-

рушенной коробке пятиэтажного дома, два этажа которого были заселены. А располагался их дом в центре тогдашнего Сталинграда: рядом знаменитый дом Павлова, стадион...

Пацанам в развалинах было раздолье: и в прятки, и в «казаки-разбойники», и в разведчиков можно было поиграть, свой «штаб» оборудовать или «пещеру». Да и для лапты или футбола хватало расчищенных пустырей. Самой популярной игрой, конечно же, был футбол! И любовь к нему сохранилась у Валерия Дмитриевича на долгие годы.

Несмотря на то, что вокруг многие годы оставались целые кварталы не разобранных руин и развалин, район их обитания в криминогенном отношении был тихим. И военнопленные вели себя миролюбиво: ни побегов, ни других эксцессов. Недалеко от них находилась спецшкола ВВС (типа суворовского или нахимовского училищ) и ремесленное училище — «ремеслуха», вот они эпизодически и устраивали между собой разборки, но честно: стенка на стенку. Да еще случались происшествия в районе волжских причалов — Волга—то рядом!

На соляном причале были целые горы баскунчакской соли, а соль и в послевоенные годы была дефицитом из дефицитов! Поэтому, хотя соляные причалы и охранялись военными, находилось немало охотников до дефицитного товара: их не пугало и то, что часовые частенько открывали стрельбу. В этом случае незадачливые воры прятали украденную соль в прибрежных оврагах и балках, чтобы при удобном случае забрать. Местным пацанам во время игр или походов на Волгу случалось набредать на эти «клады», они, естественно, весело делились.

Старшие братья Валерия учились в спецшколе ВВС, что находилась по соседству, затем окончили училище (один — Ейске, другой — Павлодарское. Старший, Виктор, служил в морской авиации, после аварии вышел на гражданку и после окончания физмата стал учителем. Средний, Владимир, служил до 78-года в группировке войск в Германии. Однажды в воздухе у него случился микро инфаркт, после чего его из авиации списали. Он получил квартиру в Крыму, но вскоре его настиг второй микроинфаркт, и среднего брата не стало.

Не закройся спецшкола ВВС к тому времени, когда пришла пора и Валерию идти в классы, может быть, и он бы стал покорителем воздушного океана, как его братья, оправдывая свою

фамилию! Но не пришлось ему идти в «кадеты», стал он учеником обычной общеобразовательной школы № 19 города Сталинграда. А когда окончил ее полный курс и, получив аттестат зрелости, заикнулся было о летном училище, матушка его, Ольга Алексеевна, припомнив его первую попытку свободного полета и треволнения, связанные со старшими сыновьями, решительно предотвратила дальнейшие испытания Валерия Дмитриевича высотой.

III. ИСПЫТАНИЕ ВТОРОЕ — ГЛУБИНОЙ

Сделав матери «под козырек», поступил Валерий Дмитриевич токарем на Волгоградский завод медицинского оборудования. Одновременно, по направлению военкомата, стал приобщаться к военно-морскому делу в школе ДОСААФ. А через год, в сентябре 63-го, был призван во флот и торжественно, под оркестр, отбыл в легендарный Севастополь. Прежде новобранцев в теплушках с двухэтажными нарами увозили, а их — в пассажирских вагонах! Впервые, говорят.

... Даже сейчас, по прошествии стольких лет, Валерий Дмитриевич рассказывает о своей встрече с Севастополем воодушевленно, поэтому можно представить, что он испытывал в молодости!

Прибыли ночью...Темень теплая, обволакивающая! И — море! Бархотно-черное, но с люрексковым проблеском как бы...А наверху — словно звездная россыпь огоньки города... Морской воздух, шелест прибоя...Потрясающе!

Разместили их во флотском экипаже. Вскоре они были подвергнуты испытанием в барокамере: из полутора тысяч «салаг» испытания выдержали только сто человек! Они-то и были направлены в учебку подплава. Среди них был и Валерий Орлов — он стал изучать специальность торпедиста.

Нагрузки и в учебке подплава были большие: и физические и психологические. На УТБ — учебно-тренировочной базе, отработывались до автоматизма различные аварийные ситуации, в частности, эвакуация из подлодки через торпедные аппараты и люки.

Выполнение подобных операций требовало не только физической выносливости, но, прежде всего, самообладания, выдержки и бесстрашия. Некоторые молодые моряки теряли конт-

роль, срывались и в результате получали осложнения, подвергались повторным медосвидетельствованиям и обычно переводились на надводную службу.

Валерий Дмитриевич выдержал все тренировки и испытания в течение почти девятимесячного пребывания в учебке подплава, освоил специальность торпедиста. В мае 64-го в числе группы подводников из двадцати человек был откомандирован из Севастополя на Северный Флот, на базу подводных лодок, расположенную в одном из фиордов недалеко от границы с Норвегией (во время Великой Отечественной Войны здесь базировались торпедные катера).

Севера своей суровой величественностью произвели на Валерия Дмитриевича сильное впечатление, подобное тому, которое на него оказала первая встреча с ночным Севастополем.

Прибывших новичков распределили по экипажам подводных лодок. Орлов попал на атомную подводную лодку К-52. Прослужил он на ней полтора года.

К-52 — это многоцелевая торпедная подлодка. Лодки этого типа впервые стали покрываться резиной и развивали скорость в подводном положении 35 узлов. В надводном положении они ходили со скоростью в два раза меньшей, так как из-за своих гидродинамических характеристик имели склонность зарываться. На этой лодке Валерию Дмитриевичу довелось испытать все незабываемые ощущения, которые испытывает человек, находясь длительное время в ограниченном пространстве, общаясь с ограниченным количеством людей. То есть именно на К-2 приобщился к братству подводников, прошел настоящее испытание глубиной.

На третьем году службы классного специалиста Валерия Орлова перевели на атомный подводный ракетный крейсер К-100, являвшемся по тому времени последним словом судостроительной техники. На этом ракетноносце прослужил он до «дембеля». Несмотря на огромные размеры этой чудо-лодки, стесненность жизненного пространства и на ней давала себя знать, особенно во время длительного автономного плавания.

Четыре года прожил Валерий Дмитриевич во флотской семье, такой продолжительности была в то время «нелегкая служба морская».

Никакой пресловутой дедовщины не было ни на —52, ни на К-100! Тяжело было, да. Конфликты бывали, да. Может, пото-

му, что «экипаж — семья»?...Потому, что взаимопомощь, повышенная требовательность к себе — характерные черты подводника?...

Или потому, что они все вместе проходят испытание глубиной?

«...и грозный шум валов, и тихий плеск прибоя, и темное молчанье глубины». А в редкие часы досуга — задушевные исповедальные разговоры с друзьями. А торжественные, наполнявшие сердца гордостью, моменты подъема флага?... Все это вместе с ощущаемым напряжением шпангоутов и корпуса подлодки, и было испытанием простором океанским и «глуботой окиян-моря», и запомнилось на всю жизнь.

IV. ИСПЫТАНИЕ ТРЕТЬЕ — ВЫБОРОМ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Пройдя испытание глубиной и морским простором, осенью 1967 года вернулся Валерий Дмитриевич Орлов домой, на берега Волги в Волгоград...

В институтах уже шли занятия. Друзья одноклассники учились, кто на третьем, а кто и на четвертом курсах института, другие и техникумы уже позаканчивали, поработали специалистами.

Валерий Дмитриевич снова пошел работать токарем и самостоятельно стал готовиться к поступлению в вуз: решил нагонять друзей, и на следующий год поступил в Волгоградский инженерно-строительный институт на автодорожный факультет.

К этому времени он сблизился с братом невестки: очень сведущим и интересным человеком.

— По данным ЮНЕСКО, экспертной организации ООН, — говорил тот, — в самом ближайшем будущем, может быть даже в конце века, самым дефицитным полезным ископаемым на земле будет не нефть, уголь, железо или золото, а — пресная вода! Да-да, самая обычная, но — чистая! — вода, — уверял он собеседника, для которого понятие «полезное ископаемое» применительно к воде казалось довольно странным.

— Волга вон рядом: могучая река! Куда она может деться?

— Деться реки не денутся никуда, — поняв ход мыслей собеседника, продолжал говоривший, — но они загрязнятся до такой

степени, что будут непригодны для бытового употребления. Поэтому проблема очистки вод в технологическом производстве и коммунальном хозяйстве вскоре станет актуальной — глобально! — проблемой...

К этой, на первый взгляд, гипотетической проблеме они возвращались неоднократно, и родственник убедительно доказал Валерию Дмитриевичу, что водный катаклизм возможен.

Проучившись год на автодорожном факультете, он с благословения своего старшего друга перешел на факультет «Водоснабжение и канализация» не без подспудной мечты, что в будущем, решая проблемы водоочистки, он предотвратит аквакатастрофу и не даст человечеству погибнуть от жажды или отравления некачественной водой.

И хотя уже строился ВАЗ, увеличивая перспективность автодорожной профессии, Валерий Орлов сделал выбор: решил стать специалистом по водоснабжению и канализации.

V. ЧЕТВЕРТОЕ ИСПЫТАНИЕ — ЛЮБОВЬЮ

События 68-69 годов были, пожалуй, самыми важными и судьбоносными в жизни героя очерка. Во-первых, он определился со своей профессией. И, во-вторых, помимо искреннего желания напоить в будущем, если не все человечество, то хотя бы какую-то его часть, экологически чистой водой, посетило его в это время самое возвышенное чувство, именуемое любовью...

Со Светланой Константиновной Глущенко познакомился Валерий Дмитриевич еще во время службы, находясь в отпуске. Первоначально сильного впечатления она на него не произвела, поэтому о любви с первого взгляда, может, и не стоит вести разговор. Тем более, что встреча со Светланой произошла на фоне его определенных отношений с другой, ранее знакомой, девушкой. Но после возвращения на подводный ракетоносец, в личное время, а порой и не только, все чаще и ярче стал возникать ее образ перед его внутренним взором. И началось испытание нашего героя любовью...

Светлана Глущенко прежде, чем поступить в Волгоградский политехнический институт и начать изучать химическую аппаратуру и технологию, успела окончить Ленинградский лесотехнический техникум и отработать обязательку по направлению.

Волгоград — это город, вытянувшийся на десятки километров вдоль Волги. Валерий, как уже говорилось, жил в центре, зато Светланин дом находился в районе ворот знаменитого Волго-Донского канала (кстати, один из немногих из действующих объектов сталинского плана преобразования природы, В.К.). Между северной и южной оконечностью города ходили электрички. От Валерия до Светланы лежал 31 километр шпал. Встречались они так часто, как было возможно.

Как и положено истинному кавалеру и подводнику, Валерий провожал Светлану до ее дома и прощался с ней, как истинный влюбленный, в самый последний момент, когда раздавался гудок электрички, проходящей ствол Волго-Дона. Опытным путем было установлено, что если прощание не затягивать и взять хороший старт, как на стометровке, то на последнюю электричку можно успеть. Иногда влюбленному студенту не хватало нескольких секунд, чтобы вскочить в закрывающиеся двери электрички, и тогда приходилось...»опять по шпалам идти по привычке». Вернуться к своей девушке и попроситься на ночлег не позволяли щепетильность и честь.

В 1969 году, когда оба учились на втором курсе, они поженились и стали жить у родителей — в центре Волгограда.

Чтобы содержать семью, Валерий Дмитриевич перешел на вечернее отделение и стал работать в секторе перспективного проектирования института «Волгогипроводхоз». Позднее в проектно-институте транспортного машиностроения он занимался вопросами очистки гальванических стоков, работая мастером, внедрял катодно-анодный метод очистки стоков на метизном заводе.

Известно, что нелегко «женатикам» грызть гранит науки, особенно, женщинам. Не все выдерживают двойную нагрузку, когда появляются на «вершине любви» — «это чудо великое — дети». В 70-м году у Орловых родился сын, названный Олегом, и Светлана перевелась на вечернее отделение политеха, а после декретного отпуска пошла работать в институт НИПИнефть.

Между тем испытания любовью продолжалось: в 76-и году родился второй сын, названный в честь деда Дмитрием. В это время они оба окончили свои факультеты и стали делать первые шаги по ступенькам служебной лестницы. Однако, решение одной из главных проблем — жилищной, виделось в далекой перспективе. Да и финансовая сторона для возросшей семьи Орло-

вых была не последней. И они решились подвергнуться нескончаемым, как испытание любовью — испытаниям севером! Было это двадцать лет тому назад...

VI. ИСПЫТАНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ — СЕВЕРОМ

Когда пришел вызов из Мегиона, Валерий Дмитриевич работал на заводе транспортных нормалей и деталей (ТНД).

Приехав в Мегион, он получил направление а НГДУ в цех водоснабжения и канализации заместителем начальника цеха. Так началось его новое испытание, продолжающееся по сей день, — испытание севером.

В течение двадцати лет менялось название цеха, его статус и подчиненность, менялись и должности, которые занимал Валерий Дмитриевич. Неизменным оставались назначение службы и обязанности Орлова, как одного из ее руководителей (или ее структур) — обеспечение жизнедеятельности производственных, социальных и жилищно-коммунальных объектов в любых, даже самых экстремальных условиях.

Такие случаи, когда на старом водозаборе, что за факелом в пургу приходилось по-пластунски пробираться к остановившимся скважинам, чтобы их запустить, считались обычными. Но случались и нерядовые...с неприятными последствиями.

Зима 86-го года. На улице Свободы обрушился канализационный колодец: не выдержали керамические трубы. Мороз под сорок. Да, с ветерочком! Ничего не видно: парят фекалии, выхлопные газы. Цементируемые агрегаты на откачке. Бойлеры. Экскаватор. Другая техника. Керамические трубы разрушились на глубине 4,5 метра, стрелы экскаватора не хватает, чтобы вскрыть их. Пришлось под экскаватор снимать сверху грунт: делать площадку (представляю себе: обстановка еще та! В.К.). Внизу работает бригада слесарей. Валерий Дмитриевич стоит на площадке возле гусеницы экскаватора и руководит работами. Экскаватор молотит вхолостую, как и все, ненужные, в данный момент, машины: морозюка же! Время между тремя и четырьмя ночи: разбойный час! Роль разбойника решил сыграть Господин Несчастный случай...

Экскаваторщик, никого не предупредив, решил поудобнее устроиться на площадке и стал разворачиваться, краем гусеницы придавил ногу Орлову. И хотя грунт на площадке не успел зас-

тыть — это в какой-то степени смягчило ситуацию — Валерий Дмитриевич получил множественные переломы ноги.

В больничном комплексе дежурный хирург сложил кости, наложил лангету и загипсовал ногу, вставив дренажные трубочки. И написал, видимо, необходимые назначения. Но, если они были, их никто не читал, ибо все «лечение» а течение недели сводилось по сути к замеру температуры. На восьмой день соседи по палате забили тревогу. Да и сам Валерий Дмитриевич почуял неладное: насторожил и специфический запах из-под гипса, и скачок температуры на восьмой день до $+ 40^{\circ}\text{C}$...

В результате такого «лечения» мышцы голени выболели.

— У меня теперь «ножка», как у балерины, когда она «па-де-де» выделяет на цыпочках! — с горькой усмешкой иронизирует сейчас над собой он. И добавляет:

— Ведь, что жалко: я ведь до этого случая такой ходок был! Когда работал в Волгограде в головном институте, приходилось много ездить по Союзу. Минск, Харьков, Челябинск, Ленинград... Никогда городским транспортом не пользовался! Только пешком! Зато и ориентировался потом в них не хуже старожилов. Да и в Мегионе до несчастного случая только «одинадцатым номером» пользовался: за день, бывало, не один раз его оббежишь! И футбол любил... Сейчас из прежних хобби остались только шахматы. Спасибо отцу: в четыре года научил играть. Сам он, правда, не имел спортивных разрядов, теоретической подготовки, но успешно тягался и с кандидатами в мастера, и с мастерами не боялся сразиться.

Хотя последствия несчастного случая не особенно сказываются на его работоспособности, жизнь они ему, безусловно, как можно себе представить, тихонько отравляют. И нарастить мышечную массу голени, по мнению специалистов, можно или пересадкой его собственно ткани, либо другим, не менее сложным и болезненным способом. Если он не решается, значит, терпеть еще можно! (И в этом, думается, ему очень помогает физическая и духовная закалка, полученная в подводном флоте!)

И еще один экстремальный эпизод, характеризующий процесс испытания сквером. Валерий Дмитриевич работал тогда заместителем главного инженера «Тепловодоканала» объединения «Мегионнефтегаз».

Под Новый, 1993 год, на Центральной котельной произошла авария, и почти половина города оказалась на грани катастро-

фы. Стоял вопрос об эвакуации части жителей города из домов, лишившихся воды и тепла, в первую очередь, детей.

На ЧП его вызвали в десять часов вечера 30 декабря. И с этого момента он практически не вылезал с объектов тепло водоснабжения числа до 17 января нового года, занимаясь восстановлением жизнеобеспечения размороженной части города. Его штаб располагался в Центральной котельной. В одной упряжке с ним активно работал заместитель начальника ЦИТС объединения Геннадий Алексеевич Мельников. Общее руководство работами по спасению города от холода осуществлял Кузмин Анатолий Михайлович, генеральный директор МНГ. Каждое утро Орлов как «ночной директор» докладывал ему о ходе работ, в том числе о вопросах, требующих вмешательства «генерала».

В ликвидации последствий аварии мегионцам помогали все соседние города, нефтегазовые и геологические объединения. Работали десятки своих и приезжих бригад слесарей и электросварщиков. Батареи, запорную аппаратуру, водопроводные трубы возили авиацией из Тюмени и других городов. Для Валерия Дмитриевича это были настоящие «страдные дни»! И он, как никто другой, с болью и пониманием следит за ситуацией в Приморье. Как технарь, и как руководитель он понимает: случись в нынешние времена ситуация, подобная произошедшей восемь лет назад, еще неизвестно, управились ли бы они с аварией столь успешно: социально-экономические отношения-то уже другие! Поэтому он считает: главное — профилактика! И руководствуется в работе народной мудростью: готовь сани летом, а телегу зимой! И не забывает: испытание севером продолжается!

РЕЗУЛЬТАТЫ ИСПЫТАНИЙ

Валерий Дмитриевич, как уже говорилось, работает директором мегионского горкомхоза. Проблем крупных, принципиальных в достатке. О текучке говорить не приходится: хоть ночуй на работе. В последние дни приходилось работать часов по десять в день, прихватывая и выходные. Но он не сдается и планирует так организовать работу службы, чтобы справляться со своими обязанностями в установленное законом время, а досуг посвятить семье и своим привязанностям.

Светлана Константиновна работает сейчас в системе «Мегион-нефтегаз», а также преподает в воскресной школе при храме Пресвятой богородицы.

Старший сын, Олег, окончил Волгоградскую медицинскую академию и ординатуру, работал завотделением в поликлинике. Сейчас он терапевт стационара, избрал путь практического врача.

Младший, Дмитрий, повторил путь старшего брата: медицинская академия, ординатура, но, в отличие от Олега, его привлекает научная сторона профессии: он автор 12 опубликованных работ, участвовал в трех международных конкурсах молодых специалистов, на которых его доклады были отмечены. В будущем планирует защитить кандидатскую диссертацию.

Как видим, и сам Владимир Дмитриевич Орлов, и члены его семьи с честью несут жизненные испытания!

Пожелаем же им дальнейших успехов!

НИЖНЕЯНСКАЯ КАЗНАЧЕЙША, ИЛИ «В СЕРДЦЕ — ТОЛЬКО МАЙ»

*Я знаю — солнце померкло б, увидев
наших душ золотые россыпи!*

В.Маяковский

Соседка, о которой я намеревался рассказать в этот раз. Надежда Николаевна, предрекла неудачу.

Обо мне у вас ничего не получится: неинтересно! Даже вот та-кусенькая золотиночка не блеснет. Вот про Шурика с Таисьей писали — там другое дело, он — на Блока похож да и блокадник; Таисья — сказительница... А я что? Обыкновенная русская баба: стихов не пишу, не рисую, ни на кого, кроме себя, не похожа...

— Не скажи! — совестлю ее. — Вот здесь — вылитая Гундарева!

— Гундарева? Ска-жите!.. Она — актриса с большой буквы, а я — казначейша!.. — И Надежда Николаевна засмеялась взхлеб, полнозвучно, красиво — смех ее слушал и слушал бы...

— «Казначейша»? Ладно, посмотрим, что по поводу одной казначейши думал поручик Лермонтов:

*...идет, бывало, гордо, плавно —
чуть тронет землю башмачок;
в Тамбове не запомнят люди
такой высокой полной груди:
бела, как сахар, так нежна,
что жилка каждая видна.
А этот носик! Эти губки,
два свежих розовых листка!
А перламутровые зубки,
а голос сладкий, как мечта!
Она картавя говорила,
нечисто «р» произносила;
но этот маленький порок
кто извинить бы ей не мог?*

— Итак, Авдотья Николаевна... виноват. Надежда Николаевна, разве не похожи? Пройдитесь, пожалуйста, произнесите букву «р»... Не вашу ли прародительницу изобразил Михаил Юрьевич в своей известной повести в стихах?..

Полнозвучно хохочет Надежда Николаевна, показывая «перламутровые зубки»... Просмеявшись, говорит:

— Что верно, то верно, Тамбовские мы! Но не из казначейской рода, а из простых «хресьян»... в «казначейши» сами выбились.

У прадеда Надежды Николаевны, Назара Малышева, вольного землепашца из Тамбовской губернии, рождались одни девки. А при общинном землепользовании на ребенка «женского пола» надел не полагался. (Вот так вот, господа «народники»!) И когда началось освоение восточных земель — сибирских немереных просторов, подался прадед своим ходом, со всем семейством и скарбом, в земли неведомые, чтобы сделать их обетованными...

Обосновался он в Красноярском крае, в селе Инокентьевка. Дочь его, будущая Надеждина бабка Варвара, в Сибири уже вышла замуж за Григория Зяблцова из села Перова (после гражданской войны — Партизанское). Там у нее народились (точнее, выжили!) три сына и две дочери.

— Бабка — та еще была! Семейство большое: детишки, старики, а она перед революцией такое хозяйство развернула — кулачка кулачкой! Но ушлая была: дипломатка! Придут красные или белые или потом комбедовцы — раскулачивать, она — деда, ребятишек к себе и: «Раскулачивайте, такие-сякие, но и их всех — тоже забирайте!» Дед, болезный, кряхтит, трясется, ребятишки хнычут... Ну, местные Давыдовы — нагульновы и разжалобятся, отстанут... «Поднятой целины» не читали еще! — иронизирует Надежда и продолжает. — Занятная бабка... Хорошо ее помню. Табак нюхала. Пригласит подруг, таких же бабок, нюхают табак, старые времена вспоминают, и то одна, то другая «чишут» — смешно так чихают. Любили мы их слушать...

— А у матери моей — опять девки пошли! Гены сказались. Три сестры нас: Альбина, Галина и я. Мать наша, Евдокия Григорьевна, с революцией ровня: с 17-го года. Вот если бы лет на десять раньше вы решились о нас написать, могли бы это обыграть: «Ровесница революции!» — Полнозвучно так: «Ха-ха-ха!..» — А если без смеха, тяжелое время выпало на их долю! Начальную школу только смогла закончить мама — и хорош: «достали» осенью 31-го бабушку Варвару, выгребли все под метелочку. Подалась мать с узелком (в пятнадцать лет!) в Хабаровск к тетке. Месяц добиралась, неделями на глухих разъездах стояли. Там, в Хабаровске, познакомилась с Михаилом,

военным, и «выскочила» за него в неполные восемнадцать лет. Не хотели регистрировать из-за этого. И началась кочевая жизнь с малым ребенком (Альбина родилась): Камчатка, Красноярск, Средняя Азия, Омск... Из Омска — на фронт до самой Победы. После капитуляции Японии, в Порт-Артуре, у мужа обострился фронтальной туберкулез; на родине поместили в госпиталь, в Красноярске и преставился... Дядьки тоже воевали, один погиб. А мать всю войну в Партизанском работала: собрались там в кучу сестры, снохи да золовки с детьми, чтобы тягость войны гуртом снести. После войны, в Партизанском же, познакомилась она через подругу с ее братом — нашим будущим отцом, Николаем Алексеевичем.

— Муж-то у меня... ого-го! — подала голос из другой комнаты Евдокия Григорьевна. — Секретарем райкома был! Потом в Красноярске, в крайкоме работал, а оттуда в Москву перевели. Непростой у меня мужик был! — забыла былые обиды, в голосе — гордость...

Надежда чуть хмурится — сбился рассказ, — и поясняет:

— Да, «партайгеноссе» был папаша. Пять лет с нами прожил, затем три года в ВПШ учился — там с соученицей по Высшей школе сошелся и остался в Красноярске. По иронии судьбы ее тоже Евдокией звали. Да он и когда с нами жил, дома был редким гостем. Мы его долго игнорировали, и только после школы признали, случалось, в Красноярске у него гостили. Занятный он все же был: читал много, многое знал, рассказывал интересно. А когда в Москве работал, всегда, из отпуска едучи с югов, мы останавливались у него. Простить не простили — эгоистом был и оставался им до последних дней, но понять — многое поняли. Что не понять? У него за плечами два института, а у матери — четыре класса...

— Но ведь в 45-м, когда и девушки оставались вековухами, он на вдове с ребенком женился! Значит, было в ней что-то, в твоей матери, кроме этих четырех классов!

Надежда хохочет:

— Конечно!.. Мать говорила: идет, бывало, по улице — мужики по окнам, глазют! Отец, видимо, тоже засмотрелся...

После семилетки, как когда-то мать в Хабаровск, впервые в жизни поехала Надя в город — к отцу в Красноярск. Столько впечатлений! С тех пор и прикипела к Красноярску: самый родной и красивый город на земле. Отец на высоте оказался: все

свое обаяние, все возможности использовал, чтобы расположить Надю к себе. А тут еще и кино, и театр, и мороженое-пирожное, и ситро, и крем-сода, и... Но особый подарок, незабываемый — поход на Красноярские столбы... Красивы окрестности Партизанского: поля волнистые (изумрудные, серебристые, золотые — по времени года), холмы лесистые. Цветов — что лесных, что полевых!.. Даже на воде цветы: кувшинки желтые, лилии белые... Красиво, да как свое лицо — приглядевшееся... А тут — дикая красота! Экзотика!

— Глаза разинула и готова проглотить всю эту красоту!.. В институте монгол один брал у меня конспекты переписывать. Смуглый, лицо, словно куропачье яйцо, в конопушках, волосы — как смоль, синевой отдают. Страшный до мурашек по коже, а я глаз оторвать не могу: смотрю, как он пишет... Как на чудо природы! Как тогда — на столбы!

(«Теперь понятно. Надежда Николаевна, почему вы второй год «Анжелику» читаете!»).

— Доучилась в школе и в Красноярск: в мединститут поступать. Да физику завалила. По билету ответила, так экзаменатор дополнительными вопросами задушил. Побежали с подругой в медучилище — прием закончен! К директрисе пошли, уговорили — приняла. Вернулись в Партизанское. Делимся планами: медучилище, потом снова в институт... А нам: «Кто ж вас, интересно, восемь лет тянуть будет?» И правда! Забрали документы из медучилища, и я поступила в филиал Иркутского финансово-экономического института на вечерний факультет. Год проучилась — перевели на дневное. В Иркутск приехала — и таким он чужим после Красноярска показался, хоть плачь! Там мне было легко. Жила весело: ни одного вечера в институте не пропускала. Это еще со школы, с восьмого класса: если танцы, никакими запретами не остановить! Поклонники? Да уж... Ха-ха-ха! У стенок, «в сторонке» не стояла! Особым успехом пользовалась у бурятов. Да и монголы, говорила уже... В институте портрет Цеденбала висел — наш выпускник! И этот, думаю, сейчас у меня конспект списывает, а домой вернется — Цеденбала сменит! Смех-смехом, а, может, и сменил, а?

По направлению в 69-м уехала в Якутск. Городишко маленький, в основном деревянный, без удобств, а понравился! И климат: воздух сухой, безветренно. Два театра. Работала экономис-

том в республиканской конторе Госбанка, интересно было. Через год перевели в Нижнеянск...

— Нижнеянской «казначейшей»?

— Вроде этого. В «казначействе» шесть человек всего... Но в Нижнеянке все было по душе: И работа, и вообще... Восемь километров — Ледовитый океан, море Лаптевых! И не так холодно. Пурга раз была, правда, ни зги не видно. И дня три крутила. Мальчик один вышел, заблудился тут же и погиб. А так — климат терпимый. Здесь же, в Нижнеянке, со своим будущим мужем познакомилась. А было так. Захожу в столовую... За несколько столиков от входа, лицом к двери, он сидит — обедает. Увидел меня — обмер, ложку до рта не донес, с открытым ртом и уставился... А я — ноль внимания, продефилировала мимо... Пообедала, выхожу — ждет: «Здрассте!..» Даже не посмотрела!.. И началось? Куда ни пойду — он навстречу: «Здрассте!..» В клубе подруге говорю: «Что это за мужик — проходу не дает, здороваешься?» С приисков, говорит, дорожник, зимник строит, автомеханик, что ли? Он на шесть лет старше да и после тундры... Не показался в начале, в общем...

— В общем — он с первого взгляда, а ты с приглядки? Но все же «пробил» он «зимник» к твоему ретивому? «Укатал» дорожку?

— «Пробил и укатал»! В мае познакомились, а второго октября — свадьба. На следующий год, летом, в декрет пошла — в Партизанское уехала. Полтора года всего была «нижнеянской казначейшей»! Родился сын. Александром назвали. Муж перевелся в Нижневартовск. В феврале 73-го я к нему с полугодовым сыном. Сразу же на работу — в Нижневартовское «казначейство»! Жили сначала в бараке, но через пару месяцев квартиру нам дали в «китайской стене», и почти десять лет жили мы в Вартовске. А в Мегион переехала в этот дом... Когда его сдали? Осенью 82-го?.. Ну вот, значит, здесь уже более десяти лет... Считай, уж и жизнь прошла! Оглянуться не успела, а что впереди? А еще ведь Митяй-ку выхаживать, первый класс скоро, все по новой учить придется... Сашкины внуки? Не-ет, теща пусть водится! Что гадать, до этого далеко еще. Пусть из армии благополучно вернется... А там — посмотрим. Но комбинезончики, детское приданое припасла заранее». Вот так и живем: хлеб с маслом жуем, на масло пока зарабатываем, а в остальном — ничего интересного...

— Так уж и ничего?

— Господи! Да все интересно: Митяй вот, золотце мое, и Сашка скоро со службы вернется: с самого Сахалина! Работа — позавидовать можно! Двадцать лет уж — профессионалкой себя считаю. Сейчас вот очерк прочитают — многие вспомнят, узнают... Книги — успевай читать, столько интересных... И насчет «Анжелики» — напрасно иронизируете! Что ж, по-вашему, одну «Капитанскую дочку» или Набокова читать? Солженицына и Толстого? Читаю и их. Вон, Набоков, Солженицын — все, что вышло. То-то! Что нравится, то и покупаю: на книжных полках у меня интенсивная «ротация» идет. По истории России вот... Репринтные издания покупаю. Успею, нет сама прочесть... Сыновья хоть не будут читать ту историю, которой нас пичкали!

— При «ротации» — все-то не выбрасывала бы: в детский дом лучше какой послала...

— Да вы что, Павликов Морозовых новых захотели? Вот «Закон Божий» или Толстого — другое дело, послать можно.

— В «советских классиках» тоже просто хорошие писатели есть и поэты... Тот же Маяковский...

«...я с сердцем ни разу до мая не дожили, а в прожитой жизни лишь сотый апрель есть».

Прелесть! Кстати, а какие у вас с сердцем отношения с маем? Или тоже — «лишь сотый апрель есть»?

— Самые наилучшие: у нас с сердцем — только май! Правда, с грозами... и с морозами! Ну уж с заморозками — это точно. Но — май!.. Северный май.

Живет в Мегионе, в нашем подъезде, сибирячка в четвертом поколении Надежда Николаевна... Партизанское — Красноярск — Иркутск — Якутск — Нижнеянгск — Нижневартонск — Мегион... Восточная Сибирь — Западная Сибирь — вот этапы жизненного пути этой миловидной женщины. Для нее Сибирь — дом, родной дом, живя в котором она не совершает «героических подвигов», как пытаются представить свое пребывание здесь нахлынувшие в поисках «длинного» рубля современные псевдооткрыватели Сибири...

Есть в твоей душе. Надежда Николаевна, не только «вот такусенькая золотиночка», но и якутская бриллиантинка, и тюменская черная жемчужинка. Смейся, Надежда, как всегда, полнозвучно и от души: надоели стоны у микрофонов на сессиях, марафонах и презентациях.

«Медленные сумерки России, как туман, осядут на траву...»

Смейся, Надежда! Когда воздух вибрирует, туман быстрее оседает. Пусть он вибрирует от смеха, а не от злобного брзжания.

Прошло несколько лет...

По просьбе Н.Н. очерк вылеживался. Но на сей раз я ее уговорил: она разрешила его опубликовать. Что я и делаю.

За прошедшие годы многое изменилось в жизни страны, так же, как и в жизни Н.Н. Самое главное событие, произошедшее в ее жизни, — она стала бабушкой!

Души не чает Н.Н. в своем внуке Кирюше — сибиряке в пятом поколении! И рассказывая о его невинных детских шалостях и его филологических изысках, смеется Н.Н., как и прежде, полнозвучно: от чистого сердца и широкой души.

ЧУВСТВО УРОВНЯ, ИЛИ БУЛЬДОЗЕРИСТ – СЫН БУЛЬДОЗЕРИСТА

На строительстве подъезда к кусту № 74 планировкой земполотна занимается бульдозерист Мухадаев Андрей Анатольевич. Едва поздоровавшись, он обратился к начальнику участка Шевцову с претензией: «Владимир Николаевич, когда за вредность платить будете? Задолбали!»

— Дежурная шутка, — пояснил мне старший прораб участка Федоров. — Видите: машинист развернул отвал, перегородил ту сторону полотна, куда не надо сыпать, а водители самосвалов, как нарочно, умудряются разгрузиться, где попало. Не специально — по неопытности. Вот бульдозеристы и возникают. Шутя-то шутя, но дело до разборок с параллельной фирмой доходит... Куда деваться: и у нас не все — асы!

Пока начальство прикидывало выполненный объем, проверяло качество работы, я забрался в кабину бульдозера — пообщаться с Андреем Анатольевичем.

Я знал, что его отец мой одноклассник, не так давно скончался от инфаркта. На мою просьбу сын сообщил следующее:

— Родился отец в селе Кинель-Черкасск Самарской области в 37-м году. Позже перебрался в Отрадное: там работал шофером, механиком. В Отрадном же родился и он, Андрей, 16 февраля 1968 года, и старшая сестра. Мать Надежда Васильевна, в девичестве Кудреева, из тех же краев, на год младше отца, живет в Мегионе.

Когда Андрею было три года, отец уехал на Север на заработки, как и многие другие. Через год, как получил жилье, привез семью. Андрей помнит (было ему тогда четыре годика), как по поселку СУ-920 и Мегиону ходили они «по досочкам»: грязь была непролазная.

В садик его не водили: мать приглядывала, или наезжавшая в ссылку бабушка. Отец работал бульдозеристом в СУ-920 с 1972 года, мать — кочегаром в МУБРе. Как и большинство поселковых, ходил Андрей во вторую школу (сейчас ее снесли, а участок застроили). Учиться Андрею не нравилось.

— Ни фа себе! — удивился я, — а что ж тебе нравилось?

Ответ его, признаюсь, шокировал меня:

— Гулять нравилось! Драться!

Я внимательно пригляделся к нему: удлиненное лицо, разлет бровей, улыбка... Кого-то напоминает... Да Харатьяна же! Юный гардемарин! На зубах коронки: не результат ли опасного «хобби»?

— А что ж тебя привлекало в драке? Ну, я понимаю — когда по необходимости...»

— Независимость привлекала! Когда тебя бояться, свободно чувствуешь себя, хорошо!

— Дрались-то хоть честно?

— Старались... Но когда вдвоем против пятерых — тут не до правил.

— А как сейчас?

— Сейчас я — самый спокойный, самый мирный в Мегионе. Не пацан уж!

— Ну, ладно, «гардемарин», бульдозеристом-то как стал? Отец натаскал?

— Не без этого. Но прежде кончил школу, поработал слесарем в нашем РММ, два года в армии отслужил... В инженерно-строительных войсках. Вернулся в СУ-920, поработал стропалем. И только в 1991 году обучился и получил «корочки» бульдозериста.

В 1992 году женился, в том же году дочка родилась: сейчас ей уже шестой год. В садик, как и я, не ходит: когда с мамкой, когда с бабушкой. Уже материна помощница: посуду помыть, пол подмести — со всем удовольствием. В крови это у нее, или мать приучила, но — с радостью делает!

Я вот тоже: не получилось бы, давно бы с бульдозера ушел. Но, видно, тоже бабкины гены передались! Все говорят, да оно так и есть на самом деле: бульдозерист или есть, или его нет, сколько ни натаскивай! В «компьютере» своем нужно иметь чувство уровня или уклона! — Андрей Анатольевич легко коснулся лба. — Ну и чтоб машину... — он похлопал по приборному щитку, — своего кормильца, как себя чувствовал. Вот оно: хобби и стихия...

— А подраться? «Паровоз» потолкать?... С кедром пободаться?

— Не-ет... Не тянет. Спортзал работал — на классическую борьбу ходил. Нет, не для соревнований: для себя. Для душеуспокоения...

— С напарником работаете?

— Да, нормальный напарник.

Доверяем друг другу и еще ни разу не подводили. За местными такого греха не водится. У вахтовиков — бывает, а у нас нет. И вообще, на участке отношения у всех доверительные: без этого нельзя. Начальство, видим, само крутится и нам спать не дает. Потому и не обижаемся: так должно!

Пока мы разговаривали, разгрузились в нужном месте с полдюжины угловатых КраЗов, создав для бульдозера таким образом фронт работы, и по деликатным взглядам на гребень выросших холмов своего визави я понял, что пора «закругляться». И задал Андрею Анатольевичу Мухадаеву, бульдозеристу — сыну бульдозериста, последний вопрос:

— Дочери братика «покупать» не собираетесь? Чтоб нарождающуюся династию не прерывать!

— Сложный вопрос, — серьезно сказал Андрей, — даже болезненный! Надо бы, да объективные обстоятельства мешают. Первое — жилье! Живем в семейном общежитии, а перспективы — никакой. И второе: заработки! На сегодняшние — едва-едва выкручиваемся...

Вот на такой минорной ноте закончился шутивно начатый разговор. Но свой материал о «бульдозеристе — сыне бульдозериста» я хочу закончить шутивными и оптимистическими словами, которые я написал еще 15 октября 1995 года, т.е. почти за четыре месяца до встречи с бывшим «сорванцом» и драчуном Андреем. Нынешний — «мирный» Андрей Анатольевич примет в свой адрес только то, что ему подходит:

*Я живу в Мегионском Посаде,
возле леса, на самом конце.
«Сорванцом» меня звали в детсаде,
«сорванец» — и сейчас на лице.
Но! Есть одна городская девчонка,
говорит мне она о другом:
что — натурю я очень тонок,
и что скоро я буду отцом...
Хоть за это сейчас не «посадят»,
но ведь так разволнуется мать, —
что придется остаться в Посаде:
к Невмержицкому — брусья «пилять»...¹
Ну и пусть! «Напиляем» мы брусьев —
Свой — чуть дальше — построим Посад.
«Сорванцы» станут взрослою Русью
и детей своих с радостной грустью
поведут в ставший тесным детсад...*

Так что : надо Андрюша, надо! И чтоб династия не прервалась. И чтоб Русь не обезлюдела...

¹ Невмержицкий В.В. — начальник участка промжилстроительства. «Сорванцов» часто к нему страивали родители для приноровления к труду. «Пилять» — пилить (с белорусского)

ПРОБУЖДЕНИЕ ДУШИ

Кабинет директора школы искусств «Камертон» Людмилы Николаевны Ваднай находится на втором этаже мегионской школы-комплекса № №4 . Он просторен, широкими — классными — окнами обращен на юг. Хозяйка кабинета задержалась в городской администрации. Очаровательная ее помощница приносит извинения, просит подождать, а чтобы не скучал — предлагает посмотреть фотоальбом с кадрами постановки мюзикла «Пеппи — Длинный чулок», угощает чаем...

С интересом рассматриваю остановившиеся мгновения спектакля: яркие, экспрессивные, неожиданные — настоящий фейерверк красок, поз, выражений лиц! Некоторые исполнители узнаваемы. Кажется, даже сам директор школы Макаров!

Сколько труда и вдохновения потребовала постановка мюзикла от режиссера и актеров, можно догадываться, а сколько фантазии сноровки проявили костюмеры и декораторы — наглядно видно на снимках.

«Еще в апреле, — читаю газетную вырезку, вложенную в альбом, — когда в МОУ «школа-комплекс № 4» состоялась премьера мюзикла В.Дашкевича — Ю.Кима «Пеппи — Длинный чулок», поставленного по мотивам одноименной книги Астрид Линдгрен, стало ясно: у спектакля большое будущее.

А начиналось все с безумной идеи, которую пять лет вынашивали директор школы №4 М. Макаров и директор школы искусств «Камертон» Л.Ваднай. Им страстно хотелось поставить мюзикл собственными силами с участием детей и педагогов школы.

Тем, кто был посвящен в их план, этот проект казался неслыханной дерзостью. В него заранее никто не верил. Но и М. Макаров, и Л.Ваднай не без основания считали, что все необходимое для постановки мюзикла в школе есть: хоровой и танцевальный коллективы, свои хормейстеры и хореографы, художник — декоратор и художник по костюмам...»

— Простите великодушно за опоздание! — прервала мое занятие хозяйка кабинета, привнося с собой вечернюю прохладу и свежесть.

Сама она улыбчивая, разрумняившаяся, излучала энергичную доброжелательность и радушие.

Людмила Николаевна неспешно разделась, поправила прическу, что-то негромко сказала в приемной своей помощнице,

присела за свой стол. От ее присутствия кабинет стал уютнее, домашнее.

— С чего начнем? — спросила она меня, покончив со своими срочными делами.

— По крайней мере, не с этого, — сказал я, коснувшись фотоальбома, — с вашей родословной: с генезиса, как говорят геологи. Это, знаете, у меня «пунктик» такой: восстанавливать связь времен поколений...

— Да, уж наслышаны... — Людмила Николаевна добродушно, необидно хохотнула и добавила серьезно: — Спрашивайте. Не возражаю, и, более того, готова к такому разговору с удовольствием. Сама пыталась как-то нарисовать свое родное древо. Планирую изыскания продолжить... В нашей родне традиция: 15 июля каждого года собираться в поселке Духовское. Это в Самарской области. Прежде, пока был жив, собирал дед Сергей Федорович, теперь — дядя Володя, живущий в поселке.

— На следующей встрече, — поделилась она планами, — может еще, что интересное разузнаю: много родни съезжается — дальней и близкой. Из Москвы... Саранска... да, из Мегиона — тоже! Нас здесь целый клан!

1. Тимофей да Анисья

По материнской линии Людмила Николаевна самарских корней. Она гордится своей родословной, и, как все самарцы, своим приволжским краем: даже в самые советские времена они город Куйбышев звали Самарой, а себя — гордо! — самарцами

Матушка ее, Тамара Тимофеевна, в девичестве Севастьянова, родилась в поселке Крестовское Богатовского района Самарской области в сентябре 1935 года. Поселок этот располагался недалеко от Духовского.

(Какие названия-то: одного, близкого верующим ряда!)

Была она единственным ребенком в семье.

Семья — по меркам того времени жила в достатке.

Глава семьи, Тимофей Михайлович Севастьянов, местный, самаровец, 1901 года рождения. Работал лесничим.

Места вокруг Крестовского были красивые, богатые зверьем и птицей, заповедные: Борский заповедник на реке Кинель!

Как и многие специалисты, лесничий Севастьянов не избежал в 30-е годы репрессий: честно исполняя свои служебные обязан-

ности, он, несомненно, нажил немало доброжелателей, которые могли сигнализировать органам о его «вредительстве».

Когда Тимофея Михайловича арестовали, дочери его, будущей матери нашей героини, было год и семь месяцев. А при освобождении — ровно столько же было внучке — Людочке! Случайное, но какое драматическое совпадение: ведь между этими событиями прошло девятнадцать лет!

Оставшись с маленькой дочерью, жена Тимофея Михайловича не только не отказалась от него, как это случилось в те времена, но проявила лучшие черты, свойственные русской любящей женщине — жене и другу.

Тимофей Михайлович, находясь после лагеря на поселении в «стороне далекой», в ссылке, обзавелся новой семьей.

Даже посторонний человек может скорее осудить его, чем понять. А уж законной жене отвернуться и вычеркнуть из сердца изменщика сам Бог велел, вроде бы.

Однако, бабушка Анисья с горьким пониманием отнеслась к измене мужа: посылала в «сторону далекую» немудрящие посылки с житейски необходимыми вещами и мужу, и его жене-сопернице, и дочке их — Наде.... И что интересно. Если бабушка Анисья относилась к Наде терпимо, то Людмила мать Тамара Тимофеевна, к сестренке своей по отцу всегда относилась ревниво. И даже сейчас, по прошествии стольких лет, не может себя пересилить!

— А ведь мама, — с подлинным недоумением замечает Людмила Николаевна, — сама ДОБРОТА! Мягкая, улыбчивая, ласковая, отзывчивая... В школе ее лисичкой шутливо звали. И вдруг — такое неприятие сестрички.

А мне, кажется, войти в ее положение — можно!

Дело в том, что Надя росла с живым, реальным отцом — пусть с «врагом народа», в ссылке, но — живым, осязаемым, а Тамара с его тенью, с его, как теперь говорят, виртуальным отображением. А это, согласитесь, большая разница!

Это сегодня легко — выветренно! — звучат словосочетания: «враг народа», «семья врага народа», «дочь врага народа»... А в те времена они звучали грозно, уничижительно тяжело, с гиперразрушительным эхом. Страдали не только взрослые члены семей «врагов народа», но и дети. Вот характерный пример. После семилетки Тамара Тимофеевна поступила в стоматологический техникум. Но едва администрации техникума стало известно, что

она — дочь «врага народа», как ее тут же отчислили! За что? Чтоб — « не навредила»? Чтоб здоровые зубы вместо больных у советских людей не удаляла? Дико, правда? Но ведь — было! Было.

И хотя все превратности судьбы она перенесла стоически, вина за все незаслуженные страдания в детском сознании Тамары Тимофеевны спроецировалось, по всей видимости, на непрощеную сестренку...

Вернувшись, домой, по сути, через поколение, Тимофей Михайлович — снова по странности, требующей объяснения, — к внучке своей, героине этого очерка, отнесся достаточно равнодушно и холодно.

Казалось, должно было бы наоборот: будто время вспять ушло! Нет этих страшных, как кошмарный сон, девятнадцати лет, снова — молодость! Просто вышел за папиросами, кружку пива выпить с друзьями, вернулся, и вот она: большеглазая лопотунья дочка, которой год и семь месяцев, самый ангельский возраст! Встрепенуться, не заметить бы подмены, перенести бы на внуку отцовскую любовь, предназначавшуюся ее матери...

Перенести бы... Да не так, видно, все просто с человеческим сердцем и его памятью. Не каждое сердце, значит, может соединить в одно целое разновременные отрезки своей чувственной жизни, своеобразно шунтируясь, выбросив напроочь закупоренные страданиями куски ее.

Примечательно, что свою вторую внучку, Ольгу, сестру Люды, родившуюся при нем, дед любил горячо.

Дед был высокий, красивый, добрый, но — строгий, с устоявшимися привычками, обусловленными воспитанием профессией и, безусловно, образом жизни в «стороне далекой» в течение двух десятков лет. Одна из них — обеденный ритуал. За стол при нем садились в установленное время: минута в минуту. Еда подавалась порционно, меню обсуждалось заранее. За обедом не поощрялись посторонние разговоры и «развлекалка»: дед мог не только строгое замечание сделать, но и легонько ложкой по лбу стукнуть. Благо ложки были деревянные, да и бабушка Анисья заступницей была.

Когда Людмила училась в городе, дед навещал ее, а при встрече и прощании церемонно целовал в лоб, интересовался успехами в учебе, смотрел дневник. Занятия музыкой поощрял, был доволен успехами.

К своему дому в Крестовском сделал пристройку: столярную мастерскую, в ней — верстаки, стеллажи, стойки, инструмент развешан разнообразный, заготовки... Нравилось внучке в столярке: золотистая, пахнущая скипидаром — сосновая стружка, белая, пышная, словно пена, осиновая или березовая... Хорошо: бором пахнет, березовым соком! Но дед любил работать в одиночестве, и войти можно было в мастерскую только с его разрешения. Потому и помнится мастерская!

Во дворе у него была голубятня...

...О-о! Это не в связи с борьбой за мир во всем мире и не в честь голубя мира Пикассо — увлечение голубями! Это старинная русская забава, занимавшая и подростков, и зрелых мужей, и почтенных дедов! Жестоко голодая сами, голубятники сохранили своих «дутьшей», «трубастых», «перламутровых», «мохноногих»... и во время войны, и в нелегкие послевоенные годы. Я не имел ни пары голубей, но мне никто не мог запретить, запрокинув голову, наблюдать за тающими в синеве «символами мира»: их плавным — кругами — полетом и потрясающими акробатическими кульбитами... Я забывал обо всем на свете, а что уж говорит про голубятников! Они, казалось, сами вот-вот воспарят в небо и закружат вместе со своими питомцами!

Была у Тимофея Михайловича собака по кличке Дик, к которой он был очень привязан; собака платила ему тем же: когда он умер, Дик долго кружил по его следам и жалобно выл.

Прожил после реабилитации дед восемь лет, пользуясь уважением родни и земляков: все звали его только по имени-отчеству.

Похоронен бывший лесничий в поселке Крестовском.

Села, к сожалению, уже нет. Остался кладбищенский бугор с крестами, оградками и пирамидками под деревьями. Голуби, если залетают, то дикие: вяхири, и стонут к грозе.

И еще интересный момент. Вернувшись из ссылки, Тимофей Михайлович Севастьянов посадил на околичном бугре поселка березку и ель. Деревья прижились, переплелись корнями и до сих пор стоят. Кто-то, шутя, назвал их Тимофей да Анистья. Так и пошло в обиход: «Встретимся, где? Да у Тимофея с Анисией...»

Анистья Капитоновна, в девичестве Морозова, родилась 7 января 1904 года, в день Рождества Христова.

Может, этим и объясняется ее всепрощающая любовь да ангельское терпение? Может, поэтому и не было у нее врагов всю жизнь — кроме тоталитарной системы?...

Ее семья — Морозовых — была многодетной, жила бедновато. Поэтому Анисье в молодости пришлось узнать почем фунт лиха: пожить в няньках у чужих людей.

Была она тихая, заботливая, трудолюбивая. Несмотря на бедность, одевалась чисто, аккуратно, со вкусом и деревенским изяществом. О ее внутренней культуре говорит доброжелательное отношение к людям вообще и уважительно к сирым — в особенности привчала и нищих, и цыган, не унижая человеческого достоинства. На сетования родных и знакомых: чего, мол, с ними нянькаться? — резонно разъясняла: «А как же? Люди ж! Жизнь у них так сложилась...»

Морозовы — семья дружная, веселая! С сестрами Анисья общалась по-родственному сердечно, по-дружески доверительно. Работали они часто артелью. И даже, когда стали жить своими семьями, тесных связей не прерывали.

Дом Анисьи Капитоновны был притягателен и для домашних, и для родни, и для соседей: песни, шутки, безобидный смех, веселье царили в нем. И в такой обстановке даже самая рутинная деревенская работа спорилась!

Свою религиозность бабушка Анисья не афишировала, но иконки у нее всегда были — хоть и в укромном уголке, но — прибранные, ухоженные, по старинному обычаю обрамленные вышитыми рушниками, а то еще и лампадочкой освещаемые. Она была по-деревенски образованная, знала житие и подвиг Христа и его апостолов и много притч, которые любила рассказывать при подходящем случае. Когда, будучи взрослой, внучка привозила ей цветные репродукции картин на библейские темы известных художников, она искренне радовалась им.

У Людмилы с бабушкой Анисьей были отношения даже более доверительными, чем с матерью: она с ней советовалась по самым разным поводам, находя обычно понимание и поддержку, и ее мнением дорожила.

«Ой, Люда! Что ты опять придумала: такой вырез! Все у тебя не как у людей!» — корила, к примеру, Тамара Тимофеевна смелого «модельера» за слишком большой, с ее точки зрения, вырез у только что сшитого дочерью платья.

Но бабушка вступалась за внуку: «По-моему, очень даже мило! Для взрослой женщины, конечно, несколько вызывающе, а для молоденькой девушки — вполне!»

Младшая же сестра, Ольга, пользовалась большим расположением деда. Их так и звали: Люда — бабушкина внучка, Ольга — дедушкина. Хотя нужно добавить, что в последние годы жизни в отношении деда к старшей внучке произошли изменения: появилась теплота...

Анисья Капитоновна пережила мужа почти на тридцать лет.

В декабре 75-го Людмила вышла замуж за Павла Вадная, и в медовый месяц молодожены приехали в Крестовское и первым делом к упоминавшимся уже Тимофею и Анисье: обнявшись на бугре деревьям, посаженным когда-то бывшим лесничим.

«Господи! Хоть бы их не спилили!» — заклинала Людмила.

Деревья были живы.

По снегу нехоженому добрались они к приткши друг к другу ели и березе, открыли шампанское, разложили закуску...

Людмила Николаевна рассказывала мужу о Тимофее Михайловиче, об Анисье Капитоновне, и деревья, словно живые, вторили ей тихим невнятным голосом...

Полдня провели молодожены там, намерзлись. «Простыть ведь могли!», — попеняла им мать позже. Но они чувствовали себя приподнято: словно благословение получили от Тимофея с Анисьей!

Когда родилась у них дочь, назвали они ее в честь бабушки — Анисьей.

II. Сергей да Марфа

Сергей Федорович Мельников, дедушка Людмилы, родом из Новосибирска. Был он трудолюбив, внешность имел представительную: крупный, носатый, по-мужски красивый. И голос имел мужественный: бас. Был старшим из семи детей Федора и Домны Мельниковых. Семья жила в достатке. В 23-м году Сергей Федорович женился. И, отделившись, своим трудом и сметкой приумножил свое благосостояние — за что и поплатился: был раскулачен.

Чтобы не попасть в ссылку, вынужден был натуральным образом бежать в центральную Россию, прихватив только детишек и беременную жену. Остановились они после скитаний в Духов-

ском и пустили там корни: первоначально жили в мазанке, затем построились.

Сергей Федорович прошел трудными дорогами войны, от начала до победного конца, и пробыл в армии еще шесть лет.

Будучи военным, строил павильоны ВДНХ и другие объекты.

Бабушка Людмилы, Марфа Ивановна Шигаевская, родилась в 1903 году в селе Ларьевка Пензенской губернии. Происходила она из духовного сословия. Родственники по ее линии и ныне отправляют службу в храмах и церквях Саранска. Родители имели лавку. Были раскулачены во время первой волны установления социальной справедливости в деревне.

Семья Шигаевских была певческая: в церковном хоре пели и родители, и дети. К обоюдному удовольствию и муж Марфы Ивановны также оказался любителем пения.

Певала Марфа Ивановна с мужем частенько на два голоса.

Красиво это у них получалось: душевно, трепетно, если не сказать большего. И выглядел этот дуэт очень трогательно? Сергей Федорович — крупный, глыбистый, и рядом с ним — маленькая, изящная Марфа Ивановна.

Семья у певчей четы была многодетная: три дочери и четыре сына.

Николай Сергеевич, Людмили́н отец, родился в мае 28-го года в Пензенской области, был он третьим ребенком: старше его были Надежда и Константин. Учиться ему много не пришлось: во время войны свалились на него заботы о младших братьях и сестрах.

В послевоенное время стал он строителем. Стремление созидать настолько вошло в кровь его и плоть, что и сейчас, когда всевозможные нагрузки воспрещены ему, он не может удержаться: все что-то строит, реконструирует — всегда в делах!

Любопытная деталь. Николай Сергеевич строил здание сармского стоматологического училища, а его внук Станислав Ваднай учился в нем. Таким образом, внук осуществил мечту бабушки, Тамары Тимофеевны: появился все-таки в их роду стоматолог! Как все в жизни перекручивается, перекликается...

Ныне Мельниковы живут в разных концах России. В Духовском — самый младший из братьев — Владимир. Александр — чуть не с самого начала нефтяной биографии Мегиона — стал мегионцем. Мегионский клан Мельниковых разросся: четверо

двоюродных братьев Людмилы Николаевны живут здесь семьями, поддерживают с ней теплые родственные отношения.

У трех поколений Мельниковых выявила она три характерные черты.

Первая и самая главная: любовь к детям.

Любить своих чад — это многим свойственно. А у них — к детям вообще! К своим. К чужим. К грудничкам. К почемучкам. К капризулям. К ангелочкам. К грязнулям... Ко всем! Ни на кого не жалеют своего — тоже нехватного! — времени. Не жалеют на подарки — по поводу и без! — тоже нелишних! — денег. И — самое главное! — не жалеют любви!

И вторая черта: все Мельниковы — работающие! Не просто трудолюбивые, а именно — работающие! Трудолюбие у них естественным образом сочетается с умением. Это как будто про них сказано: «работа в руках горит» и «золотые руки».

И третье: все они любят петь. Любят и — умеют!

Музыкального образования ни у кого из них нет, но все они играют на каком-нибудь инструменте, все — отменные слухачи: попробуют... так! так... и — заиграли! Все братья на балалайке и домре, на баяне и гитаре, а Николай Сергеевич — и на пианино!

Тамара Тимофеевна как-то рассказывала дочери про свою золовку, Надежду Сергеевну, ныне самую старшую из Мельниковых, и про мужа своего, Николая Сергеевича: «Со смеху умереть! Она — пляшет, он — играет. Ему — семьдесят, а ей, сестре-т, и того более: семьдесят пять годков. И что? Первое место заняли в смотре!»

— Мама моя петь не умела, но к песне относилась бережно, свято, — говорит Людмила Николаевна. — А вот другая сноха, Марина, самая младшая, дяди Володина жене, так та — поет... По профессии она пчеловод, в пении — самоучка, но — какой голос, какой слух! Голос — небесной высоты, душу очищающий. Когда Марина поет — у всех на устах — не на губах! — на устах улыбка счастливая, лица преображенные, красивые! Я вот приезжала — с музыкальным образованием когда уже, более того, преподавателем вокала! — ведь не меня просили спеть, а ее: «Марина спой!». Попросят и затихают: сердцебиение только и слышно... А многолосьем когда пели?! Полсела собиралось у дома: слушали.

Как живые стоят перед внутренним взором Людмилы Николаевны и Сергей Федорович, и Марфа Ивановна...

Бабка Марфа!...Какие пекла она хлебы! Во-от такие караваи, которые называла почему-то пирогами. Поэтому в доме часто пахло острым парфюмом дрожжевого теста, пыхтящего в деже. И после выпечки — ни с чем не сравнимым духом свежего хлеба... Знала она секреты хлебопекские: хлеб у нее получался упругий, вкусный, долго не черствел. «Ешьте — угощала она многочисленных внуков и внучек: — Молоко вон да пирог!» — показывала на огромный с трещиноватой коркой в мучной присыпке тепло дышащий каравай.

Любили они с внучкой Людочкой друг друга, но в их отношениях не было такой простодушной открытости и душевности, как с бабушкой Анисьей: чувствовала внучка, что бабушка Марфа не хочет открыть ей все тайники своей натуры, и поэтому, как бы веяло от нее неким флером таинственности...

Нравилось бабушке Марфе ходить босой. «Земля дышит, как живая! — говорила Марфа Сергеевна, поджимая с таинственной усмешкой миниатюрные губки, — босыми-т пятками общаться с ней приятнее, чем через подметки, духовнее...»

III. Людмила

Родилась Людмила 15 июня 1954 года в городе Самаре, прославленной на весь мир знаменитой Руслановой: «Ах, Самара-городок...»

Родилась она не в центре, а в той части Самары, которая называлась Безымянкой. В Безымянке селился, в основном, деревенский люд, перековывавшийся в «наиболее сознательную часть общества — рабочий класс»!

Ее мать, Тамара Тимофеевна, специального образования не получила, рано вышла замуж, и работала на знаменитом ныне авиамоторостроительном заводе модельщице.

Модельщица заводская!

...К сожалению, это ни чем не связано с подиумом, где — восхищенные взоры и аплодисменты, увы — нет! Автору приходилось бывать в цехах, где по образцам, выполненным заводскими модельерами, отливались образцы — и штучные, и ширпотребовские. Доводилось видеть и то, что представлялось на подиумах. Поэтому имею право сказать, что, как говорят в Одессе, «две большие разницы».

Изначально, иль приобретенная у Тамары Тимофеевны тяга к ваянию так или иначе проявлялась: из парафина отливала, из пластилина лепила сказочные фигурки внукам и племянникам.

Отцу, Николаю Сергеевичу, как уже отмечалось, вдоволь поучиться не пришлось.

Он был в своих предков: высок, кудряв, красив, силен, работающ. И не удивительно, что в армии ему пришлось служить в Москве, в комендантской роте Кремля и даже стоять на посту номер один!

Выправка у него и до службы в Кремле была гвардейская — с высоко поднятой головой, а уж после и говорить нечего: сохранилась до глубокой старости! Чем Тамара Тимофеевна при случае и пользовалась, чтобы кольнуть мужа: «У-у! Часовой поста номер один! Голову-т выше нормы задрал: причастился, знать, изрядно...»

Жили они в одноэтажном доме, тесновато, с бабушкой Анисьей, впятером. На лето, правда, бабушка уезжала в деревню — в Крестовское.

После реабилитации деда Тимофея бабушка Анисья вернулась в свой деревенский дом насовсем. Но зато у них поселился на время младший дядя. И вообще, многие из родни у них время от времени квартировали. Но, как ни странно, Людмила Николаевна ни в раннем детстве, ни во время учебы тесноты и неудобства не испытывала!

Никто ни из Севостьяновых, н из Мельниковых не имел музыкального образования.

Николай Сергеевич, заметив, что дочь пошла в их — певческий! — корень, очень возжелал дать ей музыкальное образование. И даже де Тимофей Иванович поощрял ее музицирование.

Сама же Людочка — бабушкина внучка, — весьма похвально успевая в общеобразовательной и музыкальной школах, о музыкальной стезе и не помышляла? она видела себя преподавателем литературы!

Однако, после девятого класса Тамара Тимофеевна раззодорила дочь, а почему бы не попытаться ей — из любопытства! — поступить в музыкальное училище?! Попытались и — попытка оказалась удачной!

На семейном совете было решено, что Людмила станет первой в их роду профессиональным музыкантом.

Отец ее был отличным настройщиком и инструмент выбирал для дочери сам: подходящее пианино смог найти только Москве!

Музыкальные способности Людочки Мельниковой были замечены еще в младших классах школы. Школьным хором руководил тогда самарский композитор Александр Григорьевич Пороцкий. Он обратил внимание на голосистую хористку-четвероклассницу, и она стала незаменимой солисткой руководимого им хора. Хор участвовал в смотрах, выступал в концертах, даже записывался на радио и ТВ. Люда пела с удовольствием и — любимым голосом! В дальнейшем она солировала в эстрадном коллективе ДК «Победа», участвовала во всевозможных конкурсах, тапа «Алло, мы ищем таланты».

Еще в училище Людмила получила трудовую книжку: работала с вокалистами и хором ДК «Победа» города Самары.

Приобщаясь к музыке профессионально, она поняла — как много ей дали в детстве старшие родственники. Ведь или они, как правило, не на один голос: на два, на три, да еще и — стих найдет, — с подголосками!

После училища Людмила Николаевна работала одновременно с тремя хорами: ДК «Победа» Дворца спорта (детский хор) и планового института (хор студентов).

Каждый хор был интересен по-своему.

В хоре студентов, например, пел даже один негр, у нее сохранилась афиша о выступлении этого хора. Но памятен ей этот хор еще и тем, что однажды, после выступления, к ней подошел декан музыкального факультета пединститута Ощепков Владимир Михайлович и заявил во всеуслышанье: «Людмила Николаевна! Если согласны, считайте, что вы у нас — учитесь!»

«Я выросла в своих глазах: как? не представите! — смеется она, — я была тонкая, звонкая: сорок восемь килограммов весила. Да в длинном платье — вообще тростиночка. «Людочка» всю жизнь, не иначе. А тут вдруг — впервые в жизни! — «Людмила Николаевна...» Не захочешь — вырастешь!»

«Выросла» и пошла учиться в институт...

Училась в институте с интересом: благодарно, как губка, впитывала а себя знания, постигала педагогическое и исполнительское «ноу-хау» преподавателей и известных в музыкальном мире людей, час навещавших Самару. Ей повезло: ее педагогом был декан факультета и, когда он встречал именитых гостей и

общался с ними, она часто бывала вместе с чим и могла купаться в особой творческой ауре знаменитых музыкантов. Напоминанием о той поре служит программка авторского концерта Тихона Хренникова с автографом: «Людочке Ваднай с сердечным приветом!» Подпись композитора и дата: 25-26 января 1978 г.

После госэкзаменов в институте председатель государственной комиссии приглашал Людмилу Николаевну в Москву в аспирантуру. Но она предпочла работу в школе искусства, где стала заниматься с детьми по экспериментальной программе Кабалевского

Изюминка программы — в ее комплексности. При умелом использовании программы педагог способен вызывать у обучаемого ответные, созвучные теме произведения, чувства — чувства радости, печали, веселья, грусти... Наводить его на раздумья... Доводить даже до слез! Жестоко? На мой взгляд, если это не слезы отчаяния, а слезы радости, сочувствия, покаяния, то — нет! они приносят облегчение, они — спутницы прощения и любви, этих слез не надо стыдиться! Они — свидетели пробуждения души.

Десять лет проработала Людмила Николаевна в родной школе искусств. С интересом, творчески!... Обучая и обучаясь, совершенствуясь как музыкант и педагог, радуясь успехам учеников и терзаясь, если не удавалось в ком-то из них разбудить внутреннюю потребность в познании мира прекрасного, мира красоты...

Оказалось: труд музыкального педагога — это своеобразный подъем на «голгофу», и пусть у него не десять, а семь «заповедей», но главное, что и он сам, и его ученики — апостолы должны следовать им беззаветно, с верою нети свой «крест»!

И она — на своем примере! — поняла, что служение музыке, трудничество, как говорят монахи, начинается с детства, с детских игр, с детских постановок.

«Детские игры — проекция взрослой жизни». Эта фраза в моей записной книжке закавычена.

«Чья это фраза? — думаю я сейчас. — Чьей жизни — проекция? Нынешней — взрослых? Или взрослой — в будущем — детей?...»

Видимо, это сказала (или процитировала) Людмила Николаевна — если об этом судить по контексту: далее там идет речь о

том, как маленькая Людочка у бабушек в деревне ставила спектакли.

Детские спектакли! Потрясающая возможность перевоплощения! Актеры, сценаристы, режиссеры, декораторы, костюмеры, суфлеры, дублеры, рабочие сцены, осветители и даже зрители — сами!

Эх, дрожите, бабушкины сундуки, антресоли, чердаки и ... даже шифоньеры! шторы и портьеры!...

В бабушкином селе был заброшенный дом. Девятилетняя Люда с друзьями прибирались в нем, натягивали веревки, развешивали простыни, шторы, шали, приносили скамейки, табуретки и приглашали деревенских театралов. Бабушки узнавали свои платки, сарафаны и прочие вещи — и на следующий год добровольно вручали своим лицедеям узелки: вот вам, мол, наготовили — чтоб сундуки не потрошили! Нравилось взрослым: и при деле детки. и, главное, душевно богаче становятся, переживая на импровизированной сцене чужие жизни.

И — какое же детство без качелей!... Без ощущения замирающего полета! А-а-а-х! — и только небо перед взором. Х-аа! — земля под ногами во весь твой окаем! Платье колоколом, душа поет!

По душе Людмила Николаевна порой ощущает себя той — девятилетней — Людочкой...

«Как на качелях? Р-раз! — и вам уже девять?...» — спрашиваю.

«Что-то вроде этого: могу трансформироваться в любые возрастные эмоциональные состояния! Может быть это и помогает общению и с детьми, и с коллегами» — отвечает, будто удивляясь, собеседница.

«Лет на пятнадцать назад, слабо?»

«Это — как мегионкой стала? — Людмила Николаевна сосредоточенно задумывается на секунду, и воодушевленно преобразаясь, говорит: — Все-все помнится! И как в Мегион приехала: у меня ведь здесь дядя был и двоюродные братья. И как в эту школу пришла...»

Первое время Людмила Николаевна работала в администрации города — заведующей методическим кабинетом гороно. Но желание вернуться к преподавательской деятельности не покидало ее. Тем более, что директор школы Михаил Иванович Макаров, — а взгляды на эстетическое воспитание детей у них полно-

стью совпадали! — постоянно приглашал ее на работу к себе. Окна ее кабинета выходили на улицу Ленина, и она могла смотреть по утрам на идущих в новую тогда школу детишек... Но самым весомым аргументом оказался такой жест доброй воли со стороны директора школы.

Когда после перевода УПК на новое место, у него появились свободные помещения для размещения школы искусств, Макаров предложил Ваднай первый этаж. Она поморщилась: ее это вариант не устраивал.

«Где бы вы хотели? — поинтересовался Михаил Иванович?

«В библиотеке!» — надеясь, что получит отказ, ответила она.

Директор «заявочку» оставил без комментариев...

Людмила Николаевна обедала в школьной столовой. Каково же было ее удивление, когда в обед она увидела школьников, переносивших библиотечные книги...

«Знаете, до слез меня прошибло! — взволнованно вспоминает она событие десятилетней давности. — Раз человек ради искусства идет на все, я должна отплатить ему тем же! И я дала себе обещание: как бы трудно ни пришлось, из этой школы — никуда! И даже — если будут золотые горы сулить в другом месте». Так началась ее подвижническая работа по реализации своей подвижнической концепции.

IV. «Пусть каждая струна в душе звенит...»

«Расскажу случай. Хотите верьте, хотите нет, дело ваше. А я — верю! Не потому, что знаю: это было. А потому, что нечто подобное должно было случиться: не там, так здесь!

Итак: случай. О нем, кстати, многие, к музыкальному образованию имеющие дело специалисты, помнят.

Итак: весенние экзамены... Славная погода: май!

Музыкальная школа. Класс на втором этаже. Выпускник только что исполнил обязательное — последнее! — задание. Учился — хорошист! Чуть не отличник! И на экзамене не подкачал: пять! То есть, отлично. Куда лучше?!

Только объявили ему мнение экзаменационной комиссии — он подходит к окну — к открытому, конечно, по случаю прекрасной погоды — и выбрасывает дорогой, но опостылевший за годы обучения баян...

Анекдотичный случай, но не смешно: трагедия!

Молчим мы с Людмилой Николаевной дружно и долго.

«Получается, не так уж и шутил Ходжа Насретдин, обещая эмиру, что он обучит осла, и тот будет читать коран... — прерываю затянувшуюся паузу.

«Да! — соглашается собеседница, и, надломив брови, самоуглубляется: глаза ее, подвластные внутреннему взору, скользнув по мне, словно бы начинают изучать абрис девятиэтажки за окном. — Этот прецедент говорит... не говорит: вопиет! о насилии над душой маленького, но талантливого — безусловно, талантливого! — человека. Не раскрытием его способностей занимались наставники, а — элементарным тренажом! Вот и получается, что явно одаренного мальчика муштрой, дрессировкой задавили, вызвали отвращение к музыке, внутренне сопротивление. А подойди педагоги к нему мягко, может быть через игру, но — вызови они у него интерес, желание обучаться, — какой бы, возможно, вышел из него незаурядный музыкант! Затронули они вовремя его баянную струну, и она бы звучала у него всегда мощно и талантливо, а не оборвалась бы после экзамена...

Мы в своей школе... — суховато, и даже устало говорит Людмила Николаевна, — стараемся разбудить у ребят душу, все ее творческие струнки — даже самые тонкие, с паутинку! — укрепляем их, настраиваем — чтобы они зазвучали гармонично и полнозвучно.

И ученики нас радуют! не только тем, что их работы, их выступления вызывают определенный общественный и профессиональный резонанс (соответственно и всевозможные дипломы, награды и т.п.) а скорее своей раскрепощенностью, открытостью к восприятию красоты жизни во всех ее проявлениях. Недавно Дима Юшин, один из участников мюзикла, выпускник, пожаловался: Людмилнкалавна! Людмилнкалавна!... Я ж только-только стал раскрываться и вот — приходится расставаться... Жаль!

...вот это сожаление о грядущем расставании ученика с учителем, со школой — не является ли оно главным достижением педагога?

В семье Ваднай двое детей. Старший сын, Станислав, музыкантом стать не захотел: с детства ревновал мать к инструменту (что поделать, матери приходилось много времени проводить у пианино, и хороших чувств оно у сына не вызывало), зато он

осуществил, как отмечалось, мечту бабушки: стал стоматологом. И еще он очень полюбил сестричку, которая была на десять лет младше его: был ее прекрасным нянем! Анисья, так ее называли в честь бабушки, музыкальные способности проявила чрезвычайно рано и вызывала у всех восхищение. Сейчас она занимается по классу вокала, фортепиано, в театре «Камертон». Модница. Увлекается английским. Любит литературу. Везде обучается спешно. Мечтает о пединституте. Возможно, пойдет по стопам матери.

О своих коллегах-единомышленниках Людмила Николаевна отзывается только в превосходных степенях, выделяя завуча Елену Ивановну Семенову — с ней они вместе с самого основания школы.

В текущем году у Людмилы Николаевны целый букет сугубо личных и общественно значимых юбилеев: 10 лет школе искусств; 15 лет, как она мегионка; 25 лет (с плюсом небольшим) трудовой деятельности; 25 лет супружеской жизни. С чем и поздравляю ее от имени читателей, а с серебряной свадьбой — и Павла Вадная!

ЛИКИ ТВОРЧЕСТВА

Стараниями многих «певцов» и «знатоков» Севера, претендующих на лавры первооткрывателей, не менее, создан определенно негативный образ северянина. Если это абориген, будь то хант, ненец, чукча или русский, потомок старовера, беглого каторжника, ссыльного или переселенца, то обязательно алкаш, дикарь, наивняк до первобытности, в крайнем случае, — трудяга и рубаха-парень. А те, кто удвоил или утроил население тундры или тайги во время золотого, алмазного или нефтяного бума, не лучше, если не хуже: погнались за длинным рублем, в отношении выпивки и наива и аборигенам фору дадут; ну честны там, отзывчивы, бывает, но в массе мол, в лучшем случае, хорошие специалисты, технари; с эстетической же точки зрения, по культурному уровню, по духовным запросам — «чукчи» и «алеуты». Поохотиться, порыбачить, «дернуть» и уткнуться в телек — это их! «Русская водка, черный хлеб, селедка...» Северятина!

Сами северяне современные тоже способствовали формированию такого имиджа и поведением, особенно в длинных и редких северных отпусках (эдакие купринские купцы-сибиряки или мамин-сибиряковские старатели в бархатных онучах), и самоуничижительными откровениями...

Но это не так: нельзя по пене судить о потоке!

Северная природа приглядна, а уж северяне и подавно!

Просто не нужно быть «ленивым и нелюбопытным» и увидишь: земля сибирская прекрасна и обильна, а люди трудолюбивы и талантливы, неброски и скромны.

— А вот это... Юрий Федорович сотворил, когда в шестом классе учился.

Наталья-старшая подала мне черную лаковую шкатулку, инструктированную золотистой соломкой.

— Подарок! Матушке своей, Александре Андреевне, на день рождения. Вон еще когда талант у Юрия Федоровича прорезался! — голос у Натальи-старшей виолончелисто низок и плавен, интонационно своеобразен: ударные гласные нараспев, особенно в конце фразы. — Шедевр прикладного искусства, правда?

Она подчеркнуто иронична, мужа называет официально по имени-отчеству, но в лукаво брошенном взгляде — ласка, любовь и гордость за него.

— Да уж — шедевр! Ученическая поделка... — Юрий Петрович смущенно и оттого басовито возражает. — Вот, посмотрите: работа «конкурента» семейного по резьбе. Наталья-младшая, дочь, сработала. Рамочка, конечно небольшая. Орнамент простенький, но!.. ножиком простым выполнен! А дело было так. Загорелось Наталье-дочери попытать себя в резьбе. Просит: «Папа, дай инструмент!» — Нет, — говорю, — дочь, ты ножиком попробуй, а я посмотрю: стоит ли тебе инструмент доверять. Думал, не решится. А она раз! и сделала. Куда деваться? Допустил к инструменту: заслужила!

Переполненный впечатлениями, удивленный, восхищенный, ошарашенный многоликостью творческих дарований Юрия Федоровича Мишина, его супруги Натальи-старшей, младшей дочери Натальи, я сидел уже много часов в тесной, заставленной будущим антиквариатом квартире, а из «запасников» извлекались все новые и новые «экспонаты» народного творчества, высокого ремесла и самого настоящего, на мой взгляд, искусства...

Юрий Федорович Мишин четверть века живет в Мегионе и работает в одной и той же организации с момента ее основания — СУ —920. По этому поводу мы с ним встретились в бытовке столярного цеха, прокуренной и неудобной.

Поначалу Юрий Федорович отнекивался: да че, мол, про меня, поинтереснее люди у них есть. Потому и говорил о себе скупо.

Родился в Красноярском крае, на станции Ужур — это между Абаканом и Ачинском, в сентябре 36-го года. Отец, Федор Алексеевич, был кадровым военным; мать, Александра Ивановна, домохозяйничала, как обычно жены военных. Отца перебрасывали часто. Родом он был из Оренбургской области. Деды и прадеды по отцу были хлебопашцы, в гражданскую погибли.

Родня по матери — тоже оренбуржцы. Финскую отец начинал лейтенантом, отечественную закончил майором. Перед уходом в запас служил в Коми АССР, в 48-м вышел на пенсию и построил дом на родине предков — в Бугуруслане. На Оренбуржье. Две сестры, учительница и фармаколог, кстати, до сих пор живут в тех степных краях.

Краснодарский край — Ужур, Боготол... Коми АССР — Сыктывкар...

Оренбуржье — Бугуруслан, Пономаревка... Музыка слов, реальность звуков, светотени слогов... графика теней в лунную ночь... преобразование звука в цвет, а цвета — в рисунок, рисунок

ка — в образ, образа — в мысль... Не в этом ли истоки многоличия интересов Юрия Федоровича? Разные, непохожие один на другой ближние и дальние планы и горизонты, краски конкретных предметов и колориты целых сезонов: весны, осени, лета и зимы? Интонации, тембр, теплота, плавность, холодность, созвучность голосов соседей, случайных прохожих, собак, птиц, шума крон, порывов ветра, шорохов растущих трав, быстрых и шаркающих шагов, шелеста и старческого ворчания дождя?.. Где они — истоки творчества, побудившие мальчишку взять в руки ножичек остро отточенный камнем, рубанок дедовский, кисточку или карандаш, если нет — уголь из очага! — чтобы материализовать те чудные, радостно трепетные видения, которые пока только и есть в голове, в душе, где-то там — в сердцевине тебя! — и от которых — в страхе, что они могут навсегда, не воплотившись в понятные другим людям знаки, — исчезнуть — так бьется сердце!

Может, скорее, в необходимости испытывать радость самому, а потом уж — приносить ее другим?

Юрий Федорович помнит: во время войны они жили в Боготле в огромной — на самом деле или это казалось ему от личной малости — комнате, и мать каждый год устраивала своим и соседским детям елку, от которой до сих пор у него теплеет под сердцем и веет — праздником!

Не желание ли доставить — ответно! — радость матери двигало его благодарным мальчишеским сердцем, когда он мастерил шкатулку, о-которой я уже упоминал? И многие. Многие другие подарки, вещички, безделицы родным, близким, друзьям, знакомым и просто так, для красоты, чтоб время не тратить зря или, иной раз потому, что рисунок понравился, фактура камня, изгиб сучка, форма коровьего рога прельстила, цвет закатного неба смутил или просто — в душе засвербело...

Но все это — на уровне подсознания, в крайнем случае «про себя»: среди всяких фантазий и несбыточных желаний и мыслей о самобытности, избранности. А вслух, в многолюдной реальности: как все! Потому и мысли не было учиться мастерству специально: что есть от Бога, то есть. После школы в институт не поступил и был призван к себе военной «музой»: в морскую авиацию, на Дальний Восток (чуть в подводники не угодил!). На Сахалине, в Корсакове; окончил школу младших специалистов по обслуживанию электрооборудования самолета-

тов: служить пришлось в Совгавани на базе стратегических бомбардировщиков.

Служил, как и все сызмала делал, со старанием, любопытной приглядкой и интересом: всякое случалось за три года службы, но жалости к себе или уныния не испытывал: помимо всего скрашивались эти годы неповторимым чувством солдатской дружбы. Располагали к дружбе его доброжелательный характер: чувство юмора, самоирония и, конечно, его золотые руки, которые могли из ничего (вполне приемлю сравнение: как у Анны Ахматовой стихи — из сора!) сделать «картинку»: из консервной банки — удивительной красоты абажур для лампочки или пепельницу, из куса плексиглаза — мундштук, рукоятку или шкатулку с изморозью такой, что только лишь в Кунгурских пещерах и доведется зреть, а на плоской, шлифованной океанским прибором, гальке — лелеемую сердцем миниатюру...

— Демобилизовавшись, приехал в Бугуруслан к родителям: поступил на радиаторный завод, стал работать на электрошовой машине... Встретил Наталью, женился. Мать у нее — из поволжских немцев, самостоятельная женщина такая: не подступись! Расположение будущей тещи чем завоевал? Был в гостях, и одного взгляда хватило, чтобы к следующему посещению... подарить ей ножную прялку! Новую! Но — истинно поволжско-немецкую и — бесшумную, послушную...

В 71-м свояченица уехала в Мегион, пишет: понравилось! Зовут к себе. Прилетели в гости. По городу идут — воздух чистый, расположение вдоль реки — приятной; компактно все. В магазине — яблочки венгерские, китайские, колбасы там всякие, сыры... Ну — мясо там, тушенка-сгущенка и т.п. Шмотки — тоже в «ассортименте», вплоть до полушубков и унтов. Как говорится, чего пожелаешь, все — есть!.. Приезжает домой, говорит Наталья: «Едем!» Она: «Не срывай меня!» Он: «Поедешь!» И — взяло его: собраны чемоданы, ждут вызова... И вот — вызов! Приехали 31 октября, а 1 ноября выход на работу! В СУ-920... Числился маляром, а занимался оформительскими работами, и малярными, и живописными. Ко всему: плотничал и столярничал. Даже — кузнецом был! В общем, кем только ни был за четверть века. Одним словом — мастер на все руки.

Юрий Федорович рассказывает о себе скупое, даже неохотно. Возможно, сама обстановка курилки не располагала, к тому же постоянно заглядывали люди: товарищи по работе и заказчики.

И только когда я попросил рассказать его о работах, сделанных для души, — а я интуитивно почувствовал, что они у него должны быть! — он оживился и пригласил меня к себе домой: не только он, но и его «семейные», как он сказал, понимают толк в «в ремесле, а, может, и в искусстве». И показать ему — работы жены и дочери, — захотелось! Ну и свои.

И вот, мысленно похваливший себя за проявленное любопытство, я в течение нескольких часов рассматриваю «разноликое» творчество семейства Мишиных....

...Приклад «вертикалки», сделанный ... нет, не сделанный — сотворенный из удивительного, с непредсказуемо-малахитовым узором, березового нароста — капа...

Не говорю уже о совершенстве форм приклада, птиц, масок и других изделий из того же чудо-материала, изваянных хозяином, другого слова и найти не могу, свидетельствующих о его скульптурных способностях, ибо чтобы почувствовать внутреннее строение капа, хаос его скрытых от глаз поверхностей и объемов, необходимо иметь всепроникающее душевное зрение бажовского Данилы-мастера.

...Натюрморт «Полевые цветы». Своеобразная теплых тонов цветовая гамма. Хорош, композиционно уравновешен: прелесть! Восхищение усиливается, когда при ближайшем рассмотрении узнаешь, что вместо пастельно-энергичных мазков здесь всего лишь семена различных злаковых растений (порою — микроскопической величины!)

Глядя на такие вещи, воистину уверуешь: если уж человеку доступны такое долготерпение и фантазия, то уж Всевышний тем более мог сотворить такое разнообразие и земное, и космическое!

— Дочь, это доченька сотворила... младшая, Наталья... В Санкт-Петербурге сейчас, на учебе... — Юрий Федорович добродушно усмехается. — Ну, не поверите ведь, преподаватель музыки, а когда дачу строили, смотрю как-то — она забор городила — вот так, что с правой, что с левой, — хозяин приподнялся и, будто заправский мим, изобразил, как дочь, перекидывая молоток из руки в руку, играючи, словно пальчиками по черно-белым клавишам, вгоняет в штакетины гвозди с одного маха...

— А вот это — ее работы маслом...

Передать картину художника словами невозможно, но невозможно и отказаться от попытки этой: слова так или иначе дадут

представление о ней и даже дополнят, и она заживет в некоей своей, словесной, ипостаси...

Типичный приобский пейзаж: безбрежные сора вокруг, и среди них — твой, словно в закоулках всемирной души, всемирного знания, обетованный твой уголок, недоступный постороннему взгляду, более того — даже отцовскому, супружескому: здесь, у поросшей рогозом неяркой протоки, ты можешь порыдать о своей шалопутной, как у братца-Иванушки, судьбе или, наоборот, порадоваться своему счастью-злосчастью, как сказочный Емеля.

...Аллегорическая картина: дитя, выбегающее из лесной чащи, и неслышно-невидимо ангел-хранитель над ним... (У меня сразу ассоциация: кто-то из спасшихся сталинских узников повторял: «Ангел мой, идем за мной: ты — впереди, я — за тобой!»)

Смотрю. Размышляю: «своеобразная манера письма? Или стилизация? Чувствуется: чья-то школа. Что-то знакомое... Даже...»

Юрий Федорович объясняет просто: да нигде не училась она... Как с резьбой: там простой ножик взяла, тут — краски и кисть... Вот музыке училась! Тут уж чего — много лет!

Я возразил:

— Не скажите! Ни с того, ни с сего — и гвоздь не вобьешь! Исподволь сызмала за вами наблюдала, мысленно, видимо, руку набивала... Домашняя аура! Гены! И с музыкой... наверняка же кто-то из старших был музыкален?..

— О, я-я! — поддержала меня Наталья-старшая.

— Музыку мы все любим. Это уж так на роду повелось: поем, играем на инструментах. Шьем, кроим, вяжем! Николаич, хотите, сейчас покажем вам нечто другое, чем живопись? Юрий Федорович!

В голосе супруги прорезалось нечто, позволившее мне задаться вопросом: кто же у них в доме хозяин?

— Где наши «фотомодели»? Прошу, покажи гостю! — Наталья-старшая исчезла.

Юрий Федорович принес пачку фотографий.

Прежде чем он стал раскладывать снимки «моделей», я услышал голос его жены:

— Модель осеннего сезона! Вечерний костюм! Кутюрье — Наталья-старшая. В качестве модели — она же!

...Сейчас такие моменты есть возможность запечатлеть на видеокамеру. К сожалению, ни у меня, ни у хозяев тогда такой возможности не было. А жаль!..

Пока я рассматривал снимки, на которых в роли топ-модели выступала дочь, и слушал комментарии, ее «кутюрье» успевала и подчеркнуть особенности демонстрируемого образца одежды, многократно отраженного в зеркалах, обрамленных резбовой вязью, сработанной руками довольно бубукающего раскрасневшегося отца, и переодеться, и вновь предстать нашим ошалевшим непросвещенным взорам... Описывать модели Мишиной-старшей — это все равно, что порочить новизну технических изобретений публикацией рацпредложений в многотиражке... С этим я имел дело, поэтому не стоит и стараться... Кто заинтересуется, пусть имеет дело с авторшей и авторским правом.

Выдав очередной свой «секрет», проявившись, Наталья-старшая тем не менее стала еще более загадочной.

— О, я-я! — смеялась она полнозвучно. — Не только русская, но и немецкая душа — загадка! Юрий Федорович! Сколько уже? — подалась она к мужу.

— Да уж.. — ответно подался он к ней.

— Он меня — за столько лет не разгадал, а вы за несколько часов хотите? Будем считать, никакой загадки нет. Есть человек. Хотя отец народов говорил, пока есть человек, есть вопрос...

— Давайте споем! — вдруг предложила она. — В самом деле, песня, она, ведь не от тоски — от радости. А высшая радость в том, что жизнь есть! Не надо нам сорок машин и десятков квартир в престижных районах. Хотя и неплохо бы нашу сменить: живем в ней с 1973 года! В скобочках: не он, а я получила. Работала бухгалтером в УМ-5. Сначала мы у сестры квартировали. А потом уж сюда: на три семьи! Сейчас нам вдвоем тесно, а тогда — три хозяина. И ведь весело жили! А уж когда одни остались — тем более. Юрий Федорович, видите, детскую, коридор, да и здесь, в гостиной, все расписал.

— Вот ведь как тогда строили, — прерываю я Наталью, рассматривая в детской росписи на темы ставших бессмертными мультфильмов. — Но ведь и штукатурке на стенах чуть не четверть века?..

— Да... так! — из-за плеча басит хозяин. — А вот это... — достает из-за зеркала толстую панель, — начал было спинку кровати резать, да что-то охладел... сучки тут вот... то да се...

Поглаживая толстую, в пару дюймов, не менее, клееною, обласканную до атласности панель — с замысловатым раститель-

ным орнаментом, частью уже прорезанным, плосковатым пока рисунком, ждущим приобретения третьей координаты, третьего измерения — нового для них сейчас, как для нас, к слову, четвертого! — только тогда я понял, что такое резьба!

Впрочем, нет, не понял: приблизился к пониманию! То, что это терпение и труд, догадался. А чтобы понять, самому надо попробовать: как Наталья-младшая — простым ножичком...

Это будет соучастье.

Нельзя говорить о доброте, не ставши хоть единожды добрым. Злым, — да, можно быть будучи добрым! Но — злым делать злое?... Не-ет! Всякое, впрочем, может быть. Но «злое» — не априори! Вот доброта и радость... Счастье, в конце концов, — это априори!

В Библии об этом сказано!

А разве — не так?

Труд и творчество — сопричастны!

Они — рядом.

Они многолики; в основе того и другого — радость для других.

Нотная бумага березовый кап, кедровая доска, весенняя пашня, газетная полоса, — мало ли на чем можно запечатлеть лик и деяния живущего на земле, его мечты, его историю!

И все же: высшее проявление человеческого творчества — благоустройство лика Земли!

Взгляните на свой земельный микрокосм, принадлежащий Вам, и — на такой же — семейству Мишиных...

Вот видите! Во всем: в скворешнях, теплицах, грядках... в веранде, светелке, кофейных кружках, табуретках... чего уж! — в туалете! — во всем многоликое — с юмором! — начало! То есть, без чего нет обыденной жизни. То есть счастья. «Для счастья надо устать» — сказал классик. Они — согласны.

P.S. И сегодня «разноликая» семья Мишиных продолжает творить. «Прикладнику» Юрию Федоровичу есть где «развернуться»: у них новая квартира, и он расписывает и обустривает ее с присущей мастеру выдумкой и изобретательностью. «Кутюрье» Наталье-старшей также работы хватает.

Дочь — преподаватель фортепиано в школе искусств «Камертон»; работает в ранее освоенных формах творчества, раскрывает новые качества своей талантливой натуры: она — певица и

концертмейстер ансамбля «Вдохновение»; актриса и помощник режиссера театра «Камертон»... И при этом — очаровательная девушка!

Р. Р. S. Помнится, Юрий Федорович расположил к себе будущую тещу, подарив ей мастерски сделанную прялку. Жениху Натальи-младшей так же, видимо, придется в чем-то себя проявить — в творческом плане! Успехов ему!

ГУРМАНЫ

— Посмотрите, какая тонкая работа! — хозяйка высыпала из лакированной шкатулки серебряные украшения. — Древний восток!

Она недавно вернулась из поездки по Вьетнаму: сопровождала группу, полна впечатлений; рассказывая, перескакивает с пятого на десятое.

— В Сайгоне... — сейчас Хошимин, — почти как в Сухуми: курорт! Американцы после боев развлекались...

— Бордели оставили? Или в Штаты забрали? — брезгливо спросил хозяин.

— И ты туда же: наши мужички то-о-же интересовались... Смотри у меня! — хозяйка игриво погрозила мужу, сверкнув аспидно-черными глазами.

— А им что — своих не хватало?... Или наши на иностранцев кинулись, на валюту?... — у хозяина голос сорвался от злости. Он до сих пор не простил жене: соблазнилась дармовой путевкой (врач группы), уехала против его воли одна — впервые за все годы супружества.

Хозяйка хладнокровно проигнорировала его замечание.

— Да... Серебра там... — она разровняла горку перстеньков, запонок, брошек, сережек. — Серебра полно. Но... тоже блат нужен. Это все — благодаря протекции одной дамы из консульства. А вообще... — она вздохнула — вообще там люди плохо живут. Мы — по сравнению с ними — буржуи. Буржуи-ны! Я вот вроде не очень... — она гибко прогнувшись, плавным движением руки обрисовала себя. — А остальные бабоньки были ... в ха-рошем теле! Мужички — те вообще! И ростом, и дородством: рядом с вьетнамцами — Гулливеры! Вьетнамцы-то — не то, чтобы стройные, или худенькие — худющие!.. Чуть не дистрофики!...

— Видели бы вы, — продолжала она, — как они глазели на нас! Те, что посмелее, руками щупали. Да-да! Не поймешь: чего они щипаются?.. Уж не того ли? — она крутнула пальцем у пушистого виска. — Некоторые трухнули. Спасибо, гид успокоила: проверяют, нет ли у нас под одеждой чего — подушки или ваты. Не-ет, убедились: телеса! Смеются, головой качают. А нам — стыдно...

— Кормили-то вас как?..

— О-о! Кормежка прекрасная! В ресторанах. На любой вкус. В поездках — сухой паек. Вина, пиво, минералка. Кстати, местную воду запрещено потреблять. Даже при чистке зубов. Да, что характерно. Гида или водителя приглашаем с нами перекусить — отказ! «Спасибо, мы не голодны». А у самих на весь день по стакашку отварного риса. Представляете? Бумажный стаканчик. Отойдут в сторонку, поклюют из него и: «Мы сыты, спасибо...» Сторонятся нас, явно...

— Выходит, натуральный голод? — предположил гость.

— Голод не голод, но бедность крайняя... На американцах они все же валюту зарабатывали. А с нас — что взять? В магазинах, на рынке много интересных вещей, купил бы — да цены кусаются.

— Да уж, известно: беднее русского туриста нет никого...

— Простой вьетнамец тоже не разбежится. На всю зарплату — месячную! — может купить два-три кэгэ мяса. После этого наши кооперативные цены божескими кажутся...

— На одном рисе перебиваются?

— Если бы! Рис тоже дорогой. Фрукты — бананы, ананасы — тоже.

Покупают овощи, зелень, рыбу... ракушки какие-то, водоросли...

— А черви, змеи... Что не едят уже? — в тон ей заметил успокоившийся хозяин.

— О-о! Самое главное-то — чуть не забыла! — она аж всплеснула гибкими руками. — Спасибо, что подсказал. Нас ведь водили в особый ресторанчик — для гурманов! Гвоздь программы — блюдо из живой змеи! Да-да! Из самой натуральной живой змеи. Там есть что-то вроде террариума. Заказывай: на твоих глазах достают и разделывают.

...Наша бригада бурила в несусветной глухомани. Люди в бригаде степенные, уважительные. Работают сноровисто, без суеты. На ходу или во время работы не курят. Вот и на этот раз бурильщик Гордеич подал сигнал к перекуру. Он сел на верхонки, вытянув ноги в сапогах «сорок последнего размера», и достал тисненый портсигар...

Стоял конец сентября. Длинное бабье лето заканчивалось.

Жили мы трудно, но надежда на светлое будущее грела нас. И мы радовались жизни в каждом ее проявлении.

Я с удовольствием присел рядом с Гордеичем. Выглянуло солнышко. Оно уже не припекало, но его ласковое прикосновение ощущалось, и не столько кожей, сколько памятью о нем, душой... Солнце! Как любили мы в детстве жариться под его лучами до мурашек на коже. Зароешься в песок на берегу Зилима и млеешь под ним, разжижаешься до студня, и улетучивается из тебя остатняя хвороба. Благостно летнее солнышко! Но и весеннее солнце желанно: животворящи его лучи! После голодной и лютой зимы сижу я на сеновале, зарылся в сено и греюсь на мартовском солнышке, заглянувшем в слуховое окно, впитываю его глазами, кожей, вдыхаю вместе со сверкающими пылинками: пылью цветов, скошенных вместе с травой. И здоровье мое идет на поправку... Я бегаю в школу, пасу Пеструшку, познаю лес и рчку, исполняю свой «оброк»: вместе с младшей сестренкой дергаю ненавистный осот, едкий молочай, таскаю воду из родничка, окучиваю картошку, поливаю огурцы и капусту... Радуюсь солнцу, ветру, воле! Проходит год И еще один — с засушливым летом и жестокой зимой. И снова сухая, без единого дождика, весна и знойное, с пустыми облаками, лето. Выгоревшая рожь. Хилые стебли картошки-кормилицы. Каменная, в трещинах, земля. Похлебка из крапивы и лебеды. Приступы тошноты: тягучая, горькая слизь. После рвотных судорог, чуть живой, прислонишься к теплым бревнам и погружаешься в забытие. Раннее солнце «играет» в голубоватой дымке. Как на Пасху. Лучи его мягки, бархатны... Призрачно покачиваясь, по выгону движется цепочка людей. Над ними что-то золотисто-черное, похожее на флаг. Крестный ход... С протяжным песнопением люди просят дождя. Два старика несут икону. Ее оклад сияет — будто в руках у них золотистый калач. Я знаю, что есть такое слово, в школе проходили. Также как «атомная бомба», «гимн», «агрессор», но я не знаю его вкуса и запаха, калач для меня — один звук... Если будет дождь, то попу-батюшке дадут сала, яиц и масла... А меня рвет с черной, из лебеды и сушеных очисток, лепешки. Солнце греет с утра мягко, искренне, по-матерински: истома разливается по телу. А поднимется выше — будет палить нещадно. Мать пугает: «Вот сдохну, неслухи, сдадут вас в детдом — хлебнете горюшка! С мамкой-то горе — с полгоря! С голоду, може, не помрете и с холоду не околеете, да пожалеть-то вас будет некому...» И в самом деле, утреннее солнышко, как мамка, жальливое: про-

греет до самой середочки, до последней жилочки; приласкает так, что внутри оживет что-то теплое, пушистое... зашебуршит, затрепыхается крылышками — будто жаворонок в небе, а — может, душа это невидимая, бессмертная?..

Вдруг я почувствовал дискомфорт: будто солнце за тучу зашло. Открыв глаза, я увидел привставшего Сашку, второго бурильщика. И хоть он не застил мне солнца, а вот эта — на уровне шестого чувства — связь с ним пропала, и свет его, стойко держащегося в разводьях туч, казался по-зимнему отчужденным...

Сашка невысок, худощав, носит маленькую кепочку-восемиклинку. Брюки, напуском, заправлены в хромовые сапоги, не в «кирзу». Прошное у него известное, но его ни разу не попрекнули еще. Сейчас он пристально рассматривал что-то в воде, с причмоком подсасывая слюну из-под фиксы.

— Ха! Подывуйтесь! Якась загогулина поперек Югана шпарит! — раздался удивленный голос. — Шо це таке?..

— Так это ж гадюка! — определил Сашка. — Точно! — Он отряхнул брюки и, прихватив стальной крючок, спустился к воде.

Едва аспидно-черная змея выползла на берег, он ловко, несколькими ударами, разрубил ее на части.

— Варнак! — истошно закричал кто-то с берега. — Может уж это! Посмотри, нет ли у него золотого крестика на темечке? Охломон... Грех-то какой, ежели — уж...

Любопытные переворачивали окровавленные, извивающиеся части пресмыкающегося, рассматривали, брезгливо сплевывая и матерясь.

— Нема!.. Ни крестика, ни венчика...

— Ни звездочки, ни свастики — ничего нема!

— А ведь в Китае, говорят, их едят...

— Тьфу! С голоду помирать буду, не коснусь! Подумать — и то выворачивает — поморщился Кеша, нежнокожий мосластый блондин.

— Сельпо! — презрительно усмехнулся Сашка, блеснув стальной коронкой. — Что ты деликатесах понимал бы: привык хлеб с картошкой мять! Чтобы в этом разбираться, надо быть гурманом, понял? Гурмана хлебом не корми: дай ему что-нибудь такое эдакое! Со вкусом! Понял!

— Гурымман-басурман — мы таких слов не знаем, — обиделся Кеша. — Конево дело, мы, как некоторые, по ресторанам не

гацивали. Было дело, у ногайцев махан, конину, тоись, едали... А чтоб гадюку? Упаси бог! Гад он и есть гад! Сам — неж схрабришься? Поди тож погребуешь.

— Я-то? Запросто! Об заклад, конечно. Ставь поллитру — съем! — подзавел бурильщик тракториста. Сашка знал, что последнюю бутылку на участке выпили пару месяцев назад. Кеша был мужик простодырый, компанейский, посему заначки у него не могло образоваться, — вычислил Сашка. И просчитался: за был про запасливую жену спорщика.

— Ах ты гурман злосчастный, попал! — вскричал Кеша. — Мужики, будьте свидетелями! Бутылку выставлю счас. А он — пусть жрет! Жонка на лекарство берегла — ставлю на кон! А проиграт — яшшык ставит, чтоб на всех!

— Хорэ, хорэ, сельпо! — остановил его Сашка. — Тащи бутылку — за мной дело не станет: продегустирую — и уже вдогонку сказал: — Масла и сковородку прихвати!

Кеша принес «заначку» и все просимое, кроме сковороды: — Посуду еще поганить! Жестянкой обойдешься...

Со спорщиками остались секунданты, остальные занялись работой. Через некоторое время слышим свист: зовут поглазеть на змеееда. Сашка, грмасничая. Снял с углей банку, в которой шкворчала, вкусно припахивая, натуральная поджарка...

Сашка насадил на деревянный шампур пару кусочков и подставил, улыбаясь, кружку: — Наливай!..

— Ты закусывай, закусывай! На тошшак вредно пить... — придержал Кеша бутылку, надеясь на чудо: вдруг откажется? Знал он: всыплет ему Мария! — Налить успею, ты пробуй сперва, гурыман твою...

«Змееед» причмокнул, сдернул железными зубами кусочки поджарки, студя их, шумно втянул в себя воздух и проглотил, не жевавши... Блаженно улыбаясь, погладил себя по животу: — Деликатес-с!.. Само ползет...

При последнем слове Кешу передернуло, он сунул в руку сопернику бутылку и отбежал в сторону...

«Гурыман» прервал свое действие и великодушно протянул ему кружку: — Сельпо! На, выпей! Полегчает!

— Да чтоб я?.. Из одной посуды?.. с тобой... пил? — отплевываясь и вытирая покрасневшие глаза. Возмутился Кеша. — Надо же! Епонский городской! Из-за бутылки водки!... Ну, гурыман... А? Ешь малину! На такое решиться...

— Не ной, сельпо! Оставь темному прошлому свои предрассудки! Ты лучше представь: сидели бы мы с тобой за бутылкой... За четвертью! И угостил бы я тебя этим беф— стреганом... Дорогой кирюха, сомневаюсь, что ты не рубанул бы его. Сшамал бы как миленький. Как ондатру в тот раз. Плевались, а как вмазали — хвалили. Вкусно было?...

— Тогда — что... Мы ж не знали! А чтоб — нарошно? Самому? По доброй воле?.. Ни в жисть: душа не примат!

Вроде попохмили, забыть бы: ан, нет! Сторонились с тех пор Сашки — как табачников кержаки. Рассказывали про него, как про нечистую силу, с оглядкой, вполголоса. Стоило какому-нибудь шутику цыкнуть по-сашкиному, причмокнуть, рассказчики и слушатели вздрагивали, замолкали на полуслове и чуть не крестились — а ведь полбригады у нас были тертые мужики, прошедшие огонь, воды и медные трубы, как сами говаривали в минуты откровения...

— Много вас, гурманов, набралось? — вернул меня в уютную гостиную своим вопросом восхищенный гость.

— О! Представьте: только один мужчина отказался. Нервы, говорит, слабые...

— Денег, верно, пожалел, кстати, все это — в стоимость путевки входит или за дополнительную плату? Мы, помнится, в Болгарии за пикантные вещи, вроде ночного варьете со стриптизом, платили, так сказать, валютой, дополнительно...

— Погодь, погодь-ка! — хозяин, не извинившись, перебил гостя: — Как ты сказала: один мужик?.. А ты?.. Что — ты тоже гурманила?..

— Я?! — чуть откинувшись, хозяйка на секунду замирает, потом мелко смеется; черные глаза в немигучем прищуре ресниц; уголки губ, кончик розового языка, ямочки на щеках подрагивают. — Я-то? А как ты думаешь? Конечно, ездила! — говорит она мужу с вызовом. — Не могла же я группу оставить без присмотра! Да еще в такой ситуации! И лишить себя такого удовольствия: посмотреть как это делается. Когда бы ты мне предоставил такую возможность?.. Не злись, дорогой! — она чуть подалась в сторону мужа, шикарная кофта при этом обтягивает ее круглую спину и чешуйчато поблескивает в конусе света бра, выполненного в восточном стиле.

— Ты дальше рассказывай! — он пронзительно смотрит на жену, в глазах у него вспыхивают голубые искорки. — Дальше!

Впрочем, не надо... — он плюхается обратно в кресло и начинает поигрывать желваками, уставясь в окно.

Хозяйка, мило улыбаясь, продолжает рассказывать.

— Все это так обставлено — целое представление! Помните, в Ялте был зал дегустации вин? В подвальчике! Нам с мужем сподобилось попасть туда с английской группой. Обслуживание было — перший класс! Здесь тоже: иностранцы, переводчики... Вот подали и нашей группе. Все жеманятся, хихикают... Как на иголках. И хочется, и колется... Ждут: кто первый? Вот один решился — замерли! Как?.. Живой!.. Думаю: чем я хуже?.. Если откровенно, то ничего и не поняла: соус перебил. Такой острый соус дают! И водку подали. В малюсеньких чашечках. Горячую! Так принято на востоке. Наши, когда выкушали водки, хохмить стали? «Нельзя ли повторить?..» Гид испугалась — всерьез просьбу приняла, — говорит: не предусмотрено... и — дорого!

— А все-таки, как — ощущение?.. Так-то понятно? Русский желудок топор переварит, а вот с этой... — гость сделал рукой замысловатое движение, — с этической, так сказать, точки зрения... Все же в русских генах заложено насчет гадов ползучих некое табу...

— Конечно, какое-то моральное неудобство испытываешь, — замялась хозяйка, — некий душевный дискомфорт, что ли... Да, что-то есть... есть. Но сейчас уже прошло А по свежим следам некоторым было дурно. Но, скорее всего, с горячей водки. Пришлось даже ими заниматься. Поэтому мне было легче: на себя времени не оставалось...

Хозяин резко встал и ушел на балкон, закурил.

— Ну, все! — засмеялся гость. — Будешь теперь нецелованной ходить всю оставшуюся жизнь...

Хозяйка не успела ответить...

— Не скажи!.. Целовальники найдутся! Такие же гурманы! — хозяин еще что-то хотел добавить, но резко развернулся и исчез на балконе.

Гости и хозяйка знали друг друга давно, всем известна безосновательная ревность хозяина, поэтому ее пожатие плечами приняли как обычно: с пониманием. Они не успели обмолвиться, как хозяин вновь возник.

— Не скажи! — повторил он. — Это запросто! Сделав шажок, убедившись, что все окей, шире шагнешь! Стоит ведь начать!

Нарушить во-от такой запрет... снять одно табу — самое мизерное! — и пойдет!..

— Дорогой! — холодно прервала его хозяйка, — не кажется ли тебе, что ты слишком широкие обобщения делаешь из пустяков?..

— Ничего себе пустяки! Съесть гада — пустяки?.. Ладно бы: с голоду умирали! Понять можно было бы... А то — с жиру беситесь! Я в детстве с голоду пух, а червей и лягушек не ел! И засиженных яиц воробьиных или сорочьих не пил! Потому что мне внушили: нельзя, грех.

— Перестань! Тоже мне!.. Пьете всякую дрянь. И жрете. Креветок едите? Как семечки, с пивом лузгаете. А чем они лучше лягушек, личинок или тех же червей. Вспомните: устрицы! — Хозяйка серчала.

— Ты не путай, не путай! Я тебе не об этом, прекрасно понимаешь. Как общество чуть снизило порог нравственности, так и пошло. Начали с мини-юбок, голых ляжек, дошли до проституции, порнографии... до эрато-театра! Утром, в 120-ти минутах по соседству с детским мультиком, половой акт во всех физиологических подробностях... Родители...

— Ну, ты у нас известный пуританин! Как будто каждый день не видишь обнаженных тел...

— Обнаженных! А не скотски-блудливых! И работа — это работа. Я тебе про моральное табу, запреты, заповеди... Про этику, наконец!

— Не будь ханжой! А то я тебе напомню кое-что... И голодным детством ты опять «достал» меня. Ну, было оно у тебя, было! Но когда?.. Во-он оно где, твое детство... «Засиженных яиц я не пил...» Забудь про это! Без пяти минут доктор медицины, владелец шикарной машины, четырехкомнатной квартиры, дачи, отец прелестных детей ... и бедной страдальницы-жены, которую готов проглотить за то, что он съела во-от такусенький кусочек... змия... А, может, пошутила, чтоб позлить... — она попыталась прижаться к мужу и обратить ссору в шутку.

Тот холодно отстранился от нее.

— Не-ет! Это ты зря! Детство мое — вот оно где! — он с ожесточением поколотил в грудь сильным кулаком хирурга. — Здесь оно. Все остальное — следствие. Если в детстве заложили в тебя заповеди: не лгать, чужого не брать...

— ...жены ближнего не желать... — подсказал гость.

— Да! И жены ближнего не желать! — с нажимом произнес хозяин. — Даже в мыслях! Все с мысли грешной, душевной распущенности идет. Простил предательство другого, и сам уже готов к нему... Прослабилась совесть чуть-чуть, и пошло...

— Ты прав, дорогой, тысячу раз прав! — хозяйка гибко, по-змеиному, успела прильнуть к мужу, чмокнула его в щеку и убежала на кухню: попевал ее фирменный картофельный пирог...

Хозяин демонстративно достал платок и стал тщательно, словно готовясь к операции, протирать следы поцелуя.

— Уж не обессудьте, гости дорогие! — улыбалась хозяйка, раскладывая по тарелкам пирог. — Чем богаты, тем и рады. Рада бы я курник испечь, да придется подождать до лучших времен...

— Да уж грех жалиться: до вьетнамцев нам еще далеко!

— Как знать! Может и догонять еще придется?

— Ничего, ребята, проживем и на картошке: вкуснятина-то какая! Это я вам как «гурыман» утверждаю. Сюда бы еще хлебца свежего, аржаного...

— Да в русской печке, на капустном листике, выпеченного...

— Да с парным молочком...

— Да на вольном воздухе, при ласковом солнышке...

Мужики выпили спирту и за обе щеки уплетали пирог. Хозяйка временами взглядывала на них из-под опущенных ресниц, подкладывала по лучшему кусочку на верхосытку и загадочно улыбалась.

ЗАСАДА

На экспедиционный автобус, уходящий в Пургай в пять утра, я проспал. Пошел в восемь к конторе экспедиции попытать у мужиков насчет попутки: они к этому времени должны быть уже в курсе всех новостей, международных и поселковых. И точно! Рассказали: кто, куда и даже зачем едет. Кто возьмет в попутчики, а кто — нет. И — кто водитель надежный, а кто — так себе. Машин ныне в поселке поболее, чем раньше коров было, да не все им сноровисто могут «хвосты» крутить.

— Да с Арсентьичем поезжай, ты ж его хорошо знаешь! — посоветовал мне механик Паша. — У него, слышь? Игорешка-то, в Тюмени поступал, да математику завалил. А Наташка, жена его, с нашим «генералом» вась-вась: бумагу заготовила, что экспедиция будет платить за Игорешкину учебу. Вот Арсентьич с этой бумагой и едет: пристраивают они сынка в какую-то академию аж! — Паша с язвительным смешком скребет кадыкастую шею и виртуозно, как это может только он, матерится. — Я тюменское седьмое гэпэтэу кончал, так нас — в шутку же! — «академиками» обзывали. А теперь оно — технический колледж! Дела... Устроить пацана куда — на лапу дай, за учебу — плати!

Попрощавшись с мужиками, я пошел к Арсентьичу: жил он по-прежнему в брусчатом, засеребрившемся от времени, коттедже. Прошел по приятно скрипевшему тротуарчику, вдоль которого ярко цвели бархатцы и астры.

Стучаться не пришлось — Арсентьич вышел навстречу.

— Какие люди к нам! — сочным баритональным тенором воскликнул он, загребая меня в свои могучие объятия. Здоров был Арсентьич и раньше, а за последние пять лет заматерел и лицом, и телом. — Здорово живешь, Николаич! — продолжал он ломать меня. — Какими судьбами?

И потащил в дом.

— Извини за бардак, только из отпуска: короеда своего пристраивали в Тюмени, да неудачно. Сейчас еще одну попытку хотим сделать. Куда деваться? Болтаться будет — себе дороже! Как бетонку проложили сюда — кончилась наша спокойная жизнь! Не ловеришь, Николаич, прифронтная обстановка: кавказцев наехало, пруд пруди! Водка — самопальная, наркотики — любые, и все это — в ночь-полночь!

Во время своего монолога Арсентьич достал из холодильника закуску, извлек из бара, встроенного в мебельную стенку, несколько разноформатных бутылок, пузатые рюмашки и пригласил к столу.

— Давай, Николаич! Чем богаты... Я с тобой чокнусь, но пить не буду: за рулем!

Тут я и обратился к нему со своей нуждой.

— «Об что» речь! — в своей, жизнерадостной, манере воскликнул он. — Веселей доедем! Наталья бумажку одну принесет сейчас и — в путь!

Настроение у меня было благостное: хорошо я угостился у Арсентьича. Машину он вел мягко, профессионально. Дорога была пустынна. Там, где бетонка заасфальтирована, водитель придавливал акселератор до упора. По сторонам дороги накатывала и проплывала, с резким разворотом вблизи, красочная осенняя тайга. И только купоросно-синее, безоблачное небо виделось бесконечно высоким и огромным, безразличным к нашему перемещению в пространстве.

В начале пути мы вели с Арсентьичем оживленный, но ничего не значащий разговор, далее — обменивались только какими-то, к месту, репликами. Через часок разговор как-то сам собой иссяк. Я бездумно обозревал уже приевшиеся красоты пейзажа. Временами я наблюдал за спутником. «Красив мужик! Хоть и заматерел, а чубчик прежний: первого парня на деревне. Несolidно: сейчас бы ему или назад волосы зачесать, или на косой пробор... Рот чуть жестче стал, нос горбатистей... Глаза все те же: с кошачьей крапинкой, веселые, нагловатые... Сколько ж я его знаю? Лет пятнадцать или более того?.. Так. В экспедицию я пришел, он уже работал. Да, такелажником. Потом — бригадиром... Мастером погрузочно-разгрузочных работ... Прораб стройцеха... Это — как о работнике знаю. А как о человеке? Любвеобильный! Когда принесли на подпись в первый раз ведомость на перечисление алиментов, я обомлел: Арсентьич платил двум женам! Когда он успел? Такой молоденький! — невольно воскликнул я. — Дело нехитрое: долго ли умеючи! — отозвалась Валя, Пашина жена, принимая ведомость... Еще что? Коммуникабельный. Анекдотчик... Хитрова-ан! При мне окончил два заочных техникума: вечный заочник! Чуть что — на экзаменационную сессию вызов показывает! И правильно: нет закона, запрещающего

менять профессию и переучиваться. Зато потом — на все руки мастер!.. Да! Рыбак, охотник... Любитель природы: окрестности вокруг поселка знает великолепно...»

Вспомнился один случай.

В майское воскресенье мы с начальником базы производственного обслуживания (БПО) были на первом в навигации «тысячнике», пришедшем из Тюмени по большой воде, и обсуждали план разгрузки и перевалки на подбазы оборудования и материалов. И тут на моторке подъехал Арсентьич. Начальник БПО дал ему необходимые ЦУ по работе и попросил: — А пока свози-ка нас шефом в укромное местечко — по «четырнадцать капель» принять и чуток расслабиться! Погодка-то?! Душа так и жаждет, хоть на часок, с природою слиться!..

Подтопленная полой водой подковообразная гривка образовала тихую, круглую — как по циркулю — гавань. Склоны и гребень ее заселили крученые ветрами раскидистые сосны и березки с ослепительно белыми чистыми стволами; по оподолью она поросла тальником. Кроны деревьев образовывали над лагуной сквозистый шатер: клейкие листочки только еще выворачивались из почек. Полегшую траву и палый лист простреливали скальпельно острые побеги осоки и пырея. Пахло молодой травой, живицей и весенней водой.

Мы разделись, попробовали босыми ногами воду. Но купаться все же не решились: холодно!

Арсентьич нашел несколько саранок, и под эту закуску мы распили бутылку водки, вместо рюмок использовали бересту, свернутую конусом.

Уезжая, с сожалением заметили: «Надо же! От такой красоты и на какие-то еще юга тянемся!»

— Задремал, что ли? А, Николаич! — окликнул меня Арсентьич, как-то покровительственно улыбаясь. — Смотрю — бормочешь что-то. Спишь, аль стишки сочиняешь?

— А ты расскажи что-нибудь интересное, — парирую я его выпад. — Хоть бы о себе что рассказал: где родился, на что сгодился?..

— А че? Слушай! — охотно согласился он. — У меня жизнь — хоть роман пиши. Или трагикомедию, ей-бо! Много казусов случилось... Ну! Родился я пятого марта 43-го года. Дата круглая: за десять лет до смерти вождя народов! Да. И где? В селе Нарым Томской области! Дома в Нарыме из лиственниц рубят. Они

долго стоят: с тех еще джугашвилиевских времен. Так же, как и по соседству: в Городище, в Карнаке... Много домов, правда, опустело после хрущевской «укрупнизации». Причем, без головокружения от успехов. У создателя культа личности, похоже, в отличие от его разрушителя было все ж чуть-чуть и чувство самокритики. Ну! Корни мои по отцу нарымские, по матери — парабельские. Теток, дядек — человек десять, семьи-то раньше были огого! Электричества-то не было! Да и верующими были. Резиновая промышленность еще в зародыше... — Арсентийч поразвивал демографическую тему всласть, прежде чем вернулся к своей биографии: я его не перебивал.

— Ага! Слушай, Николаич, дальше. Начальную школу я закончил в Городищах, с двенадцати лет стал в колхозе трудиться. Зимой телятникам помогал. Корм телятам подать, телятник почистить, загон — делов много. Летом сенокос: на конной косилке, на граблях опять же. Были бы руки, а работы в селе всегда невпроворот. Да без работы и не проживешь. Я хоть шкодой был, но не лентяем: в работе азарт находил. Ну! Потом, конечно, прискучил колхоз: ни заработка, ни перспективы. Вырвался в леспромхоз. А после армии на шахту подался и сюда, в экспедицию. И двадцать один годок уже здесь! — он присвистнул: — Ничего себе. Больше, чем полжизни!

Арсентийч помолчал и, задумчиво глядя на дорогу, даже сбавил скорость. Потом всхохотнул.

— Не поверишь, Николаич, сам секретарь райкома партии пас меня, чтоб я из колхоза не драпанул. Ну! Вот тебе тогдашняя демократия, растуды ее! Председатель колхоза, когда я слинял, предателем обозвал. Че, ежу понятно — одни старики оставались в деревне. Я, можно сказать, последним из молодых когти рвал из колхоза. Но и меня понять надо. В деревне что за жизнь: что при отце народов, что при Хрущеве — как крепостной! Паспорт не дают: в город куда ежели ехать, справку, как зэку, выпишут — чтоб милиция не забрала: за бомжа не посчитала... А я чо? Я в соседний колхоз, к тетке на квартиру. Председатель ихний — лет на триста бы ему здоровья — хороший мужик, в положение вошел. На пилораме, говорит, месячишко поработай, а там — дам я тебе, мол, справку, и катись ты на все четыре стороны. Работаю я у него, значит, кручусь на совесть. И вот подходит обговоренный срок: завтра бы уходить, а я в клубе вечером на баяне пиликаю. Ну! И тут секретарь райкома... Встать и удрать?

А он заметил уже! Сижу как ни в чем не бывало. И ухо чуть не до него тяну. Слышу: он председателя насчет меня пытается. Чего, дескать, он у тебя ошиивается? Председатель ему: а что? На пилораме у меня работает. Ударно трудится. Молоток, думаю, мужик, а все равно мандражно: вдруг справку под этот разговор не даст. Прихожу наутро, а он мне: давай, мол, опохмеляй — с отвалной-то. С секретарем, видать, крепко поддали. Ну! Я к тетке бегом: тащу четверть самогону, да бутылку белоголовки. Он мне и справку тут же. С такого-то по такое работал на пилораме. Чинчинарем: число, подпись, печать. Все как было. С этой справкой бегом в леспромхоз к директору. А тот тоже мужик был — во! Лесотехническую академию кончал. Солидный мужик. Властный. Директор настоящий, одним словом. Раскусил сразу:

— Из колхоза? Это не тебя секретарь райкома ищет?

Я как язык проглотил, молчу, чувствую, что все у меня внутри опустилось: сдаст сейчас секретарю...

А он:

— Чего у тебя там? Паспорта ведь нету?

Я ему — молча! — справку протягиваю.

— Где работать хотел бы — спрашивает, в справку даже не взглянув.

Я обмер: неужто берет? А ведь похоже — берет! Промычал че-то.

— Ну, иди в кадры, оформляйся! — говорит. Черкнул что-то на моем заявлении. И строго так: — Чтоб сегодня во вторую, с 4-х, в бригаде был: на пилораме пока...

Все леспромхозовские специальности освоил, но лучше всего — вальщиком на лесосеке. Да и сплавщиком — ого-го! Было это в 61-м году. Ну! Тезка космос осваивал, а я — тайгу. Четыре года отпахал в леспромхозе! А потом в город с братом подались. В «город-сад» Новокузнецк. Как в песне: «...и в забой отправился парень молодой!» Проработал три месяца в шахте — понял, не по мне условия, давит земля... К простору душа привыкла, к выси небесной, смолистому духу, к вольному ветерку. И тут друг встретился, Гена Головкин, брат Гермогеныча, бурильщика: вы же его знаете! Вот Гена и позвал меня сюда на север, в экспедицию. Мы с Геней-то земляки, и на лесоповале с ним год отмантулили. На пальцах объяснил он мне, как до экспедиции добратся, и подался я на севера! Без вызова, без подъемных. Денег — восемь рублей, буханка хлеба, кило козьей колбасы.

Точно: козьей! Сам удивлялся. Ну! Билета нету. Зайцем сел. В Александрово, на стоянке, в пристанском магазине форменную флотскую фуражку увидел. Денег как раз хватает. Сам не знаю, как получилось — купил ее.

Хожу в форменной фуражке, ко мне пассажиры с вопросами стали обращаться: когда, мол, там будем? А там-то когда? Отвечаю четко, только под козырек не беру? Память-то молодая, я расписание назубок выучил.

Познакомился с обслугой, объяснил что и как. Те поняли, говорят: «Как в Вартовске будем — вынесем твой чемодан, за контейнер поставим, а ты выходи — на прогулку будто.»

Бригадир злой: билеты у сходящих проверяет, квитанции на багаж. Иду я. — Прогуляться, — говорю, — что-ли? Что за Вартовск, глянуть, что ли?..

— Не опаздывайте! — предупреждает. — Через сорок пять минут отходим.

Так и сошел. Узнал на пристани как и что. Вот и теплоход «Антонин Зырянов» швартуется, — он мимо экспедиционного поселка ходит. Присматриваюсь: садятся без билетов. Пошел и я. Уж знал, что к чему, у обслуги спрашиваю, третий класс где? Внизу, показывает. Спускаюсь, там людно, галдеж. Притулился в свободном уголке, сижу. А рядом парни пьют, закусывают, беседу ведут. Вдруг меня спрашивают: налить? Примешь?

Я им честно признался? К Генке Головкину еду, денег нету, последний кусочек колбасы козьей иссосал утречком, сейчас кишка кишке кукиш кажет, хоть лапу соси.

Парни зашумели: о, мол, Генка Головкин, да кто ж его не знает? Знаем! Его друг — наш друг. Садись ближе.

И накормили, и напоили, и билет купили. Так и приехал в экспедицию. А было это 15 сентября 1966 года. Иду с причала, а сумеречно уже, впереди будто асфальт блестит. Ступил на этот «асфальт» и провалился в няшу по пояс. Хоть плыви. Это сейчас — бетон кругом, тротуарчики, «золотой» песочек. Да и мы, по правде, не те уже! Так оно, Николаич?

Я хмыкаю в ответ неопределенно. Некоторое время едем молча. Дорога пустынна по-прежнему. На обочине приткнулся цементирувочный агрегат, подальше жигуленок с поднятым капотом. Проезжаем обочь клюквенного болота, где виднеется несколько согбенных фигур.

— Все лето сушь стояла, клюква сейчас по кочкарнику на опушках. А в урожайные годы здесь машин — как на платной автостоянке в городе, и людей — все усыпано! Ну! — и как бы спохватившись, продолжает.

— Ага! Слушай дальше. В экспедиции работаю: то, се, но — интересно. Главное, вольготно: как в колхозе. Работа на воздухе. Авралы случались, но не как система. Да и отгулы за них давали. Возьмешь их, и на рыбалку или на охоту... А охота и рыбалка тогда были... Душу бередить воспоминаниями не хочется! Вы-то еще застали... Я и лето, и зиму — все больше на подбазе кантовался. Женатики — те, чуть что, на базу, в поселок. А мне — хоть бы хны! Я — человек таежный. Базистом был Вдовин Михал Иванович. Хороший мужик! Мы с ним дружбу свели. Прозвище интересное у него было... — Арсентий хохотнул и, быстро взглянув на меня, продолжил: — Ты вот замечал — одни, когда согласны говорят «ладно», другие «добро, ага, да-да»... — он снова хохотнул и, глянув лукаво-сконфуженно, снова «завыкал»: — Вы, к примеру, замечали нет, «ну-ну» говорите, а то и «ярар»! Ага. А Михал Иванович — «по уму». Вот и прозвали его — Поуму. Была у Поуму племянница. В 73-м году окончила она планово-экономический техникум и приехала к сейсмикам — а они тогда на нашей подбазе стояли. И звали ее Натальей. Я к Поуму и так частенько хаживал, а как Наталья приехала — повадился, как медведь на пасеку. А потом сейсмики перебазировались в национальный поселок. Поуму да и вертолетчики в мое положение входили: как у меня отгулы, забрасывали к сейсмикам. Крюк туда небольшой, но все же. Заком был тогда Леонтьич. Резкий мужик, но прозористый. Да вы ж его застали, знаете. Ну! Ловит он меня как-то и говорит: хватит, дескать, Ромео, вертолеты зря гонять. Бери борт, грузись и вези свою принцессу в поселок. Погусарил, мол, и будя! Ага. Но это было уже в 74-м.

Взял я вертолет и полетел за Натальей. А она в сейсмопартии у Шмутова экономистом работала. Он было зарыпался: молодая специалистка, мол, обязательку не отработала. А я, как знал, в заочный техникум топографический поступил. Для понта, правда, сказал, что оканчиваю уже, тоже, мол, вот-вот итээровцем буду. В общем, уговорили. Игранули у сейсмы свадебку. Дал нам Шутов самолет АН-2. Загрузили нас, и полетели мы в свадебное путешествие...

Запомнилось оно нам покрепче, чем иным круиз вокруг Африки!

Летим низко по-над речкой. Красота!.. Сидим в обнимочку у иллюминатора: любимся природой. Вдруг мотор: чих-пых-тых... Сдох!

Успокаиваю Наталью: пилоты, мол, шутят, чтобы сердцеобмирение прочувствовать. И точно, вскоре мотор завелся.

Говорил же: дяди шутят.

А потом еще раз и еще, и еще, и еще. Как по горкам летим, по трамплинчикам. Как бы, думаю, свадебное путешествие не превратилось в выпадение с небес на землю.

Мотор еще раз заглох, и надолго. Планируем низко-низко: чуть верхушки кедров не задеваем колесами. И тишина, аж в ушах ломит. Наталья вцепилась в меня и что-то шепчет.

Бортмеханик успокаивает: «Не бойсь, молодожены, двигатель счас запустим». Сказал, и точно: за блистером клок пламени, фонтан черного дыма, и загудело! Какой там марш Мендельсона!.. Слаще этого рева мотора будто и не было музыки в мире. Самолет, а с ним и сердце жаворонком — вверх, вверх, в небо, к солнышку... Вот такое у нас свадебное путешествие приключилось... Длинным показалось!

Пустынная дорога все так же ныряла с гривы на гриву, стремилась к горизонту или упиралась в крапчатую стену тайги, предупреждая о крутом повороте. Но что-то ее все же отличало от пройденной. И словно отвечая моим мыслям, Арсентьич чертыхнулся:

— Делать нечего им, понаставили знаков! Вот че им надо? По ихней территории и ехать-то всего-ничего, а эти «стрижи» замордовали наших — спасу нет! Другое генерал-губернаторство! Губернаторы, говорят, в ссоре, а у нас чубы... кошельки трещат. КПП скоро. Радар там у них стоит. Но и мы не лыком шиты: у меня штуковина стоит, которая предупреждает, если радар работает. Береженого Бог бережет, — он сбросил скорость, проезжая мимо двухэтажного, в виде перевернутой пирамиды, стеклянно-бетонного здания КПП. — Гли-кось: никого! — удивленно-растерянно хмыкнул он. — А на прошлой неделе, когда из отпуска ехал, тормознули меня здесь, но я тогда отбрехался. Куда ж подевались менты? Подлянку какую, может, готовят? Жаль, встречающих нету: поморгали бы если что. Ниче, Николаич, чуток еще

попилим, ихняя часть дороги скоро кончится, а там — врежем по газам!

И только Арсентьич это сказал, заполошно запиликал его приборчик. Но было уже поздно. Метрах в тридцати из-за зарослей вербы вышел гаишник с жезлом и сделал знак остановиться. Зеленый фургончик с радаром был хорошо замаскирован. Хотя мы остановились напротив него, он не бросался в глаза.

Арсентьич долго и красочно объяснялся с лейтенантом, но был оштрафован за превышение скорости.

— На дороге — никого! Машина исправна. Погода сухая. Ну кому это превышение скорости угрожало? — долго чертыхался Арсентьич. Особенно его возмущало то, что он-то сбавил скорость! — Ну, хоть бы действительно катились с ветерком, тогда бы и не обидно было. А то...

Вдруг он рассмеялся легко, даже беззаботно:

— В засаду попал! Как раньше — в бабские силки! Я ж, Николаич, три года как алименты платить перестал. Вот бабы-стервы попадались мне, не лучше этих гаишников. Ведь сами вешались, а потом: ой, в положении, женись или повешусь. От хороших-то отбрехивался, а на стервах жениться приходилось: лопух все-таки был. Наталья-то и не хотела из-за этого было за меня... Не потому, что ползарплаты на алименты высчитывали, а — бросишь, мол, тоже — как обрухатишь.

— Так это же тоже своеобразная засада, — подначиваю я Арсентьича, — только более тонкая, иезуитская.

— Не... — смеется Арсентьич и головой мотает, как хорошо обьеженный конь, — не-е... Наталья крутовата, но — как честный инспектор. Волей-неволей приходится ехать по жизни, соблюдая правила.

— Натальины? Свои? Или библейские? — опять не сдержался я.

Арсентьич плутовато ухмыльнулся

— Автодорожные, — сказал, весело, до позолоченных клыков скалясь, — автодорожные!

НАШИ СОСЕДИ

ПЕСТУНЫ

— Смотри, смотри, Николаич! — затормошил меня водитель.
— Ей-бо, медвежьи следы!

И остановил машину.

Мы ехали на головном бензовозе, и вся колонна остановилась.

— Что случилось, шеф? — заглянул в кабину начальник БПО Валерий Агапов, вопросительно вскинув черные густые брови и озабоченно сверля меня лихими светлыми глазами.

Незадолго до этого, мотаясь по буровым в болотниках, я застудил ноги, и меня страшно мучил гайморит.

Дорога по лесу была более-менее сносной, я было задремал, и — на тебе! — из-за каких-то медвежьих следов разбудили.

— Да вот, — показываю на рыжевато-голубого водителя, — Федя, оказывается, юным натуралистом был: медвежьими следами интересуется.

А сам, поддерживая голову, выбираюсь на волю.

По времени — глухая ночь. Но сухая, вроде манки, снежная крупа, выкристаллизовалась из воздуха, создала видимость пред-рассветной брезги. Крупа припорошила деревья, просевшие обочья зимника и сам зимник, кое-где взрытый до ягельника или торфа, а больше залитый полнейшей водой: за ночь колеи заледенели и вкусно, словно комковым сахаром, похрустывали под протекторами колес.

В ночь на Первомай у нас сгорела буровая. Инструмент упал на забой. Для восстановления буровой и добуривания скважины нужно в первую очередь горючее. И хотя переправу через Вахмы уже закрыли, пришлось не без риска порожние «Уралы» перегонять, а заливать их более легкими ЗИЛками. Водители и сопровождающие еще до выезда намаялись, и сейчас, после шести часов нелегкой езды, были рады размяться.

Все собрались перед нашей машиной и в свете фар изучали следы.

— Свежайшие следы! И давно впереди нас топают.

— Двое! У одного сорок шестой размер, у другого поменьше: сорок первый...

— Пестуны! Старшему — третий год, младшему — второй!

— А где ж мамка?

— Так с нынешним, верно... А их выгнала!

— В люди?

— Наверде того. Ну!

Побазарили на этот счет, кофейку из термосов хлебнули, кто и пожевал — и в путь, пока погода работает на нас!

На одном из поворотов вскоре фары высветили идиллическую картину: словно братишки, идущие в садик, остановились медвежата: плечо в плечо стоят, словно при переходе улицы транспорт пропускают!

Кто-то не удержался, засигналил...

Пестуны подхватились и, смешно подкидывая бесхвостые зады, скрылись за таежным буреломом.

Пошли «гнилые» места. Колонна наша, в сцепке, двигалась медленно, многотрудно... И все же к рассвету ближе. Преодолев «помойки», (так на шоферском жаргоне зовут зыбистые даже в лежневке места), въехали мы в гривастый бор, где зимник был сносным. И тут снова увидели следы пестунов...

На этот раз отпечатки были очень четкими и темными.

Федя снова остановился. Вышел и я.

По размерам следы были прежними, но почему такие черные?

— Будто им лапы дактилоскописты смазали!

— Да, хоть сейчас на экспертизу: отпечатки — что надо!

— Это они, видно муравейник нашли и разорили: любят мурашей!

— Пробки после спячки, видать, стрельнули: питаться стали.

— Да вон недалеко и муравейник!

На этот раз пестуны нас поджидать не стали: свернули в сторону загодя. И больше нам не встречались: видимо, вышли на клюквенное болото или шиповник нашли.

Нам еще оставалось километров двадцать пути, когда солнце жарко задышало, наст стал рушиться. Машины то резали верховой зимник, то съезжали с его горбатого позвонка, буквально ложась на талый, прессующийся снег. Но, благодаря сцепке, мы к обеду добрались до буровой.

На буровой территорию перемесили АТСы своими гусеницами, и на подъездах, и вокруг было много сверкающих на солнце луж: в них то и дело садились пролетные утки и весело брызгались, не пугаясь техники и людей. Во избежание ЧП мне пришлось у рьяных охотников забрать до поры ружья. Но некоторые уже успели отвести душу, и вечером была похлебка с утятинной.

За десять дней мы восстановили буровую, установили цементный мост для зарезки нового моста.

Все это время стояла плюсовая температура, и благостно припекало солнце. Но накануне нашего вылета с буровой ударил мороз более двадцати градусов и вновь заковал все водоемы, включая налившиеся талой водой болота, в ледовую броню, вполне державшую порожние машины.

— Каково-то сейчас тем уткам? — сочувственно сказал кто-то.

— А буровой дичи? Она-то в снегу ночует: что если так и погибнет под ледяной коркой?

Когда пролетали над теми гривками, где нам повстречались пестуны, я вспомнил их и посочувствовал им: пожалел!

...А кто бы меня пожалел: после той поездки гайморит перешел в хроническую форму, и избавился я от него только месяца через два.

ГРЭЙ

Наш ладный бревенчатый дом строился на двоих хозяев. Предполагалось изначально, что будут жить они мирно, в дружбе. Поэтому обнесенный штакетником двор был общий, на одной его половине — спаренный дровяник, на другой — туалеты, в ограде — две калитки. Строительство вела бригада шабашников из Закапартья: бревнышко к бревнышку, досочка к досочке подогнаны, профугованы. Даже тротуарчики вокруг дома и к «службам» были выструганы струганным материалом. Мастерски работа справлена, ничего не скажешь!

Сосед у меня появился погода, да и то в одиночку: семью собирался привезти по теплу. В мае, наконец, собрался: улетел.

После нескольких дней пребывания на буровой, уставший, механически как-то, словно старый конь с пахоты, шел я домой. Так же бездумно открыл калитку, и тут очнулся... Из-за угла, с моей стороны дома, на меня надвигалась с громоподобным рыком... собака «Баскервилей»! Прыжок — упруго сыграл тротуар, еще прыжок — и я буду опрокинут на спину тяжеловесным монстром...

К счастью, тотчас появилась хозяйка собаки. Уж и не помню, что она сказала псу, но он мгновенно успокоился и тут же доверчиво, без внутреннего сопротивления, позволил потрепать себя по загривку мощнейшему и дал почесать за упругими ушами. И, пока соседка извинялась, потом представлялась и рассказывала о родословной своего «мальчика», мы с ним вполне подружились.

Грэй, так звали «мальчика», по собачим меркам молодой, но прибыл к нам по взрослому билету: в холке он был с хорошего телка и весил 68 кг!

В спокойной обстановке он показался мне красавцем: мощный и в то же время поджарый. У него темные умные, без звериной красноты, глаза, сторожкие уши; голова, загривок. Чепрак — черные, грудь могучая, темно-серая, такие же и бока, но с подпалинами, светлеющие к животу; хвост — темный, пушистый, плавно припущен.

— Теперь можете быть спокойными! — она потрепала загривок «мальчика». Грэй взял весь двор под охрану: будет дозором обходить.

На новоселье сосед расхвастался: родословная у Грэя — благороднейшая! Собачья родословная, возразил я из духа проти-

воречия, это — для городской квартиры или цепи. А вот поживет, говорю, он вольной жизнью в поселке, будет вместе с поселковыми собаками по помойкам шастать, блохами обзаведется, любовь с какой-нибудь Пальмой закрутит... Сосед завелся: ни-ко-гда! Хотите, говорит, из ваших рук брать ничего не будет и со двора не выйдет никуда!

Ну-ну, говорю, поживем — увидим...

На следующий день, забыв, кстати, о споре с соседом, вынес я Грэю «мосолок»: берцовую кость лося с остатками мяса и сухожилий, полагая, что он обгложет ее. К моему ужасу, Грэй словно куриную косточку разгрыз ее! А тут, как на грех, соседка появилась. Я смутился: ругать будет? Она рассмеялась: «Не страшно: пусть клыки поточит! А вот куриных косточек — не давайте. — И пояснила: они острые, желудок ему могут поранить.»

Разместили соседи Грэя в сенцах, в летней кладовке. Тонкая перегородка вздрагивала, когда облаивал непонравившихся гостей.

Я заметил, что поток ходоков к нам уменьшился, стали чаще пользоваться телефоном. А вот дети, особенно после того, как соседи привезли младшего сына, повелись: Грэй позволял им делать с собой все, что угодно.

Невзлюбил Грэй зама по общим вопросам, сиповатого, суетливого мужчину, и грузного начальника хозцеха — не раз загонял он их в снег и держал до прихода хозяев или кого-нибудь из нашей семьи. Уж как его не стыдили, как не наказывали, пересилить себя пес не мог.

На следующее лето чуть не пострадал я...

Как-то я выходил из наших общих «удобств во дворе», когда хозяйка, закрыв калитку за ушедшим замом, выпустила исходившего лаем Грэя. Ослепленный яростью, в два прыжка он оказался возле меня, а моя левая рука была в его пасти...

Хозяйка не успела испустить, готовый сорваться, истошный вопль, как Грэй, тормознувшись всеми четырьмя лапами, вскинул голову с разжавшейся пастью... Опустив голову, издал виноватый взвой и, виляя хвостом, закружил вокруг, поскуливая. Побледневшая соседка стала массировать мою руку, на которой остались лилово-красные следы от прикосновения клыков Грэя... А память воскресила хруст, с каким он разгрыз лосиную мосолыгу...

Наступила зима. Грэй за ограду не выходил. «Сказал ему: охраняй! И — все! Так и будет» — хвастался сосед.

В конце февраля я прихворнул и, выздоравливая, ранним утром (по северному) стал на лыжи и выехал со двора по сугробу, под которым штакетник и не виден. Впервые за зиму встав на лыжи, я пошел тихо, почти наощупь, опасаясь, вдруг где-то пацаны «подлянку» заделали. Фокус заключался в том, что в феврале, на снегу, в заустенье, эту самую «подлянку» — трамплинчик! — глазом и не различишь: почувствуешь только съезжая, когда тебя центростремительная сила подкинет!

И вот, съезжая в полуприсед, не увидев, а почувствовав трамплин, я в полете столкнулся с кем-то темным, стремительным, мохнатым... Это был Грэй: мы врезались в сугроб и долго барахтались в нем, выбираясь...

Сосед чуть смутился: «Так ограды ж фактически нет: замело. Задание оказалось некорректно поставленным, и Грэй посчитал себя вправе и ту территорию взять под свой дозор... Да и команда давно не подтверждалась. Завтра посмотрим!»

На следующий день я покатался с горки спокойно, с трамплинчика полетал без падений. Натешившись, пошел по реке, свернул в лес с намерением проложить лыжную круговую километров на пять для тренировки: через каждые сто шагов на снегу отмечал пикеты. На шестом пикете я заметил побившегося ко мне Грэя... Лыжня не держала его. Казалось. Он плыл по рассыпчатому снегу, уши да хвост виднелись порой.

Представив, какие муки пришлось ему перенести из-за своей страсти к шуршащим, похожим надвигающимся уши острым концам лыж, я развернулся и «наострил» их к нему — пусть утешится!

Но ему было уже не до игры: весь в мыле, язык чуть на плече, бока так и ходят... Я потрепал его и угостил карамелькой. После отдыха мы двинулись домой. По снежной траншее обратно Грэю было идти легче, а мне, наоборот, пришлось прокладывать новую лыжню рядом.

На реке я заскользил быстрее, Грэй пришел в себя и, игриво обгоняя, кусал кончики лыж в движении. Что за притягательная сила в них? И именно — в движении?

Перед подъемом в гору я приказал ему: «Домой! Охранять!»

Прошла секунда, две, и до Грэя дошло: что он наделал! С мольбой он глянул на меня и наметом помчался вверх по крутому склону.

Соседи пришли почти одновременно со мной, но — чуток пораньше! Грэй был дома. Хозяев приветствовал радостно, как обычно. Потом подошел ко мне осторожно. Я ему заговорщицки подмигнул: молчу, мол. Он, словно поняв, вернулся к хозяевам и стал весело ластиться, оглашая глухие февральские сумерки радостным рыком. Пора была уже предмартовская, и сумерки наступали голубоватые и медленные.

Летом соседи уехали и увезли Грэя. (По полному билету!) Вспоминаем мы их изредка и, если уж честно, сначала Грэя, а потом уж и его хозяев, хороших людей и добрых соседей. И те времена, когда шлерку дверную запирали на палочку. А Грэй убегал на лыжню.

Сегодня бы он сидел за железной дверью, а гулять выходил с хозяином: нынче одного и Грэя запросто уведут! Совсем люди запутались в родословных. Не в собачьих, в своих.

ПУХИНЯ И ГРЭЙ

Однажды Пухиня окотилась. Всех котят раздали, с ней остались две сестрички-разношерстки. Она их кормила, тщательно вылизывала и вскоре стала вытаскивать на улицу: погулять и погреться на солнышке.

Мы стали за них волноваться: что будет, если на них наскочит Грэй?

И вот мне довелось стать свидетелем этой встречи.

Бал жаркий июльский день. Над нашим поселком стояла душная тишина. Только издалека доносился стрекот вертолета да глухой рокот речного теплохода. Войдя в прохладную тень подросших березок, густо посаженных мною вдоль штакетника, я остановился докурить сигарету. Облокотившись на прожилину забора, я бездумно смотрел в голубую высь неба сквозь зеленую мережу берез. «Красиво и естественно: зелень и голубизна... Жара и прохлада, пахнувшая томленным березовым листом...»

Благостное настроение спугнуло в момент громкое шипенье: будто на буровой лопнула самая большая пневматическая муфта! Только шип не в свист перешел, а в низкое, вязкое вопль-урчание...

Резко обернувшись, я увидел Грэя, замершего у дальнего угла дома, на границе света и тени, а перед ним... серую рысь, испускавшую эти ужасные звуки...

«Да это же не рысь — Пухиня!»

Калейдоскопом промелькнули картинки: «Мявка на столбе... Лосинная мосолыга, легко размолотая Грэем...»

Пока шли команды от моего мозга: голосовому аппарату крикнуть: «Грэй, фу!», мышцам — начать движение, «рысь» метнулась к Грэю...

«Ну, все! — подумалось. — Превратит он сейчас Пухиню в фарш и выплюнет. Какая жалость!»

Но Пухиня, как пушистый шар, как одуванчик, но упругий-прыгучий, мгновенно отскочила от Грэя в сторону и снова зашипела-завыла, а Грэй заскулил вдруг и мотая головой, как слепой котенок, потерянно развернулся и потрусил по играющим под его тяжестью доскам тротуарчика за угол дома, потом он нырнул в дровяник, где у него было дневное лежбище, и до самого вечера не вылезал оттуда, горько и тихо поскуливая.

С тех пор, увидев Пухиню, независимо от расстояний до нее, Грэй разворачивался и обходил свои владения в противоположном направлении. Пухиня не нахальничала и освобождала его тропу. На углах своего маршрута Грэй на всякий случай притормаживал. До самого отъезда Грэя конфликтов с Пухиней больше не было: они мирно сосуществовали.

Когда Грэя увезли, Пухиня нет-нет да появлялась на его тропе, принюхиваясь и задумчиво замирала иногда с поднятой передней лапой, вертикально стоящим пушистым хвостом и повернутой в сторону улицы головой.

Какие кошачьи мысли и чувства занимали ее в тот момент, какие испытывала она ощущения от тускнеющих с каждым разом запахов огромного соседа-зверя, определенного природой ей во враги? Никому это не ведомо: об этом можно только догадываться и фантазировать.

ЗАЙКА, ЗАЙКА, ПОТРУСИ!

Как-то у нас появилась возможность облетать, в поисках дефицитной мелочевки, буровые прежних лет.

«Обязательно надо на Сабун слетать! — предложил старожил, начальник отдела снабжения. — Там вертолетный вариант был. Завозили МИ-шестым, а потом «восьмеркой» людей только вывезли. Добра там!..»

Залетели на Сабунскую буровую. Вертолетка большая, как на базе, под тяжелые вертолеты, но — далеко от буровой, на болотной чистине.

Идем по густо заросшей лежневке к буровой.

На буровой — жуткое ощущение: будто на летучем голландце!

Почти комплектная установка: дизельный блок, насосный, вышка стоит. Даже талевая оснастка не снята! Ветер в таях и конструкциях вышки свистит — будто в корабельных снастях. Сквозь фермы оснований пробиваются кое-где осинки, березки... Приглядевшись, замечаю, что кое-какие узлы с оборудования сняты.

Идем в жилой поселок. С интересом рассматриваю маленькие, на двоих, балки-скворешники, сделанные из соснового бруса-сотки. Заходим в один из них... Из балка, между ног, как будто кутята или котята, неторопливо проскакивают ... серые зайчата! Хлопаем в ладоши, гукаем, — хоть бы что! Не боятся! «Зайка, зайка, потруси!» — запели с прихлопом. Малыши замерли, ушами водят, а взрослые вняли: потрусили под балки, то ли от греха подальше, то ли просто в холодок.

«Между прочим, — заметил мой наблюдательный сопровождающий, — зайчата второго помета. Хорошо устроились!»

«Идемте к шламовым амбарам сходим, — чуть погода предложил он. — Это буровая долго бурилась, с авариями, в основном из-за плохого снабжения: с «винта» ведь все, так что песочку много намыли... А он здесь кварцевый, крупнозернистый, — хоть стекольный завод строй!»

И в самом деле: за насосным сараем виднелись светлопалевые, начавшие зарастать иван-чаем песчаные бугры... Но это что? Неужели глухари?!!

Да! По песчаным буграм степенно расхаживали высокородные «бояре» таежного царства — глухари! Их родовые корни,

так же как и кедра, стерляди, осетра уходят в глубь геологических эпох!

«Видишь, в сухомятку и глухарь «не того»!» — намекнул мне прозрачно спутник.

Птицы, по всему, нас не боялись, но дистанцию метров в двадцать держали четко: береженного Бог бережет! Из-за постоянных перемещений сосчитать их было морочно, но десятка два их было — точно!

«Вот лет через «цать» высосут люди всю нефть из сибирских недр, уйдут или улетят... И будет по всей Сибири вот такая картина... Лес-то будет: осинник тот же, березняк, тальник на худой конец... А вот с живностью — как? Будет ли? Здесь-то — че! А вот там, где Смотлор, Покачи? Как думаешь?» — уже в вертолете, под рев турбин, после стакана сухешника (до антиалкогольной кампании оставалось девять лет!), пытал меня мой попутчик.

Я взял у него несколько «галечек» в шоколаде, попытался их разжевать, но орешки скользили и не давались, и я решил проглотить их целиком — по-глухарину, но поперхнулся и запил вином, поданным мне лукаво усмехнувшимся другом...

Я стал думать над вопросом, который задал мне друг.

Но думать мешала тряска.

«Зайка, зайка, потруси!» — орали турбины.

«Зайка, зайка, потруси!» — выговаривал мандражный пол, дюралевые переборки, сиденье...

«Зайка, зайка, потруси!» — выговаривала дефицитная мелочевка, найденная на старой буровой.

«Надо хоть вышку уронить, — подумал я, пытаюсь отделаться от навязчивых «заек», — а то в самом деле, как летучий голландец...»

МИШКА И МАШКА

В конце апреля на одной из буровых на Лабазной площади (ныне мяковское месторождение) увидел непорядок: сквозь крышу балка-сушилки «проросло» сучкастое дерево.

— Че-эт придумали, а?

— А гляньте! — хохотнул мастер.

— Ну и гляну!..

С весеннего солнца в сушилке я не разу не заметил пару шевелящихся, как мне показалось вначале, рукавиц-меховушек. «Да это ж медвежата!» — обомлел я. Не обращая на меня никакого внимания, они, как гуттаперчевые паучки, сновали по скамейкам и полкам сушилки, вылезали по дереву наружу, забавно ворча и посапывая.

Их миниатюрность и подвижность меня умилили, я решил приласкать сразу обеих сироток: погладить. Хорошо, что я поспешил с проявлением чувств и не снял кожаных перчаток.

Едва я коснулся пушистых спинок этих притягательных крошек, их «гуттаперчевые» лапки бритвенно острыми коготками мгновенно рассекли мои перчатки (Это был подарок жены. Пришлось сказать, что потерял. И только сейчас признаюсь — какая судьба их постигла на самом деле!).

Вторично с одним из медвежат я встретился в июне. Буровая бригада к тому времени скважину закончила и перебиралась на другую точку. Пролетом с Кыс-Егана, я остался у них ненадолго. Замешкавшись, сел в доверху забитый имуществом бригады вертолет в последний момент. Когда приземлились на новой буровой, едва бортмеханик отодвинул дверь салона в сторону, из вертолета, не дожидаясь пока навесят лесенку, вылетело наружу что-то наподобие черной молнии! (Мне так показалось!). Пару секунд — черная шаровая молния, прокатившись по торфянику, взмыла невесомо на одинокое сухое дерево, стоявшее на берегу небольшого круглого, словно блюдце из майолики, озерца.

«Ничего себе «рукавица-меховушка»!» — подивился я.

Да, это уж была не «меховая рукавица»! Это была, размером с привычного диванного плюшевого Мишку, — Машка, симпатичная, забавная, всеобщая, до поры до времени любимца. Оказалось, братца ее, Мишку, отдали капитану рейсового теплохода, а Машкиной хозяйкой стала повариха бригады.

Жила Машка вольно... И только когда навела однажды шмон в продуктовом складе, оказалась на цепи. Тросика, по которому скользит цепь, буровики не пожалели, и жизненного пространства у Машки было достаточно. Но все равно: на людских глазах, не больно-то спрячешься! А люди — разные! Одни придут поглазеть на ее цирковые номера да подразнить. А другие зато — с баночкой сгущенки или концентрированного молока, сахарку кинут, рыбкой угостят, конфеткой, кедровым орешком... Но сгущенка — лучше ее нет: слаще материнской титки! Поймает она банку, завалится на спину, вскрыет донышко когтями и сосет, и причмокивает до тех пор, пока банку в гармошку не сожмет.

По немецкой пословице вела себя с людьми Машка: «Ви цум мир, зо цум дир»! Одним позволяла чесать себя за ухом, а других подпускала только на длину цепи, у тех, кто забывался, штаны распускала на ленточки, да и мякоти порой прихватывала...

Осенью Машка стала агрессивной: даже с хозяйкой скандалила. После этого вывезли ее в поселок, а к холодам свели со свету: сало вытопили на лекарство, а мясо продали-раздали — как деликатес.

С Машкой — мясо, а что стало с Мишкой — полная неизвестность.

Грустный рассказ получился. Да и жизнь, даже звериная, в сиротстве да в неволе, веселая разве?..

ЛАСКА, БЕРТА И БАЛБЕС

Мой знакомый (мы дружили семьями) перевелся в другую экспедицию и оставил мне свою собаку по кличке Ласка. Ласка была одного помета с пропавшим Русиком, но другой конституции и окраса: была она поджарой, короткошерстной, черно-белой со звездочкой на изящной головке и белыми, запятой, бровями над умными, с живым блеском глазами.

Еще до посошка, растроганный хозяин символически передал мне собаку. «Вот, Ласка, у него будешь. Он — хозяин. Пока!» И подтолкнул собаку ко мне. И Ласка все поняла: признала меня за хозяина, стала рядом. Я нагнулся к ней, потрепал по загривку, почесал за ушами, она ткнулась холодным подрагивающим носом в ладонь, потом лизнула ее. «Ничего, Ласка, не бойсь!» — сказал я тихо и еще раз потрепал загривок.

И стала Ласка жить в бывшей конуре Русика.

Как и Русик, она носилась Бог знает где, но и без нее ни одна собака в наш двор не совалась: в этом отношении Ласка навела порядок. Чужих людей (пришлых да и поселковых, кто впервые приходил без сопровождения хозяев или ограниченного круга знакомых) она также не впускала во двор. И вообще была не очень ласкова — кличку не оправдывала.

К весне Ласка оценилась. Добрых кутят разобрали, а двух оставшихся утопить жена без меня не решилась. Когда я приехал, кутята подросли, и дети даже привыкли к ним, дали клички — Джек и Берта — и считали, что они должны остаться у нас. Я не стал супротивничать: пусть живут.

Через полгода Джек перерос родительницу. Был он беляв, мосласт, с туповатой, по-дворняжьки безобидной мордой, питался остатками, был до удивления простодыр: чуть не изо рта у него Берта и Ласка вытаскивали случайно доставшиеся ему лакомые кусочки. За что и получил от меня вторую, более подходящую, кличку — Балбес.

Берта окрасом повторяла мать, только мех у нее был пушистый, с густым подшерстком. Ростом она чуть пониже Ласки, но за счет меха казалась толстой и приземистой, мордочка у нее плутовья, лисья. Если выставлялась одна посуда с пищей, сначала Ласка ела, потом Берта, Балбес дожирал остатки. Ласка, как бы голодна ни была, ела всегда аккуратно и не спеша. Если кто-нибудь из нетерпеливых сотрапезников совался к ней, она в

лучшем случае зло скалилась и угрожающе рычала, а чаще пускала клыки в ход. Берта брала с нее пример и также огрызалась на Балбеса. Интересно, что он на них не обижался во время отдыха, после кормежки, играл с ними, весело рычал и гавкал, валялся на спине, а когда спали, был всегда с краю.

Бегали по поселку или по окрестным лесам они строго определенным строем: Ласка впереди, справа от нее, на полкорпуса отстав Берта, в такой же позиции, но уже относительно Берты, Балбес. Сокращения дистанции не допускалось под угрозой трепки.

Пока была одна собака, мы для нее специально не готовили: хватало остатков с нашего стола. А для троицы пришлось варить, и они привыкли, особенно зимой, к двухразовой кормежке по расписанию.

Обычно я вставал в шесть утра. Готовил себе завтрак и что-нибудь собакам (вермишель или кашу из концентратов, сдабривая все мясной обрезью, салом и т.п.); не позднее половины седьмого, собравшись на работу выносил им дымящееся на морозе варево. Пока я собирал их стывшие чашки, они молча крутились под ногами, виляя приспущенными книзу хвостами. Ласка ела в меру, часто оставляла объедки, у Балбеса — вечная безсытица: сожрет свое, пойдет чужие миски облизывать. Иногда это ему сходило, а другой раз сотрапезники и окрысятся: хоть и замёрзнет еда потом, а ему не дадут! Вот уж поистине собачья психология!

В другой раз приедешь ночью с буровых, только разоспишься, а они перед темным кухонным окном в три глотки заявляют о себе: «Гав! Гав! Гав! Давай, хозяин, жрать! Режим питания нарушаешь!» И громче всех Балбес: октавистый басыще к зиме у него определился!

Куда деваться? Приходиться вставать — кухарничать. Как снова уезжаю, жена говорит не шутя: «Бери с собой! Не дают поспать ни мне, ни детям. Что мы сейчас, в такую рань, делать будем? Забирай!»

По теплу решил я свозить их на буровую: затащил Ласку в вертолет, а Берта с Балбесом, поскуливая, сами по трапу поднялись (пилоты подтрунивают: «Никак на медведя, Николаич, а?»). Привезти-то привез, а улетать надо — их нет... Ведь только что, дрожа со страхом, со скулежом, таскались за мной длинным хвостом даже по буровой! Свистел, звал, едой приманивал — не откликнулись. В тайгу убежали? Под балки попрятались, осерчав

на меня? Наказал мастеру, чтоб, как появятся, отправил в поселок и улетел без них навстречу детским упрекам.

Узнаю потом: появились да не дались, издали обошли несколько раз буровую и исчезли. Через некоторое время видели их уже на другой буровой, на третьей... Держатся настороженно, в поселок не заходят, на помойках не роятся, на приманку не реагируют, на зов не откликаются.

Женщины мои поедом меня едят, пилят денно и ночью: «Русика тебя мало? Теперь и эти сгинут.»

Недели через три после этого у меня был день рождения. На работу я «нарисовался» в светлом летнем костюме в праздничном настроении: в кои-то веки выпала возможность встретить его дома! Меня поздравляли, а я в свою очередь, приглашал всех на банкет в столовую. А на рации мне преподнесли «подарочек»: на одной из буровых во время каротажа скважины при подъеме прибора оборвали кабель, стали ловить его самодельным «ершом» — только усугубили дело. Наглухо закупорили скважину стальным кабелем и сломанной самоделькой.

И я, не переодеваясь, прихватив необходимые «железки», полетел на аварийную буровую с надеждой, что к вечеру вернусь, а посему заказ на банкет в столовой не снял...

...Когда из скважины показался всклокоченный стальной клубок (на жаргоне «ведьма»), кто-то со смехом произнес: «Это, Николаич, подарок вам на день рождения!»

Но настоящий подарок мне в самом деле был предусмотрен судьбой иной...

Стою я в ожидании вертолета на бревенчатом плоту-площадке, так как вокруг буровой — непролазно торфяное болото. И авария-то, по сути, из-за этого случилась: каротажный подъемник стоял на хиленьком плоту и при первой же затяжке прибора и последовавшего рывка его развернуло. Жду я вертолет: прислушиваюсь, в горизонт всматриваюсь... И вдруг вижу: от леса по болотной жиже не идет, а почти плывет моя... троица! Пока я бегал в котлопункт, Ласка уже забралась на вертолетку, припала к настилу и, укоризненно мотая головой, завывала. Потом сделала еще несколько шагов и снова припала головой на лапы и завывала-заплакала-засмеялась. За ней следом ползли Берта с Джеком и вторили Ласке. Издали я кидал им котлеты, но подбирал их, да и то мимоходом, только Джек-Балбес... Ах, какой это был подарок!

И мы очень сожалели, когда, приехав из длинного, за два года, отпуска, не застали их в живых: какой-то шкуродер позарился на пышную, под полярного медведя, шубу Джека-Балбеса, а уж Берта с Лаской, видимо, за компанию пошли.

ПРО МИШКУ, ЖУЧКУ И РЫЖЕГО КОТА

Квартировали мы в 62-м году с Мишкой Савиным в закутке у тети Нюры. Мишка был капитаном катера озерного типа серии «Ярославец» под названием «Академик Зелинский». Осенью 61-го, из-за потепления и «острой производственной необходимости» навигация, после планового закрытия, была продлена, и вставшие было на отстой теплоходы решительно двинулись в «последний и решающий» рейс. Растеплившийся было по-весеннему ноябрь, вдруг закусил удила и резко повернул на мороз и многие суда и караваны с грузами оказались замороженными. Не избежал этой участи и Мишка: вмерз его «Ярославец» вместе с баржей в Тром-Агане, и они всю зиму с механиком и шкипером баржи «вымораживали» свои посудины, т.е. обдалбливали лед вокруг корпусов, но так, чтобы вода не проступила. В Сургут Мишка прилетал, чтобы сходить в баньку, набрать продуктов, инструмента, запчастей в караванке РЭБ флота (одновременно они и ремонт вели, готовились к следующей навигации!), ну и разумеется — гульнуть... В такие дни мне невольно приходилось составлять ему компанию, если я был в Сургуте.

Обычно, когда я приходил с работы, он был уже дома и «под шофе». «Хоре! — говорил он. — В караванке с утра, то, се... Потом сбросились по «рваному», снарядили гонца и — хорэ!.. По дороге домой у Толика, капитана ледокольного катера, ну, «Ермака», добавили... и — хорэ!» — он всхрапывал, гортанно посмеивался, крутил чернявой головой и тарасил и без того навывате светлые нахальные глаза. «Жучка! — вдруг начинал звать хозяйскую рыжую, смесь дворняги с таксой, собачку. — Жу-учка!..» — тянул он с подвывом, и собака, подскуливая, отзывалась, словно в губную немецкую гармошку дула. Мишка вскакивал, шарился в рюкзаке, вытаскивал из припасенных на зимовье запасов водку, палку копченой колбасы и начинал угощать Жучку, вымачивая колбасу в водке. После этого дуэтом они давали концерт... Впервые я наблюдал за ними с любопытством: Жучка вскоре начинала пошатываться на своих кривых коротких ножках, потом ложилась на живот и, задрав голову с блестящими, в слезах, коричневыми, с урюковую косточку, глазами, выла жалобно, многоголосно, копируя Мишкин, с надсадой, голос. В первый раз я, можно сказать, восхитился Жучкой: музыкально одаренная собачка! Но в следующий раз не на шут-

ку устыдился: «Что ты делаешь, капитан?! Это ж издевательство над животными!» — и пригрозил: «Тогда пей с Жучкой, а я с тобой — не буду!» «Ну — хорэ, хорэ! Стопуюм: вяжем узел на этом деле!» — обещал Мишка не спаивать больше Жучку. Тут и тетя Нюра появилась: «У, лихоманец! — замахнулась на Мишку полотенцем. — А ты, шалава балованная, кыш отсюда! — притопнула на Жучку чуней из валенка; та виновато, вихлявисто засеменила из нашего закутка прочь. — Вторая Онья, пра! — вздохнула тетя Нюра, заправляя серые, седеющие волосы под теплый, в клетку, повязанный домиком полушалок. — Кутенком, шутя, чай, приучили. Та же Онья, сноха, а то и Санька, зять: глаза как нальют, так пошутить горазды. Жучка — безобидна, чо... Вот ба над тоим котом, что у нас ране был... До Оньки, Валькя кады служил... Али уж пришел? Да, вот над тоим котом кто ба поизгалялси — да он ба ему первому зенки выцарапал! Вот какой был кот, хоть и ласковый на диво. Ласковый-то, ласковый, да только — с тверезвыми! Как учует, что винищем пахнет, зафырчит, зашипит, спина горбом, хвост трубой, когти наготове... — того гляди в клочья будет рвать, только суньси! Седни бы изукрасил Михаилу патрет, а може и ишо чо... Да и мне ба, грешной, досталосси... — тетя Нюра пригубила рюмку, промокнула уголком полушалка губы. — Жили мы тады, как щас, через стенку. И было у нас три кота: наш, соседский и этот ,рыжий , общий как ба. Рыжмя он был рыжий! Да здоровущий какой! Тигра вылитая, без полос тока. И вот ведь что: окромя пьяных — свово брата — кота — не любил! Што нашего, што соседского: измордовал их в конец! Загонит, бывало чай, того али этого, куда ни то в угол и давай бить — ну, как мужик какой, пра! Загонит, и — хлесь, бедолаге, лапой по морде, хлесь — другой! До крови, злодей, исхлещет, бывало... Тот орет, как резанный, а вырваться мочи не хватает ай духу... А с нами — ласков был, с хозяйками, куды... И любил он с нами на ту сторону Оби, на заимки, плавать — на дойку коров. Мы, эта, с соседкой, на лодке — на греблях, а он — самостоятельно: за нами... Эта... — тетя Нюра, мелко посмеялась, вытерла слезлившиеся глаза: — Эта... как живой перед глазами: шпарит за нами и шпарит — как на мотоциклете, окаянный! Хвост трубой, усы вверх топорщит, а лапами-т, лапами-т — как на педали жмет... И разводья за ним, разводья... Куда ондатре до него! Мырять в воду умел ба, с ним по ондатру можно ба хаживать. Да, вишь, слыхала, нельзя кошкам

мырять: утопнут, воду уши не держат... Мы к берегу пристаем, а он уж нас дожидатца, лихоманец! Третця, кренделя под ногами пишет, мурлычит: и тако довольство в его усатой морде, гордыня такая, словно сказать хочет: проходите, мол, хозяйюшки дорогие, все тут баско, мол, как в сказке, вас токо и не хватат! Куда денисси: с первого подойника парного молочка в чаплыжку и отольешь. Да и соседка не пожалует: тож плеснет... Оно, вишь, так испокон ведетця: ласковое теляти двух маточек сосет!..» — тетя Нюра допила рюмашку, как-то подобралась, и будничным голосом закончила:

«Убил его мой хозяин, не тем будь помянут. Давно грозилси, за его шип да фыркanye: ишь, мол, фон-барон какой, винный дух ему не нравитця, а хошь Пальму, мол, направлю аль на удавку возьму?.. Тут кадысь пришел с охоты выпимши да и стрелил кота из ружа. Потом сам жалел: больно уж прилипчивый кот был, памятный, пра.. Тоих-та котов и забыла напрочь, а рыжий — все блазница... А Жучку-т, Михаил, не пои — лучше уж меня кликни...»

«Хорэ, тетя, Нюр! — взглотнул Мишка, — идейный смысл политбеседы усек! Разрешите налить за помин его души четырнадцать капель? Хоть Рыжий и котом был, но душа-то у него, как у меня, мариманская была, так получается! Хорэ?»

Больше Мишка Жучку не провоцировал. И только уезжая, позволил себе расслабиться: позавывали они на прощанье виртуозно и жалостливо. Было и в самом деле грустно: с Мишкой мы так до сих пор и не встретились. Спрашивал я о нем позже у тети Нюры, сказала она, что будто бы плавает он где-то «в морях-окиянах».

ПЕСТРЫЙ

В середине августа 1961 года мы, трое молодых специалистов, с пересадками и ночевками на «песках», добрались, наконец, до Ярсомовского участка глубокого бурения. Встречало нас все население поселка: человек пятнадцать мужиков, несколько женщин с детишками на руках и у подолов и стайка ласковых пушистых собак.

Приняли нас радушно: жилье — на выбор, продукты и инвентарь — под запись. Определились и с работой: кому — кем и в какой вахте. Не забыли и про досуг: домино, колода карт и несколько книжек без корок. И самое главное — вооружили! Продали — в долг — ружья и охотничьи прищипки. А удочки и прочие рыболовные снасти, сказали, «колхозные»: на берегу Кривого озера. Червей каждый сам себе копает, остатки на берегу заносит. Мы решили утречком порыбачить. Сопроводить нас вызвался ближайший сосед.

Каким не казался бесконечным день прибытия, но и он завершился: медленное нежаркое солнце зависло над вершинами соснового бора, в котором, мы уже запомнили, было зимовье хозяина этих угодий Миши-ханта. Солнце как бы застряло в ветвистых кронах: какое-то время оно было неподвижным, зато потом, словно выпутавшись, быстро закатилось за горизонт. Утомленные, сытые мы забрались в спальники и уснули молодым сном...

Петро, наш сосед, по прозвищу Выколотка, поднял нас, сонных как рыбы, в четыре часа утра.

На Кривое озеро вела тракторная заросшая дорога. Сосняк, начинавшийся почти от крыльца, местами был вырублен. Вскоре мы свернули с дороги и пошли по теряющейся тропке, петлявшей по предболотью между темными, в коростах и мхах, осинами, елями и березами. Местами под ногами хлюпала вода, остро пахло болотом. «Зарастают стежки-дорожки!» — вздохнул Петро. Вышли к озеру. Оно оказалось в самом деле кривым, но — плавно, лекально-кривым! («Меандра Югана», — догадался я). На его низких берегах росла осока, кусты ивняка спускались в воду. На той стороне темнела еловая стена, справа — пламенел в лучах восходящего солнца бронзовый сосновый костер. Рядом, возле коряги, стояла полузатопленная лодка, в ней — удочки. Мы их разобрали, наживили насадку и...

Ох, какой это был клев! В детстве мне доводилось рыбачить на Зилиме, Деме, Белой, Уфимке, но такого клева я не видел! Что говорить про хлопцев «з Домбасу»! Павло гоготал от восторга.

В самый разгар клева за спиной раздался истошный лай собак.

«Шо це таке? — вострепнулся Павло. — Кого это лайки обложили: видмедя, лося чи глухаря?.. От зря винтовку не взяли!»

«Лайки»! — Петро смешно сморщил длинный нос. — Лаек-то чистых даже у Мишы-ханта нету. Это — брошенные собаки. Старые да глухие. А то еще и слепые — как Пестрый! Лайки не лайки, но хорошие были собаки. Когда-то. И на лося и на медведя ходили. Не заметили еще? Шкуры-то лежат — у многих! А сколько увезли?.. Тут, под зиму-то, остались что люди, что собаки — такие же... безответные... Добрые-то да нахрапистые на новом месте мохом уже обрастают...

Петро собрал снасти, взял улов: «Ладно, рыбачьте! Мне с восьми на вахту. Вам — с четырех, успеете еще и порыбачить и кимарнуть. Пока!» — и пошел.

И только тут мы заметили, что он «хорошо» хромает.

Домовитый Грицько, собрав улов в общий котел, подумав, сказал: «Добже, паны рыбаки. Довольно: бильше не осилим, испортятся. Дорогу — знаемо...» И тоже исчез.

Солнце благостно припекало. Озеро — как зеркало! Берега — один к одному — отражались в воде. Временами, будто тонким пером или иглой, по озерной глади, как по листу акварели, ватмана, доске — штрихи и линии...

Вдруг рядом: «Бульк»!

«Та це ж крыса! Водяна крыса!»

Да, как нам потом сказали, это была — ондатра...

«Ее здесь — море!» — сказал мне позже друг мой Кеша-ярсомовский.

А собаки лаяли, заливались...

Грицько пошел уху варить, мы с Павлом — подались на лай...

Возле огромной сухостойной осины, возвышающейся над хвойным кровавыми, бесновались две собаки. Остервенело лая сиплыми голосами, они кидались на серо-шелковистый комель дерева, когтили его, обнажая белую, словно обескровленную, плоть.

Поддавшись охотничьему азарту, полусогнувшись, мы пошли осторожно (у меня в таких случаях кожа как будто не моя: в это

время мне кажется, что я — волосатый, и что волосы у меня — вздыбились! Не только те, что на мне, но и те — что были на предках. Это — не ощущение «гусиной кожи», а именно вставшего дыбом загривка!)

Когда мы подкрались метров на двадцать (т.е. на выстрел), собаки — одна, черно-белая, крупная, с басистым голосом пропойцы, «вторая» — серо-черная, с желтинкой, перепелесинкой, с визгливым подвоем, — обе они переместились на четверть окружности, подставляя тем самым того, кого они облаивали нам в полупрофиль...

«Чтобы дробь — под перо!»

(Это я сейчас — уже теоретически! — знаю...).

О, что это была за пантомима!

Жаль, никто, в том числе и мы сами, ее не видели. Но задним числом...

Движения... Общие. Шеи... Глаз...

(«Лайки»-то — неистовствуют!)

Вывод: «Пернатых — нету!» (Но: были! Или?..).

В записной книжке я постеснялся назвать фамилию хозяина Пестрого, а сейчас — я не могу вспомнить, чтобы — точно.

Им сказали, что мы живем в его рубленной избе, и то Пестрый — а его звали по другому, — после этого никого за хозяина не признавал: до нас.

Нас он признал. Хотя все было не просто!

Грицко — наш «мажордом» — его в основном кормил. Мы с Пашкой работали в разных вахтах, и на охоту ходили по очереди.

Тогда мы себе не признавались, но, видимо, мы брали его не для охоты — хоть он порой, в ненастье, облаивал невидимых в кронах тетерок и косачей возле зимника Миши-ханта, а скорее за компанию! Не от страха, конечно, а больше — для его удовольствия...

Он действительно не видел и не слышал... Но все ему заменяло обоняние и осязание...

Морда у него была черной. Только на ушах, к кончикам (одно ухо обморожено), шла белизна. Чепрак — черный, а по бокам — к ляжкам и по ним, — крупные белые клинья, да на груди — белый галстук и надбрюшье — белое. На бровях, словно кисточкой белилами, в иероглифе «ум», белым по черному, неповторимый знак... Ах, если бы не эта тусклая, — «целофан-

довая!» — пленка на его глазах!.. Жалко было этого могучего еще и умного пса.

Утолив свой охотничий азарт, на охоту мы ходили по надобности: только на еду. Рябчики нам приелись: на троих — два рябца, пару десятков окунишек в день; пару косачей, две-три утки (в зависимости от массы, — на неделю. Если Грицько бастовал, приходилось бить и на соседку: за «скубление» дичи.

В тот год стояла на Большом Югане необыкновенно длинная золотая осень. Даже в октябре, когда ночами изморозь покрывала крыши наших домов, а по утрам на коньках изб таращились косачи, а на балконах вышки — глухари удивленно слушали рев дизелей, днем, в зустеньи, солнышко грело ласково и любвеобильно, так, что — шиповник по новой набухал и брусника в цвет выходила... А на березах почки высывали свои, уменьшенные, конечно, во много раз, но неистребимые, как шеломы полка-Игорева, свои шеломообразные головки, уверенные, что они станут — березовыми вечными листьями.

В один из таких дней я подался на «заказное» убийство: за уткой.

Круглое озеро (на Кривом утки не водились, за исключением чирков: их мы не брали из-за того, что там на каждый грамм мяса нужно было потратить грамм свинца. Да плюс порох...), где кормилась пролетная утка, был по пути к зимнику Миши-ханта: чуть дальше свертка на Кривое озеро.

Пестрый, конечно, не лежал постоянно у нас на крыльце и не караулил, когда мы будем собираться на охоту. В этом случае было бы все ясно: запах пороха учуял и — ...

Нет. он мог чуть опоздать. Более того: не пойти, когда мы шли пристреливать ружья, заряды. Но мог и предвосхитить: встретить на перешейке или у зимника.

Так случилось и в этот раз: только я на тропу «охоты», а Пестрый — уже там!

Утки на Круглом были не гнездовые. Как только озеро пропезалось меж стволов сосен, смотри: если есть, тогда крадись. А на нет — суда нет!

Иду, пригнувшись, все — глазам... середина... забереги... справа... справа — разводья!..

И вдруг — истошный, захлебывающийся лай...

Все! Безнадюга! Утки — о!.. Придется теперь за косачем...

(Так Грицько установил: утка или косач. По перу: шо того скублить, шо тою...).

Выхожу на перешеек... У Пестрого — загривок дыбом, из пасти пена... Поперек дороги — старая колода, корни чуть правее, скатом оттуда, а по дороге — лежневкой. Тысячу раз перешагивал через нее. И — только что!

Далеко уже отошел: Пестрого нет. Вернулся. Ташу его — не дается!

И я рассердился: уток распугал! Меня — задерживаешь! Пристрелю! И как прикладом по колоде жажну: айда, мол, а то...

Как все получилось — не могу понять! Метнулось что-то черное. Ружье мое курковое крутанулось в руке и бабахнуло... В пороховом дыму (дымный порох тогда был) вижу метнувшегося Пестрого за чем-то черным...

Ох, видели бы вы морду Пестрого, когда он мне преподнес «зверя»!

Черный зверь — так мне показалось! — с когтистыми лапами, он не вызвал во мне хороших чувств: я перекинул его через колоду, где повыше, и пошел с Пестрым за косачами...

(Кеша, которому я рассказал об этом, предположил, что это — киндус, внебрачное дитя соболя и куницы. Впрочем, сказал, если тебе не надо, я сделаю воротник дочурке. Ради Бога, сказал я. Тем более, что это — Пестрого заслуга!).

В самом конце октября погода испортилась.

Главное было — отгрузить оборудование до ледостава!

Людей вывозили по всякому: до собак ли было дело?

Пестрого, знаю, не вывезли.

Если Миша-хант пристрелил его, и то хорошо.

Хуже, если он в зиму ушел один, — снега там: трактора не видно, если не движется. А снегу в тот год было — ой-ей-ей!

... Пестрый, Пестрый!.. Ты мне испортил карьеру, но не жизнь!

P.S.

А ведь сейчас многие бывшие владельцы Пестрых оказались их положении: хозяева удрали, здоровье потеряно, на месте питаться нечем, а в хлебные края податься — не на что...

СОДЕРЖАНИЕ

Задумано надолго и не зря	4
---------------------------------	---

НАМ ЕСТЬ ЧТО ВСПОМНИТЬ

«Не русский я, но россиянин»	6
Встреча с молодостью	11
Я пришелся ко двору	15
Младший из семьи Гордеевых.	20
Он был — «верховым»	24
Прораб Анисимов	30
Докторская семья	35
Нам есть что вспомнить	41
У колыбели Мегион-града	54
Отпечаток	73
Претерпевший же до конца спасется	85
Секреты пайки	93
На земле мы тоскуем о небе	98
И все же главное в жизни — семья	108
По рождению — «рыночник», по жизни — работяга	116
Традицию не нарушай	121
Казак Пацюк	124
Чередой испытаний	133
Нижнеянская казначейша, или «в сердце — только май»	147
Чувство уровня, или бульдозерист — сын бульдозериста	154
Пробуждение души	157
Лики творчества	174
Гурманы	183
Засада	192

НАШИ СОСЕДИ

Пестуны	202
Грэй	205
Пухиня и Грэй	209
Зайка, зайка, потруси!	211
Мишка и Машка	213
Ласка, Берта и Балбес	215
Про Мишку, Жучку и рыжего кота	219
Пестрый	222

Издание осуществлено при финансовой поддержке
муниципального образования город Мегион

КОЗЛОВ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Очерки истории разведочных работ на нефть и газ
в Нижневартовском районе в лицах

Книга вторая

Редактор Г.В.Иванов
Компьютерная верстка Я.С.Недвиги

Изд. лиц. ИД № 04401 от 26.03.01 г.
Подписано в печать 16.09.04. Формат 84Х108^{1/32}.
Бумага ВХИ. Гарнитура *Text Book*. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 711.

Банк культурной информации.
620026, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56.
Тел./факс +7 (343) 251-65-26.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в издательско-полиграфическом комплексе «Звезда».
614990, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

097602005
Окружная библиотека

